

№ 4 (232). АПРЕЛЬ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

И. И. ЛЕВИТАН. САВВИНСКАЯ СЛОБОДА
ПОД ЗВЕНИГОРОДОМ.
ХОЛСТ, МАСЛО. 1884 ГОД

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:
Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:
С. В. Васильева

Редактор:
Е. А. Берг

Редактор-корректор:
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2010

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 17.03.2010
Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются

В НОМЕРЕ:

НА НИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

2 Дина Леонидовна Трофимова
Высочайшее покровительство
О поддержке, которую оказывал император Николай II российским деятелям культуры и искусства

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

8 Александр Александрович Кузнецов
«Место, завоеванное им собственной кровью...»
О судьбе захоронения героя Отечественной войны 1812 года князя П. И. Багратиона (1765–1812) на Бородинском поле

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

15 Виктория Николаевна Торопова
«Я всегда чувствовал Вашу любовь»
О дружбе епископа Стефана (в миру С. А. Никитина. 1895–1963) и видного искусствоведа, философа, религиозного мыслителя С. Н. Дурылина (1886–1954)

КАК ЭТО БЫЛО

24 Екатерина Адольфовна Берг
«Вещи общегосударственного значения»
Из истории работы Музейного отдела Наркомпроса в 1918 – 1920-х годах

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

35 «На аппетиты инвесторы не жалуются...»
Беседа специального корреспондента «Московского журнала» Б. Х. Бухариной с президентом Союза московских архитекторов, вице-президентом Союза архитекторов России В. Н. Логвиновым

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

41 Вячеслав Николаевич Рожков
По старой Можайской...
Об этой знаменитой дороге и ее забытом маршруте через Звенигород

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

50 Александр Николаевич Потапов
Мельница
Из детских воспоминаний

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

54 Александр Яковлевич Булгаков
Современные записки и воспоминания мои
Отрывки из дневника

ТРУДЫ И ДНИ

68 Николай Владимирович Вехов
Архитектор, ученый, педагог
О видном исследователе древнерусского зодчества, архитекторе-реставраторе В. В. Суслове (1857–1921)

РОССИЯ В ХХ СТОЛЕТИИ

74 Сергей Викторович Шумихин
Советский Жарр, или симфония гудков Революционного Арсения Аврамова
Об одном из творческих экспериментов 1920-х годов

ЛЕТОПИСЕЦ

81 Постановка драматической хроники А. Н. Островского «Тушино»

Мероприятия, посвященные 110-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза В. И. Чуйкова

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

91 Иван Иванович Магер
«Средь туч — к солнцу!»
О художнике В. М. Татаринове

Дина Леонидовна Трофимова

Высочайшее покровительство

О поддержке, которую оказывал император Николай II
российским деятелям культуры и искусства

*В. А. Серов. Портрет императора Николая II.
Холст, масло. 1900 год*

НА НИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

*«Удивительно, как незаметно
во всей заварившейся сутолоке
проходит известие об аресте царя.
Возмутительны все те пошлости,
которые теперь изрыгают
по адресу этого «лежачего».*

Александр Бенуа¹

Николай II неоднократно выделял суммы из средств Кабинета его императорского величества для финансирования различных инициатив в области культуры — например, на «организацию русских спектаклей за границей»² или «постройку выставочного здания Русского отдела международной выставки в Глазго»³. В новом по тем временам виде искусства — кинематографе — личной награды царя удостоился режиссер, сценарист, выдающийся организатор кинопромышленности Александр Алексеевич Ханжонков за картину «Оборона Севастополя» (режиссер В. М. Гончаров). Особая государственная помощь оказывалась развитию выставочной и издательской деятельности в области русского национального искусства. По свидетельству современника, редко кто так горячо любил русское искусство, как государь: «Много раз он выражал сожаление, что русские художники пренебрегали своим национальным искусством и русским стилем, который открывает дорогу творческим возможностям к сокровищу дивной неистощимой красоты»⁴.

При непосредственном участии и материальной поддержке императора И. В. Цветаев в 1898 году приступает к созданию Музея изящных искусств в Москве (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пуш-

кина) — получению земельного участка под здание, привлечению средств на его строительство. Иван Владимирович так описывал обсуждение с Николаем II данных вопросов: «Его величество отнесся к этому предприятию <...> с милостивым сочувствием. <...> Государь подробно расспрашивал о назначениях многочисленных зал, о стиле предполагаемой постройки, о деле земле[устройства] и тут же пожаловал нам 200 тысяч рублей. С тех пор внимание Его величества к ходу дел музея не прекращалось: по званию секретаря комитета я имел счастье представлять [ему] личные доклады»⁵.

К 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1899) согласно распоряжению Николая II при Императорской академии наук создается комиссия под председательством президента академии Великого князя Константина Константиновича по сооружению в Петербурге памятника поэту. Комиссия пришла к заключению, что «для увековечения памяти великого русского поэта достойным его имени образом желательно было бы, кроме постройки памятника, учредить еще особый посвященный Пушкину пантеон русской литературы, в котором могли бы поместиться Пушкинский музей, библиотека и другие научно-литературные учреждения, относящиеся к пушкинскому и послепушкинскому периодам русской литературы»⁶. В 1906 году Николай II приобретает в казну принадлежавшую внуку Пушкина личную библиотеку поэта (3,5 тысячи книг), «чтобы она, не поступая в собственность Императорской академии наук, временно хранилась в последней, а по сооружении в Петербурге отдельного здания для Пушкинского музея вошла в состав такого как достояние государственное»⁷.

*Музей изящных искусств в Москве.
Фотография К. А. Фишера*

НА НИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

На издательскую деятельность в сфере изобразительных искусств также ежегодно выделялись средства. «По высочайшему повелению 12 марта 1899 года Императорскому обществу поощрения художеств производится пособие в течение 1899—1903 гг. по 15000 руб. в год на издание журнала «Художественные сокровища России»⁸. Кроме того, тому же обществу ежегодно отпускалось по 5000 рублей на выпуск «Сборника рисунков». В научные и художественные общества, образовательные учреждения, музеи, общественные и частные библиотеки из Собственных его императорского величества библиотек регулярно передавались ценные художественные книги и другие материалы. Практиковались единовременные дары. Так, например, в 1899 году император приобрел полное издание «La Basilica di San Marco in Venezia» для библиотек Императорской академии художеств, Строгановского училища технического рисования в Москве, Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Санкт-Петербургского и Московского обществ архитекторов, Одесской и Казанской рисовальных школ, Императорского московского технического училища, Рижского политехнического училища, Радищевского музея в Саратове. Эрмитажу была передана коллекция миниатюр, привезенных императором в 1891 году из Индии, Суворовскому музею в Санкт-Петербурге — бумаги, карты, портреты и другие предметы, принадлежавшие великому полководцу и приобретенные Николаем II у его внуки, Императорскому Томскому университету — гравюры и книги; более двух тысяч книг было отправлено в общественную библиотеку Читы.

Николай II оказывал не только материальную, но и моральную поддержку деятелям искусства, посещая художественные выставки. На выставках, организуемых С. П. Дягилевым, широко демонстрировалось все новаторское в искусстве; устраивались и ретроспективные показы произведений русских живописцев XVIII—XIX веков: Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, О. А. Кипренского, А. Г. Венецианова, В. Л. Боровиковского, Ф. Я. Алексеева, А. П. Антропова, И. П. и Н. И. Аргуновых, С. Ф. Шедрина и других. «Посмертную выставку художника Левитана в залах Императорской академии художеств посетил государь император. <...> Его величество был встречен великими князьями Владимиром Александровичем и Георгием Михайловичем, графом И. И. Толстым, редактором-издателем журнала «Мир искусства» С. П. Дягилевым, а также художниками Нестеровым, Серовым, Коровиным, Бенуа, Бразом, Пурвитом, Рущицом, Лансере,

Обером и Остроумовой. Его величество пробыл на выставке полтора часа. Во время обзора государь приобрел картину художника А. Бенуа «Пруд перед Большим дворцом»⁹.

В дневниках императора Николая II имеется немало записей о посещении художественных экспозиций. Например, 1896 год: «8 января. <...> Поехали втроем в Академию художеств на акварельную выставку. Купил несколько картин. <...> 10 февраля. <...> Посетили передвижную выставку, где Аликс и я купили по две картины. <...> 12 февраля. <...> Поехали в Академию наук на выставку Петербургского художественного кружка. <...> 15 февраля. <...> В школе рисования при Обществе поощрения художеств осмотрели все классы. Приятно видеть, как поставлено в ней дело обучения рисованию»¹⁰.

В своих мемуарах художник Александр Николаевич Бенуа так описывает встречу с Николаем II на одной из выставок: «Государь по прибытии стал осматривать подробно тот ряд зал, что открывался по левую руку от входа, и продвигался он медленно, выслушивая объяснения, иногда довольно пространные. <...> Я уже не раз имел случай оказываться в непосредственном контакте с императором (тогда еще наследником) на акварельных выставках да еще совсем недавно — на открытии нашей выставки русских и финляндских художников, но там среди массы людей трудно было его вполне осознать, здесь же я его получил на добрые двадцать минут. Надлежало ему все рассказать про состав собрания, про его характер и значение; я отвечал на его вопросы, а перед

В. А. Серов. *Портрет С. П. Дягилева.*
1904 год

НА НИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Б. М. Кустодиев. Кружок «Мир искусства».

Холст, масло. 1916—1920 годы.

Изображены (слева направо):

*И. Э. Грабарь, Н. К. Рерих, Е. Е. Лансере,
И. Я. Билибин, А. Н. Бенуа, Г. И. Нарбут,
Н. Д. Милиоти, К. А. Сомов, М. В. Добужинский,
К. С. Петров-Водкин, А. П. Остроумова-Лебедева, Б. М. Кустодиев.*

Журнал «Мир искусства». 1899 год.

Обложки оформлены М. В. Якунчиковой (в центре) и К. А. Коровиным

НА НИВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

*Первый номер ежемесячного сборника
«Художественные сокровища России» за 1902 год*

некоторыми произведениями происходила более долгая остановка, и между мной и самодержцем всероссийским завязывался настоящий обмен мнений. К последнему располагало полное отсутствие в Николае II величия. Спрашивается, могло ли что-либо послужить

*И. А. Иванов. Вид парадной лестницы
Академии художеств. 1829 год*

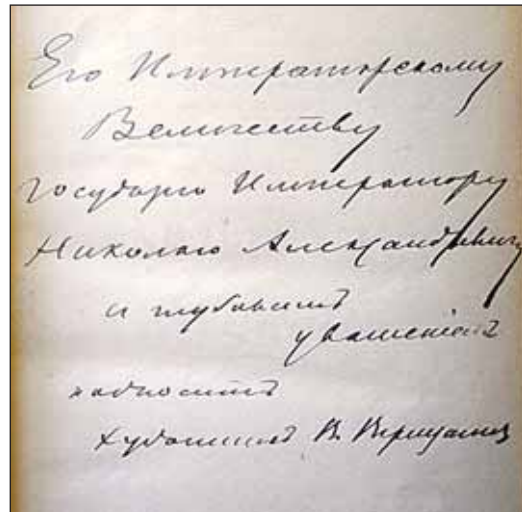
темой для такого обмена мнений во всем том, в сущности, очень скромном и совершенно безобидном, что здесь было выставлено; однако нашлись эти темы и здесь. Особенно долгие остановки произошли перед недавно приобретенными эскизами Нестерова к образам в храме и перед прекрасной акварелью Репина «Читающая дама», перед чудесными кавказскими акварелями Альбера»¹¹.

Император поддержал проект, связанный с издательской деятельностью художественного объединения «Мир искусства», образованного в конце века и заявившего о себе выходом одноименного журнала. Идейным руководителем «мирискусников», издателем и редактором журнала стал С. П. Дягилев, вторым редактором — А. Н. Бенуа. В течение первого года денежную поддержку журналу оказывали княгиня М. К. Тенишева и меценат С. И. Мамонтов, в дальнейшем издание полностью субсидировалось Николаем II. В 1898 году в библиотеку императора поступили два экземпляра первого номера «Мира искусства», поднесенные императору 28 ноября С. П. Дягилевым. К ним прилагалось подробное изложение целей и задач издания: поднятие художественного уровня и развитие эстетического вкуса во всех отраслях отечественного искусства, ознакомление широкого круга читателей с лучшими образцами современного художественного творчества как в России, так и за границей¹². На листе с «изложением задач» — благодарственная резолюция от 10 декабря 1898 года. За этим последовало распоряжение о выделении средств из Собственной его императорского величества канцелярии на издание журнала «Мир искусства», «в связи с которым Дягилевым устраиваются художественные выставки и выпускаются различные художественные издания»¹³. Что касается последних, одним из них стало подготовленное С. П. Дягилевым научно-художественное исследование «Русская живопись в XVIII веке», три тома которого было «высочайше повелено» субсидировать из сумм Кабинета его величества¹⁴ в ответ на просьбу С. П. Дягилева «о поддержке моего многолетнего труда так же, как Вашему величеству угодно было до последнего года субсидировать журнал «Мир искусства», всецело обязанный своим процветанием высокой помощи Вашего императорского величества. Размер субсидии, которая обеспечивала бы выход издания в свет, исчисляется в той же сумме, как субсидия на журнал «Мир искусства», т. е. 10000 рублей на каждый том, причем было бы в высшей степени желательно для дела выпустить

Дарственная
надпись автора
на книге
В. В. Верещагина
«*Napoleon I en Russie*»
(Paris, 1897)
из библиотеки
Николая II

Экслибрис
императора
Николая II

два подготовленных тома в течение текущего года и последний в будущем. <...> Я решаюсь говорить об этом столь уверенно, так как воочию столкнулся с этим вопросом за время моего почти полугодового объезда русских имен. <...> За это время я слишком ясно ощутил, насколько надо торопиться с собираньем и изданием всего этого художественного материала, который невозможно иначе ни сохранить, ни исследовать»¹⁵. Выпущенный С. П. Дягилевым первый том «Русской живописи в XVIII веке», посвященный произведениям художника Д. Г. Левицкого, удостоился большой Уваровской премии¹⁶.

Заканчивая этот далеко не полный обзор, нельзя не сказать о следующем. Выполненные в соответствии с художественными требованиями «Мира искусства» замечательные образцы книжной графики из библиотеки императора Николая II, которая после 1917 года разошлась по разным архивам, а частично была продана за рубеж, представлены и в фондах Российской государственной библиотеки. Это — издание «*Vassili Verestchagin. Napoleon I en Russie*» (Paris, 1897) с дарственной надписью автора: «Его Императорскому величеству государю императору Николаю Александрови-

чу с глубоким уважением подносит художник В. Верещагин», оригинальный альбом «Памяти А. С. Пушкина. Художественный лист», вышедший в Санкт-Петербурге к юбилею поэта (автор — искусствовед И. Н. Божерянов), книга «Пушкин А. С. Каменный гость» (СПб., 1895) с иллюстрациями С. С. Соломко. В Научной библиотеке Государственного Эрмитажа также хранятся издания с царским экслибрисом: «Русская карикатура» В. А. Верещагина (СПб., 1913) и «Спасенная Россия по басням Крылова» (СПб., 1913), оформленные художником Г. И. Нарбутом, «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина (М., 1915) с иллюстрациями В. М. Васнецова и многие другие. В целом книжное собрание Николая II «как оригинальное произведение, которое в диалектическом единстве отражает, с одной стороны, личность его создателя, а с другой — значительный срез эпохи как в ее главнейших, так и малозначительных чертах»¹⁷, собиравшееся на рубеже XIX–XX веков в период стремительного развития книжного дела в России и за рубежом, появления новых художественных стилей и направлений, тоже должна считаться весомым вкладом императора в историю отечественной культуры.

¹ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 годов. М., 2006. С. 159.

² РГИА. Ф. 472, оп. 43, д. 35, л. 101.

³ Там же. Ф. 565, оп. 14, д. 114, л. 221.

⁴ Цит. по: Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Оптина пустынь, 2008. С. 245.

⁵ РГИА. Ф. 922, оп. 1, д. 740, л. 10 об.

⁶ Положение о Пушкинском доме. Полное собрание законов Российской империи. Т. 27. № 29406.

⁷ Там же.

⁸ РГИА. Ф. 565, оп. 14, л. 187 об.

⁹ Мир искусства. 1901. № 6. С. 130.

¹⁰ Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. М., б/д. С. 122, 127, 129.

¹¹ Бенуа А. Н. Указ. соч. С. 159.

¹² РГИА. Ф. 472, оп. 43, д. 9, л. 234–238.

¹³ Там же. Ф. 565, оп. 14, л. 187.

¹⁴ Там же. Ф. 472, оп. 43, д. 52, л. 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ф. 468, оп. 14, д. 2210, л. 15.

¹⁷ Петрицкий В. А. Мир библиофильства. Вопросы теории, истории, психологии. М., 2006. С. 36.

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

Александр Александрович Кузнецов

«Место, завоеванное им собственной кровью...»

О судьбе захоронения героя Отечественной войны 1812 года
князя Петра Ивановича Багратиона (1765–1812)
на Бородинском поле

*Д. Дайтон. П. И. Багратион.
Бумага, офорт, раскрашенный акварелью. 1814 год*

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

Утром 2 сентября 1812 года большая черная карета, запряженная шестеркой лошадей, увозила из Москвы раненого Багратиона. Поскакал за каретой эскорт, вслед потянулся длинный транспорт с ранеными офицерами. Московскому генерал-губернатору графу Ф. В. Ростопчину недосуг было проводить своего друга. Вчера он передал Багратиону через адъютанта требование покинуть Первопрестольную, на что князь ответил запиской: «Прощай, мой почтенный друг! Я больше тебя не увижу. Я умру не от раны, а от Москвы».

На следующий день во втором часу пополудни князь Петр Иванович прибыл в Сергиев Посад. Разбитая грязная дорога измучила его. Не меньшие мучения причиняла мысль о сдаче Москвы. Не давала покоя опасность встречи с французскими разъездами. Не в состоянии продолжать путь из-за жестокой боли в ноге, генерал решил остановиться в лавре. Вскоре старший адъютант Багратиона полковник Брежинский доложил, что отправил партию казаков для наблюдения за неприятельскими разъездами. Петр Иванович несколько успокоился и призвал врачей. Лейб-гвардии Литовского полка доктор Яков Иванович Говоров оказал Багратиону первую помощь прямо на поле боя и, оставив свой полк, последовал за раненым. Неотлучно был при князе и главный медик 2-й Западной армии доктор Гангарт.

Доктора, открыв рану, почистили ее и вновь наложили шину. Далее, поколебавшись, высказали свое мнение: терапевтические средства бессильны, необходима ампутация. Багратион с гневом отказался и велел везти себя в село Симу под Юрьевом-Польским, в имение своего друга князя Бориса Андреевича Голицына, а докторам «суметь одолеть болезнь лекарствами». Однако тряская дорога и необходимость тревожить рану при переноске больного привели к окончательному перелому кости и резкому ухудшению его общего состояния. Гнилостная инфекция и сепсис к 10 сентября уже не оставляли никаких надежд. Багратион наконец согласился на ампутацию ноги, но было поздно.

Помещенный в одну из спален дворца Голицыных, Багратион еще оставался в сознании и пожелал сделать некоторые распоряжения по завещанию. Затем приказал позвать священника...

Из духовного завещания князя Петра Ивановича Багратиона: «Доктора Говоров и Гангарт — по двести пятидесяти червонцев; служащий при его сиятельстве отставной майор Катов — восемьдесят червонцев, произведенный в подпоручики из гвардии унтер-офицер Чевский — двадцать пять червонцев, камергер Иозеф Гави <...> — шесть тысяч рублей и верховую серую лошадь; крепостных людей: Осипа Матвеева сына Смирнова,

А. И. Вепхвадзе. Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле. Холст, масло. 1948 год (из фондов Музея-панорамы «Бородинская битва»)

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

*Усадебный дом князя Б. А. Голицына в селе Сима.
Современная фотография*

shkolazhizni.ru

«ПРОХОЖИЙ, В СИМЕ ЗРИ
ТОГО ГЕРОЯ ПРАХ,
КОТОРЫЙ ГРОМ МЕТАЛ
НА АЛЬПА ВЫСОТАХ,
БОГ-РАТИ-ОН, СЛУГА
ОТЕЧЕСТВА И ТРОНА,
ЗДЕСЬ КОНЧИЛ ЖИЗНЬ СВОЮ,
РАЗЯ НАПОЛЕОНА».

Андриана Абрамова сына Михеева, Андрея Моисеева сына Ягодина отпустить на волю с выдачей каждому по сту рублей ассигнациями. Наемным людям Самойле Иванову и Егору Соболину также по сту рублей, двум поварам — сто пятьдесят рублей; двум унтер-офицерам, состоящим при обозе, — сто рублей и прочим разного рода служителям, коих числом двадцать, — по двадцати пяти рублей ассигнациями же»¹.

17 сентября 1812 года при большом скоплении собравшегося из окрестных сел и соседних городов народа Багратион был погребен в Симе в каменном склепе. Гробницу обнесли металлической оградой, и вскоре на ней появилась бронзовая вызолоченная доска с таким текстом:

«Князь Петр Иванович Багратион, находясь у друга своего князя Бориса Андреевича Голицына Владимирской губернии Юрьевского уезда в селе Симе, получил Высочайшее повеление быть Главнокомандующим 2-й Западной армией, из Симы отправился к оной и, будучи ранен в деле при Бородине, прибыл опять в Симу и скончался сентября 11 дня.

Кн. П. И. Багратиону истинная дружба

*Прохожий, в Симе зри того героя прах,
Который гром метал на Альпа высотах,
Бог-рати-он, слуга Отечества и трона,
Здесь кончил жизнь свою, разя Наполеона».*

Стих сочинен графом Д. И. Хвостовым. В литературной среде Пушкинского времени Дмитрий Иванович снискал славу последнего графомана. Однако даже у самого плохого поэта случаются блистательные находки, к которым можно отнести и хвостовское «Бог-рати-он».

* * *

Из письма Д. В. Давыдова Б. А. Голицыну:
«Я, как и ты, как все в душе русские, скорбели, что наш герой, или, лучше сказать, глава наших героев, всех наших армий, Багратион заброшен в пустынное место, тогда как <...> прах этот, ты сам знаешь, есть принадлежность Отечества, а не частного человека. <...> Сколько я тебя знаю, ты, верно, радуешься, что Багратион ляжет на место, завоеванное им собственной кровью и жизнью. Славное место возле памятника погибшим за Отечество!».

Речь здесь шла о перезахоронении П. И. Багратиона на Бородинском поле по инициативе Д. В. Давыдова.

* * *

«В 1839 году государю императору Николаю I благоугодно было повелеть тело великого защитника нашего отечества перенести на то место, где им была получена смертельная рана. 3-го июля 1839 года гроб с останками Бородинского героя был вынут из могилы и при торжественной обстановке и церемонии 5-го июля вынесен из с. Симы. На торжестве присутствовали военные и гражданские

<http://jupiter.ru/Artiles/simul.htm>

Село Сима. Памятная плита на месте первого захоронения П. И. Багратиона

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

власти и преосвященный Парфений, епископ Владимирский»².

Сопровождать прах Багратиона доверили одному из старейших и заслуженнейших российских полков — Киевскому, возглавлять который во время торжественной церемонии должен был сам Д. В. Давыдов. Но после получения известия о том, что хлопоты его о перезахоронении Багратиона оказались не напрасными и командовать поручено ему, Денис Васильевич внезапно умер.

Когда 3 июля пролежавший здесь более четверти века гроб подняли из склепа, он оказался в совершенной целости и был заключен в специально приготовленный саркофаг.

Траурный кортеж двигался 17 дней. В каждом селе по маршруту его следования совершалась лития. Путь лежал через Сергиев Посад и Александровскую слободу.

За несколько лет до этого Николай I повелел «воздвигнуть монументы на главных полях сражений вечно достопамятного 1812 года, для проектов же рисунков оных открыть всем российским художникам конкурс». Памятники Николай Павлович разделил на три разряда: первый разряд — Бородино; второй — Тарутино, Малоярославец, Красное, Студянки, Клястицы, Смоленск, Полоцк, Чашники, Кулаково, Ковно; третий — Салтановка, Витебск, Кобринь, Гродечно, Вязьма. И вот 26 августа 1839 года на Бородинском поле открывался памятник павшим русским воинам первого разряда. Автором его был Антон Адамини. Перевезли чугунную громадину по частям с Александровского завода водой в лодках — взялся за это крестьянин села Коломенское Федор Хотунцев. Под собранным памятником соорудили склеп для праха П. И. Багратиона, где и состоялось перезахоронение. На торжество прибыли сводные части, составленные из отрядов разных полков, сражавшихся при Бородине. Всего тут собралось 120 тысяч воинства — столько же, сколько участвовало со стороны русских в Бородинской битве. Присутствовали император Николай I с великими князьями, представители союзных монархов; самыми почетными гостями стали ветераны славного сражения — Паскевич, Ермолов, Воронцов... Богослужения, парад, пожалования, назначения, награды...

* * *

В 1912 году, в столетний юбилей Бородина, здесь происходили не менее масштабные торжества, чем в 1839-м. Император Николай II прибыл под колокольный звон на автомобиле со всем семейством — царицей, наследником,

«...НАШ ГЕРОЙ, ИЛИ, ЛУЧШЕ СКАЗАТЬ, ГЛАВА НАШИХ ГЕРОЕВ, ВСЕХ НАШИХ АРМИЙ, БАГРАТИОН ЗАБРОШЕН В ПУСТЫННОЕ МЕСТО, ТОГДА КАК <...> ПРАХ ЭТОТ ЕСТЬ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА, А НЕ ЧАСТНОГО ЧЕЛОВЕКА. <...> БАГРАТИОН ЛЯЖЕТ НА МЕСТО, ЗАВОЕВАННОЕ ИМ СОБСТВЕННОЙ КРОВЬЮ И ЖИЗНЬЮ. СЛАВНОЕ МЕСТО ВОЗЛЕ ПАМЯТНИКА ПОГИБШИМ ЗА ОТЕЧЕСТВО!»

С. М. Прокудин-Горский. Памятник на редуте Раевского. Бородино. Фотография 1911 года

26 АВГУСТА 1839 ГОДА
НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ ОТКРЫВАЛСЯ
ПАМЯТНИК ПАВШИМ РУССКИМ ВОИНАМ.
АВТОРОМ ЕГО БЫЛ АНТОН АДАМИНИ.
ПОД СОБРАННЫМ ПАМЯТНИКОМ
СООРУДИЛИ СКЛЕП ДЛЯ ПРАХА
П. И. БАГРАТИОНА, ГДЕ И СОСТОЯЛОСЬ
ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ.

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

дочерью. К полудню на Бородинском поле показался объединенный крестный ход, растянувшийся на четыре километра. Он шел от Смоленска с чудотворной Смоленской иконой Божией Матери — той самой, которой в 1812 году благословляли войска. К тому времени на Бородинском поле, кроме главного, стояло уже около пятидесяти памятников-монументов отдельным воинским подразделениям, прославившимся в сражении. Учредили медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года». Награждались ею все участники празднеств — от солдата до генерала.

* * *

Много лет главный монумент и могила П. И. Багратиона на Бородинском поле были целью патриотического паломничества тысяч людей. Однако после революции настали другие времена.

«Отечественная война — русское националистическое название. <...> Крестьяне, защищая от французов свое имущество, легко справлялись с разоренными и голодными французскими отрядами. <...> Дело тут было не в подъеме патриотического «духа», но в защите крестьянами своего имущества. Наполеон был вынужден покинуть Россию»³.

А вот напечатанный в 1938 году в «Правде» фельетон:

«Разные бывают дяди. С благословения некоторых дядей, сидящих в Наркомпросе, исторические памятники на знаменитом Бородинском поле систематически уничтожались.

Могильный памятник герою Отечественной войны Багратиону был в 1932 году продан на слом Рудметаллторгу, а монумент разрушен.

Памятник Уварову, герою Бородинского сражения, уничтожен.

Барельефы на памятнике Кутузову в деревне Горки уничтожены.

Надписи на памятнике кирасирам, лейб-гвардейцам и матросам Гвардейского экипажа уничтожены. <...>

За дядями из Наркомпроса тянулись мелкоотравчатые, но достаточно хищные дяди из Можайска.

Можайский райисполком продал какой-то артели собор бывшего Колочского монастыря, построенного на Багратионовых флешах, где покоится прах тысяч русских солдат, павших в великой битве под Москвой.

На каменной стене бывшего монастыря, как бы благословляя весь этот разбой, красовалась лихая надпись: «Довольно хранить наследие проклятого прошлого!».

Теперь уже точно установлено, что дяди, орудовавшие на историческом Бородинском поле, разоряли его не по глупости, а сознательно.

Враги народа знали, что своими преступными действиями они уничтожают государственные ценности, оскорбляют достоинство великого народа, именно здесь, на этом поле, нанесшего смертельный удар Наполеону Бонапарту.

С прошлого года начали восстанавливать разрушенное. Бородинский музей реконструирован. Некоторые памятники обновлены. Но многое из того, что уничтожено, невозвратимо. И самое скверное — еще не перевелись дяди, мешающие организовать работу Бородинского музея так, чтобы он был достоин того исторического события, которое призван освещать.

По утрам возле Бородинского музея можно наблюдать удивительную картину — под сенью деревьев сидят люди. Это экскурсанты. Они приехали с ночи, чтобы осмотреть поле, и в ожидании открытия музея отдыхают. В Бородино нет экскурсионной базы. Дяди из Наркомпроса и из Можайска никак не могут организовать это простое предприятие, отнюдь не требующее капитальных затрат. Дяди из Наркомпроса и из Можайска не могут дать музею даже автобус, чтобы возить по Бородинскому полю людей, приехавших познакомиться с историческим местом. Это ведь такое сложное хозяйство — автобус, просто ужас охватывает при одной мысли о нем!..

<...> Все попадающие на Бородинское поле испытывают чувство глубокого волнения. Но дядей из Наркомпроса и из Можайска ничто не волнует. Вот, скажем, тов. Радус-Зенькович, заведующий музейным отделом Наркомпроса. Его однажды спросил директор Бородинского музея насчет восстановления памятника Багратиону.

«С БЛАГОСЛОВЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ДЯДЕЙ,
СИДЯЩИХ В НАРКОМПРОСЕ,
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
НА ЗНАМЕНИТОМ БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ
СИСТЕМАТИЧЕСКИ УНИЧТОЖАЛИСЬ.
МОГИЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК
ГЕРОЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
БАГРАТИОНУ БЫЛ В 1932 ГОДУ ПРОДАН
НА СЛОМ РУДМЕТАЛЛТОРГУ,
А МОНУМЕНТ РАЗРУШЕН».

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

— Стоит ли популяризировать этого генерала? — отвечал он. — Поставьте плиту, а памятник — ни к чему...

До каких же пор будет прозябать Бородинский музей?

Скажи-ка, дядя Радус-Зенькович!

Скажи-ка, дядя Строганов!

Скажите, дяди из Московского областного отдела народного образования, которым также не грех бы заинтересоваться музеем в Бородино»⁴.

В приведенном фельетоне допущен ряд ошибок: в 1932 году был взорван не памятник П. И. Багратиону, а главный монумент Бородинского поля, а заодно и склеп; на флешах стоит не Колоцкий монастырь, а Спасо-Бородинский; в Наркомпросе работали тогда другие люди. В основном же все верно...

Могила Петра Ивановича Багратиона после взрыва была разграблена. Среди местного населения долго ходили легенды о том, что в ней обнаружили золотые ордена, пуговицы, шпагу; одна старушка будто бы видела в могиле золотую саблю, которая «так и сияла». Но с орденами и оружием военных не хоронили...

* * *

Кому же пришлось в голову взорвать монумент на поле славы, простоявший почти сто лет? Приведу фрагмент состоявшейся в 1988 году моей беседы с И. С. Тихоновым — тогда научным сотрудником Центрального Государственного архива Октябрьской революции СССР, заместителем председателя совета военно-исторического объединения «Багратион» при Киевском РК ВЛКСМ столицы.

— Игорь Сергеевич, сегодня очень часто в архивы ходят за новостями. Какие новости у вас?

— Недавно передо мной оказался любопытный документ. В фонде Центральных государственных реставрационных мастерских — сейчас это мастерские имени Грабаря — хранятся протоколы заседаний Комиссии по архитектурной реставрации Отдела по делам музеев и охраны памятников архитектуры и старины Народного Комиссариата просвещения. Смотрим 1932 год — год взрыва главного монумента Бородино и с ним могилы Багратиона. Протокол № 19/664, заседание архитектурной секции 25 апреля 1932 года. «Слушали: о памятниках на Бородинском поле. <...> «Металлом» просит дать заключение о передаче ему памятника Раевскому на Бородинском поле. Постановили: ввиду того, что памятник Раевскому (то есть главный монумент, — уточняет Игорь Сергеевич) не имеет историко-художественного значения, против его разборки не возражать.

Председатель Д. Сухов, секретарь Е. Кормовская».

— Дмитрий Петрович Сухов? Известный архитектор и реставратор?

— Да-да, преподававший до революции в Строгановском училище, объехавший всю Европу, перенявший лучшие традиции русского зодчества, участвовавший в реставрации Кремля, храма Василия Блаженного, Сухаревой башни, Китайгородской стены, Воскресенских Иверских ворот на Красной площади, дома Голицына в Охотном ряду, Рождественской церкви в Столешниках и еще десятков других знаменитых объектов.

— И этот человек смог подписаться под такими словами: «Памятник Раевскому не имеет историко-художественного значения»? Можно предположить, что по поводу художественного значения у него было особое мнение, хотя в свое время архитектор Адамини (автор памятника) победил на всероссийском конкурсе. Но чтобы монумент, воздвигнутый в честь всех павших героев Бородино, не имел исторического значения?! Это невероятно!.. И никто не возразил против такой формулировки?

— Во всяком случае, в протоколе об этом ни слова.

— Что ж, такое было время... Кстати, я обратил внимание, что почти все названные вами памятники, в реставрации которых принимал участие Сухов, были примерно тогда же разрушены — и Сухаревка, и Иверские ворота, и церковь в Столешниках. Я видел портрет Дмитрия Петровича тех лет — это человек, уязвленный в самое сердце. Не могу поверить, что по доброй воле он подписал тот протокол...

— На это трудно ответить, хотя судьбой памятников распорядился главным образом Наркомпрос (возглавлял его тогда А. С. Бубнов), точнее — сектор науки, в котором имелся Отдел по делам музеев и охране памятников.

* * *

«Мы, нижеподписавшиеся, директор музея-заповедника «Бородино» Качалова Алиса Дмитриевна, заведующий отделом научной реставрации музея Суханов Александр Александрович, начальник Бородинского ХРПУ МСНРПИ-1 треста «Центрреставрация» Зубов Сергей Антонович и ст. археолог АРМ-5 института «Спецпроектреставрация» Морев Евгений Иванович составили настоящий акт в нижеследующем.

По результатам архитектурно-археологических раскопок склепа П. И. Багратиона на холме «Батарей Раевского» в октябре — ноябре 1985 года и в августе сего 1986 года

О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ...

*Могила генерала от инфантерии князя П. И. Багратиона на Бородинском поле.
Фотография Б. И. Заманского. 2009 год*

**В 1987 ГОДУ К 175-ЛЕТИЮ
БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ
ВОССТАНОВИЛИ ПАМЯТНИК ПАВШИМ
РУССКИМ ВОИНАМ — ГЛАВНЫЙ
МОНУМЕНТ БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ —
И В РЕСТАВРИРОВАННОМ СКЛЕПЕ
УЖЕ В ТРЕТИЙ РАЗ ПЕРЕЗАХОРОНИЛИ
ОСТАНКИ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА
БАГРАТИОНА.**

установлено, что памятник к настоящему времени находится в рунированном состоянии с утратой до одной трети своего объема и нуждается в проведении реставрационных работ с обязательной гидроизоляцией стен.

В процессе работ при очистке склепа от случайного строительного и иного мусора было собрано значительное количество деревянных фрагментов саркофага, обрезков обивочной ткани, парчи декоративного оформления саркофага, остатков деревянного ящика, обшитого листовым свинцом, в котором саркофаг с прахом покойного был в свое время транспортирован из села Симы Владимирской губернии. Непосредственные остеологические останки покойного представлены в виде: (следует перечисление. — А. К.).

Комиссия считает, что все вышеперечисленные остеологические останки, равно как и фрагменты деревянных частей саркофага, обрывки тканей, должны квалифицироваться как прах покойного, а поэтому помещены в новый саркофаг, изготовленный по имеющимся историческим аналогам. <...>

29 августа 1986 г. Музей «Бородино».

* * *

В 1987 году к 175-летию Бородинского сражения восстановили памятник павшим русским воинам — главный монумент Бородинского поля — и в реставрированном склепе уже в третий раз перезахоронили останки князя Петра Ивановича Багратиона.

Автор этого повествования вместе с режиссером В. А. Медведевым были последними людьми, попрощавшимися с прахом нашего национального героя непосредственно в склепе. Мы снимали для телевидения фильм о Бородино «Поле бессмертия» — Медведев как режиссер, а я как автор сценария и ведущий. Спустились в камеру склепа, обложенного кирпичом. Посередине стоял саркофаг, в углу — капсула с письмом потомкам. Мы стали по обе стороны саркофага, положи на него правые руки. Рабочий сверху кричал: «Ну, выходите же! Поднимайтесь! Сколько можно?! А то мы вас замуруем!». Медведев между тем читал «Отче наш», потом «Верую»...

¹ЦГВИА. ВУА. Д. 648, л. 3—4.

²Владимирские епархиальные ведомости. 1912. № 34. 25 августа.

³Малая советская энциклопедия. М., 1928—1931.

⁴Кружков Н. Скажи-ка дядя...//Правда. 1938. 31 августа.

Виктория Николаевна Торопова

«Я всегда чувствовал Вашу любовь»

О дружбе епископа Стефана
(в миру Сергея Алексеевича Никитина. 1895–1963)
и видного искусствоведа, философа, религиозного мыслителя
Сергея Николаевича Дурьлина (1886–1954)

*Епископ Можайский Стефан (Никитин).
Фотография начала 1960 годов*

*С. Н. Дурьлин в рабочем кабинете.
Фотография начала 1950 годов*

Молодой врач-невропатолог Сергей Алексеевич Никитин, окончивший в 1918 году медицинский факультет Московского университета¹, в 1920-х являлся прихожанином храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке, членом общины, созданной тогдаш-

ним настоятелем храма протоиереем Алексием Мечевым. «Маросейская община была по духовному своему смыслу дочерью Оптиной Пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. О. Алексей учил своей жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Акварели монахини Юлиании
(Марии Николаевны Соколовой),
выполненные ей незадолго до закрытия (1932)
храма святителя Николая в Кленниках*

Общий вид храма

Казанский придел

и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины. Поэтому, хотя община не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшерицы и сестры милосердия — духовные дети о. Алексия — обслуживали больных, обращавшихся к о. Алексию за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей о. Алексия, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при общине своего организованного приюта, тем не менее нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили. Члены Маросейской общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своею работою помогали о. Алексию в деле «разгрузки» страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом»².

Однажды в 1920 году протоиерей Алексий Мечев попросил сестру Маросейской

общины Ирину Комиссарову отвести врача к заболевшей прихожанке. В своих неопубликованных воспоминаниях «Три Сергия» (Мечев, Никитин, Дурьлин) Ирина Алексеевна пишет: «Веселый, молодой, живой по характеру, с быстрым разговором, Сергей Алексеевич быстро осмотрел больную, определил болезнь, написал диагноз и тут же, вынув из кармана, оставил лекарство для нее. Я была поражена тем, как ловко и умело Сергей Алексеевич выслушал больную и определил болезнь. Познакомившись с ним, я стала присматриваться к этому молодому еще доктору. Как много было у Сергея Алексеевича Никитина больных со стороны, кроме больных! Он посещал беспомощных больных на дому и ничего не брал за это. <...> До конца его жизни я всегда встречала его опрятным, чистым, веселым, живым. <...> Был он смелый в речах, с «изюминкой». Жизнь его не баловала, много встречалось на его пути тяжелых жизненных испытаний». После кончины старца Алексия Мечева (1923)

Никитин стал духовным чадом и деятельным помощником его сына протоиерея Сергия Мечева, старостой храма.

В 1920 году Сергей Алексеевич познакомился и с молодым священником Сергеем Николаевичем Дурылиным, служившим в Николо-Кленниковском храме. Они подружились, дружбу эту ценили и пронесли ее до конца жизни, о чем свидетельствуют неопубликованные сохранившиеся письма С. А. Никитина к С. Н. Дурылину и цитированные выше воспоминания И. А. Комиссаровой, к которым в дальнейшем мы еще не раз обратимся.

Вернувшись из челябинской ссылки в декабре 1924 года³, Дурылин живет в Милютинском переулке, а Ирина Алексеевна на Маросейке. В ссылку она сопровождала Дурылина по благословению старца Алексия Мечева: «Поезжай с ним, он нужен людям». Батюшка понимал, что беспомощный в быту Дурылин погибнет без заботы о нем близкого человека. Вернулась она больная туберкулезом. Лечит ее доктор С. А. Никитин. Из Милютинского на Маросейку в 1925 году приходит письмо: «Дорогая Ариша! Я очень обеспокоен твоей болезнью. <...> Не надо ли позвать Никитина?»

Из Москвы С. А. Никитин пишет 27 июня 1926 года Дурылину в Коктебель, где Сергей Николаевич проводит лето у Мак-

*Иерей Сергей Дурылин.
Фотография 1922 года*

симилиана Волошина. В письме — подробный отчет о состоянии здоровья Ирины Алексеевны, вернувшейся из деревни Сытино, куда ездила по рекомендации Никитина на поправку. С. А. Никитин нашел, что она «настолько поправилась, посвежела, окрепла, что я никак не рассчитывал увидеть такого эффекта в такое сравнительно короткое время. Все здесь суммировалось и оказало действие: и отдых, и хорошее питание, и спокойное состояние духа, <...> и наши лекарства».

С. А. Никитин лечит и Дурылина. После второго ареста в июне 1927 года Сергей Николаевич сидит в Бутырской тюрьме. Из его письма от 31 августа 1927 года И. А. Комиссаровой: «Был я и у доктора по сердечной болезни, он нашел, как и Никитин, миокардит».

В 1928 году на С. А. Никитина одно за другим обрушиваются несчастья. 4 января он сообщает из Москвы в томскую ссылку Дурылину, куда того опять сопровождала Ирина Алексеевна: «Дорогой Сергей Николаевич! Сердечно поздравляю Вас и И[рину] А[лексеевну] с праздником Рождества Христового; да сохранит Вас Господь в добром здравьи и радости! Давно уже получил Вашу открытку, но не мог ответить. Конец года был крайне тяжел для меня: после двухмесячной мучительной болезни скончался отец. Как всегда бывает в таких случаях, хотя и не очень надеялись на выздоровление, все же смерть застала нас врасплох и совершенно придавила. Для всех нас он был не только отцом, но и близким любящим другом, который жил нашей жизнью. Я никак не могу примириться с его смертью, ведь ему было всего лишь 62 года. Ужасно маленьким детям терять родителей, но сами-то они не так уже ясно представляют себе тяжесть потери. Другое дело, когда взрослые дети теряют отца или мать, особенно если они духовно близки. Моя мать умерла три года назад, а я до сих пор не могу без слез вспоминать ее, и чем дальше идет время, тем сильнее печаль; иногда так остро снова все переживаешь, что, кажется, все-все отдал бы, чтобы повидать ее...

За время папиной болезни приходилось около него дежурить — так что была, кроме того, и чисто физическая усталость; после похорон, по-видимому, наступила реакция: была какая-то странная сонливость, оцепенение, вроде болезни воли, — никак не можешь заставить себя действовать, произвести тот последний импульс, когда уже наступает самое действие. Как раз в это время пришла Ваша открытка, и Вы, родной, не сердитесь на мою бестолковость и невежество.

Вскоре после похорон все переболели гриппом, который вследствие психологической травмы протекал очень тяжело и долго, так что по выздоровлении имели такой вид, будто перенесли изнурительную болезнь вроде тифа. Не успели оправиться от гриппа, как начался процесс учреждения, где я работаю. Заведующий был обвинен в систематическом истязании детей; дело слушалось в Губернском уголовном суде, окончилось полным оправданием, но сколько сил оно унесло! Я выступал свидетелем. И только теперь, к Рождеству, понемногу начинаешь приходить в себя. Ком оттаивает, работа снова интересует, болезнь воли проходит, несмотря на то, что физически устаешь: мне приходится почти каждый день ездить ночевать к сестре, которая жила с отцом. Квартира у нас крайне тесная, взять ее к себе невозможно, а оставлять одну — болит сердце.

<...> Простите, что все пишу о себе и о своих делах: отчасти хочется оправдаться перед Вами, а главное, хочется все сказать именно Вам, так как я всегда чувствовал и чувствую Вашу любовь, совершенно не заслуженную с моей стороны (здесь и далее курсив мой. — В. Т.)». Далее Сергей Алексеевич дает подробные рекомендации Ирине, как лечиться. «В скором времени я пришлю посылку с медикаментами для И. А. и Вас, т. к. высылать рецепты неудобно, а кроме того — может быть, в аптеках у них не все есть. Так будет вернее».

Всего через полгода на Никитина обрушивается новый удар. 15 июня 1928 года он пишет в Томск:

«Дорогой Сергей Николаевич! Простите ради Бога за долгое молчание. У меня снова большое горе, не меньше, чем смерть отца: смерть духовного отца — епископа Николая Елецкого. Все это время я как-то принуждал себя и ходить на службу, и двигаться, и разговаривать, и есть, — настоящая болезнь воли. <...> Так и с письмами к Вам. Меня мучит, что не пишу, несмотря на то, что *Вы постоянно и пишете и спрашиваете обо мне друзей*, — и все-таки какое-то мучительное оцепенение и паралич воли. <...> До 40 дней особенно было тяжело. Сейчас понемногу собираю себя, именно собираю, потому что в первое время после его кончины все затряслось подо мной, что я чувствовал почти физически. Он умер у меня на глазах, проболев только пять дней. <...> Он встретил меня еще на ногах, и вот на моих глазах в течение двух суток из здорового человека он превратился в умирающего, безнадежного. <...> Особенно трудно и ужасно видеть все это, не буду-

чи в состоянии помочь и чувствовать свое бессилие. <...> Не знаю, знакомо ли вам имя Николая Елецкого. Это был выдающийся человек по утверждению всех, так или иначе соприкасающихся с ним. *В моей жизни знакомство с ним — целая эпоха, не только эпоха, но окончательное мое воцерковление.* Так как христианство есть Живой Христос, Живая Личность Христа, то и путь к нему легче и понятнее совершается через святую или праведную личность. И таким праведником, через которого я понял, что такое христианство и Кто — Христос, таким человеком был для меня покойный владыка Николай. Было великим счастьем видеть его, знать, молиться с ним; он обжигал своею любовью, охватывал пламенем любви всякого, приходящего к нему, и каждый чувствовал всю полноту его любви именно к нему. При жизни владыки я так много получал от него и так к этому привык, что только теперь понял, как я осиротел и как он был мне необходим; дух уныния едва не овладел мной, но, слава Богу, — это мучительное состояние совершенно прошло.

На девятый день после смерти владыки скончался отец Нектарий Оптинский, знакомство с которым также оставило во мне неизгладимый след. В последние дни мне привелось послужить ему: как раз недели за две до смерти поехал к нему Борис Васильевич [Холчев]⁴, увидев его состояние, он вызвал телеграммой меня, и мы с о. Сергием [Мечевым] ездили к нему. Через несколько дней он скончался. В церковной жизни положение тяжелое: многие чрезвычайно смущены воззванием м[итрополита] Сергия и его распоряжением о поминовении властей — некоторые откололись, другие, хотя и не отошли, но считают недопустимым совершать таинства у «поминающих» священников. Вражда, подозрение, отсутствие любви, нетерпение... Очень, очень тяжело.

Спасибо Вам, родной, за письма, они были таким утешением для меня в это трудное время. Спасибо за рассказ, за стихотворения. Особенно мне понравился «Пр[еподобный] Серафим Саровский». Это прямо жемчужина. Можно написать томы о преп. Серафиме, но больше того, что есть в этой миниатюре, не скажешь. Это вроде стихов Пушкина о Жуковском: «Его стихов пленительная сладость»... По мастерству же изображения облика преп. Серафима прямо-таки несколькими штрихами я сравнил бы Вашу вещицу с лермонтовским «Утесом» — «Ночевала тучка золотая». Ваша небольшая вещица — на-

стоящий поэтический шедевр, произведение необыкновенное».

В свое время старец Нектарий помог С. А. Никитину определиться с выбором профессиональной деятельности — заняться ли ему научно-исследовательской работой на кафедре профессора Г. И. Россолимо или стать врачом-практиком. Старец благословил Сергея Алексеевича и сказал скороговоркой: «Врач-практик, врач-практик, врач-практик».

В томской ссылке Дурьлин не мог получить работы, жил в большой нужде и в тяжелых бытовых условиях. Друзья поддерживали и морально, и материально. В дневнике Сергея Николаевича есть запись от 1927 года: «Трогательные по любви и неожиданности деньги от Сергея Алексеевича — доктора».

В воспоминаниях «Три Сергия» И. А. Комиссарова пишет, что в 1927 году С. А. Никитин «принял священство, но не бросил своей работы в больнице». Посвящение было тайным, знали только очень близкие люди. В некрологе, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии», указана та же дата — 1927 год. По другой версии, Никитин принял тайное рукоположение от епископа Афанасия (Сахарова) в 1934 или 1935 году⁵. Он тайно служил, исповедовал, причащал.

В феврале 1931 года старосту церкви священника Николая в Кленниках С. А. Никитина, иерея Бориса Холчева, несколько алтарников и прихожан арестовали. Никитина осудили на три года лагерей, отца Бориса — на пять. В лагере в Красной Вишере врача Никитина привлекли к работе в больнице. Е. В. Апушкина в статье «Владыка Стефан (Никитин)»⁶ пишет: «Сначала надо было обследовать прибывающих в лагерь арестантов для определения их физической пригодности к той или иной по степени трудности работе. А впоследствии [Никитин] был назначен заведующим туберкулезным отделением лагерной больницы. Сергей Алексеевич, насколько было в его силах, старался облегчить участь немощных страдальцев, в особенности из духовенства. <...> Одна из медицинских сестер, которой пришлось соприкоснуться с Сергеем Алексеевичем по работе в лагере, говорила о нем: «Врач Никитин посещал больного <...> и вносил с собою радость жизни: русый, в белой кофточке, вышитой васильками, он декламировал «Евгения Онегина», которого знал наизусть, или рассказывал невинные анекдоты».

И. А. Комиссарова вспоминает, что в 1931 году С. А. Никитин приезжал в Кир-

*С. Н. Дурьлин после ссылки в Киржаче .
Фотография С. Г. Дурьлина. 1934 год*

жач к тяжело заболевшему С. Н. Дурьлину (тот жил на поселении под надзором ОГПУ в Киржаче с октября 1930 по декабрь 1933 года). «Когда он вошел к нам после такого большого перерыва, я поразились: все тот же — живой, с веселой улыбкой, как солнышко, и та же речь быстрая, но вдумчивая, с более серьезным выражением, но не теряя улыбки. Много было говорено о пережитом, но ни одной жалобы на жизнь. Рассказал, как ему приходится работать среди фабричных рабочих. Очень жалел их и тут же прибавил: «Мне бывает особенно жалко женщин, я им даю бюллетени и за это получаю выговоры от директора больницы»⁷.

Отбыв последний срок ссылки, перед возвращением из Киржача в Москву С. Н. Дурьлин, понимая, что жить и работать без помощи и заботы о нем Ирины Алексеевны он не сможет, предложил ей юридически оформить брак — так будет легче в отношениях с властями и окружающими. При этом она продолжала оставаться его духовной дочерью, а он — сохранять тайное священство, о чем хорошо знал С. А. Никитин.

Срок пребывания в лагере Сергею Алексеевичу сократили «за ударный труд»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

и освободили в 1933 году. 15(28) сентября 1933 года (в день своего рождения) он принимал участие в перенесении останков отца Алексия Мечева с ликвидируемого Лазаревского кладбища на Введенское (Немецкое). После освобождения Никитин работал врачом в городках Владимирской области — сначала в Карабаново, а затем в Струнино. 6 января 1937 года он пишет из Струнино на Маросейку, 13, где в комнате родственников Ирины Алексеевны поселились после Киржача она и С. Н. Дурылин: «Дорогой Сергей Николаевич! Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова, желаю Вам здоровья и бодрости. У нас сегодня так же, как в Москве, выходной день (обычно мы запаздываем на один день), и я на новоселье готовлюсь к Празднику. Переезд (из Карабаново в Струнино. — **В. Т.**) совершился безболезненно, без всяких препятствий. Условия здесь значительно лучше карабановских — и в смысле работы, и бытовых условий, и в смысле сообщения с Москвой. Пока занимаю комнату в физиотерапевтическом отделении, квартиру обещают в мае месяце. Ирину Алексеевну поздравляю с праздником и желаю благополучия. Вас сердечно обнимаю и целую. Любящий Вас С.».

Из воспоминаний И. А. Комиссаровой о тех временах: «Жил Сергей Алексеевич в семье старушек, они его обслуживали, а он их кормил. О своих старушках Сергей Алексеевич так хорошо отзывался, как любящий сын о своих родителях. Он часто говорил: «Старенькие мои стали прихварывать».

С 1937 года С. Н. Дурылин и его духовная дочь, спасительница в быту и помощница в работе И. А. Комиссарова, живут в собственном доме в Болшево. Квартиру в Москве после ссылки Дурылину не дали, но предоставили участок в Подмосковье для постройки дома. Дом строился усилиями Ирины Алексеевны из доставшихся ей по случаю материалов разрушенного Страстного монастыря.

Последнее сохранившееся письмо Никитина к Дурылину датировано 6 октября 1937 года: «Дорогой, милый Сергей Николаевич! Поздравляю Вас с днем ангела, желаю Вам здоровья, бодрости и радости. Очень соскучился и хотел бы видеть Вас. 27-го сентября трижды приходил к Вам (в коммунальную квартиру на Маросейке. — **В. Т.**) — никто не захотел отозваться на мои настойчивые и упорные звонки; наконец в третий мой приход одна добрая душа открыла и сообщила, что Вы на даче в Болшеве. Я не знал

*Дом-музей С. Н. Дурылина в Болшево.
Фотография Т. Н. Александровой. 2008 год*

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Сергей Николаевич Дурьлин и Ирина Алексеевна Комиссарова
в саду своего большевского дома*

адреса, а то махнул бы к Вам. Приходил с хорошим шоколадным тортом, чтобы поздравить дорогого «рожденника», как мы говорили в детстве. Ирину Алексеевну поздравляю с именинником и дружески обнимаю. Целую Вас крепко. Любящий Вас и всегда помнящий С.».

В годы войны гонения на Церковь приостановились. Решив стать на путь открытого служения, отец Сергей Никитин отправился в 1950 году в Ташкент к епископу Гурию (Егорову). Владыка принял его радушно. В то время в Ташкенте служил отец Федор Семенов, в Фергане — отец Борис (Холчев) — оба из закрытого в 1932 году московского храма святителя Николая в Кленниках. С трудом удалось Никитину уволиться из струнинской больницы. Первое назначение отец Сергей Никитин получил в очень отдаленный город Таджикистана Курган-Тюбе. Через девять месяцев его направили в Ленинабад. Затем он служил в Самарканде, Ташкенте, Днепрпетровске, Минске. В Ташкенте в 1955 году присутствовал на пострижении отца Бориса Холчева в монахи. В Днепрпетровске протоиерей Сергей Никитин стал старшим священником Тихвинского женского монас-

тыря. Здесь же в январе 1959 года по благословению епископа Гурия он принял монашеский постриг с именем Стефан. А через некоторое время владыка Гурий возвел его в сан архимандрита.

Чин епископской хиротонии архимандрита Стефана (Никитина) был совершен в 1960 году в день Благовещения Пресвятой Богородицы святейшим Патриархом Алексием. «Заканчивая речь при вручении архиерейского жезла преосвященному Стефану, Патриарх говорил: «В мире иди в подлежащий тебе путь, и если твои немощи возбуждают в тебе чувство скорби, то пусть дары благодати Божией, ныне воспринятые тобою в таинстве, вызывают чувство смиренной радости; и оба чувства, по-видимому, противоположные, да сливаются в чувство благодарения Богу»⁸.

После кончины Сергея Николаевича Дурьлина владыка Стефан продолжал поддерживать отношения с И. А. Комиссаровой. В 1960 году, когда он, в то время уже епископ Можайский, викарий Московской епархии, жил при церкви Ризоположения на Донской улице, она навестила его. «Мы встретились как старые друзья», — вспоминала

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Епископ Ташкентский и Среднеазиатский
Гурий (Егоров)*

*Священник Сергей Никитин в Ташкенте.
Фотография 1955 года*

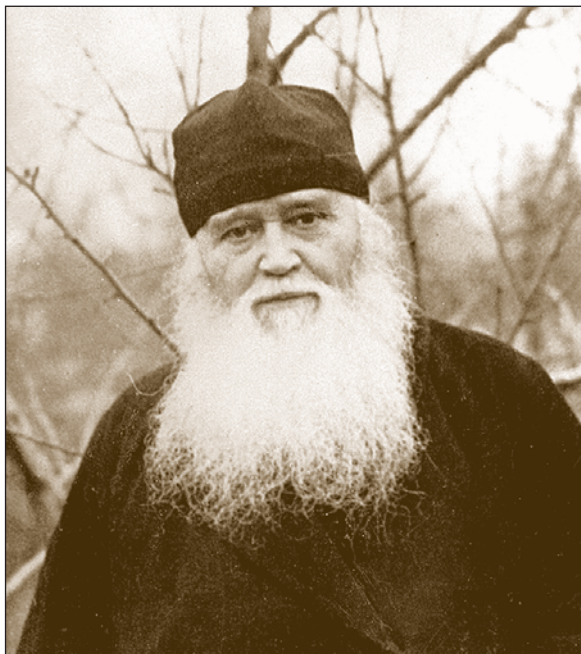
Ирина Алексеевна. Увидела она владыку «по-прежнему с той же улыбкой, быстроговорливой речью, но уже не того молодого и подвижного, как раньше, а болезненного, с большою бородою, по виду напоминавшего «дедушку», с большим отпечатком своего сана. Вспоминали ушедших в иной мир, в безвозвратный путь. Глаза его были строги, задумчивы, точно и он уже устремился к ним. Однажды он как-то служил в Болшеве. Голос его был уже слабенький, но все еще звонкий. Народ его любил, за его службой собиралось множество людей и каждому хотелось подойти к нему. Не прошло и года, как с ним случился паралич: отнялись правая рука и нога. Но те же ласковые глаза. <...> В силу сложившихся обстоятельств владыка приехал в Болшево поправляться. Его внесли на стуле, утомившегося с дороги, болезненного видом, но не потерявшего той приветливости, какая была ему свойственна. Прожили мы под одной крышей более двух месяцев. К великой нашей радости, здоровье его стало восстанавливаться. И из Болшева епископ Стефан вышел на своих ногах».

Ирина Алексеевна из скромности не пишет, сколько стараний она приложила, чтобы епископ Стефан поднялся после болезни. Она прекрасно умела обращаться с больными, окружить их заботой и вниманием, вдох-

нуть бодрость. Зная это, к ней нередко приезжали «на поправку» знакомые, привозили родных — и она их выхаживала, ставила на ноги.

Состояние владыки Стефана улучшилось к лету 1962 года. Он начал служить в церкви Ризоположения. Святейший Патриарх Алексий направил его в Калугу временно исполняющим обязанности епископа Калужского и Боровского. Ирина Алексеевна записала свой разговор с ним перед отъездом:

«Если бы я не был такой инвалид, мне было бы легче там вести дела. Мое такое положение: Святейший благословил — значит, надо повиноваться». — «Вы поедете к оптинским старцам?» — «Да, я еду к оптинским старцам». <...> Писал из Калуги письма и хвалился: «Пишу своей рукой сам. Научился писать левою рукою, пишу как правой». Приглашал меня в своем поздравительном письме с праздником приехать в Калугу на день Жен мироносиц. <...> В силу всяких обстоятельств, на Жен мироносиц я не поехала, а этот день и был его последним служением у престола земного: после совершения литургии при прощании с народом скончался на амвоне. Лучшего конца он и не желал — на своем посту служения Богу отойти в иной мир, уйти в безвозвратный путь, в земельку. На словах проповеди: «Ходите в церковь, мо-

**Епископ Стефан (Никитин) в Болшево.
На обороте фотографии посвящение:
«Дорогой Ирине Алексеевне
на молитвенную память.
Епископ Стефан. 1960 год»**

литесь, любите Господа и друг друга»⁹ — закрылись его глазки навеки, но слова его звучат в сердцах народа как последняя просьба: «Молитесь, ходите в церковь». Какая сила воли должна быть, чтобы так держаться до предсмертного часа, до последних минут предсмертного часа!

Теперь вспоминаешь владыку Стефана и бичуешь себя. Как мало умеем мы ценить тех больших людей, которые живут с нами. Как мы их не замечаем при жизни, и они нам кажутся совсем простыми. <...> Хочется теперь вернуть и исправить свои ошибки, которые не замечаешь в жизни за собою».

Похоронили епископа Стефана за алтарем храма Покрова Пресвятой Богородицы в подмосковной деревне Акулово.

*При написании статьи
использованы материалы,
хранящиеся в Мемориальном доме-музее
С. Н. Дурылина в Болшево, РГАЛИ, ОР РГБ,
Синодальной библиотеке
Московской Патриархии,
в архиве Г. Е. Померанцевой.*

¹ Государственные экзамены С. А. Никитин сдал в 1922 г., так как в 1918-м его в числе других выпускников направили на борьбу с эпидемиями; затем была работа в военных госпиталях.

² Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех тт. Т. 2. М., 1996. С. 626.

³ О жизни С. Н. Дурылина и И. А. Комиссаровой подробно рассказано в моей статье «Крепче смерти» (Московский журнал. 2008. № 7), к которой ради краткости я и отсылаю читателя.

⁴ Борис Васильевич Холчев (1895–1971) — впоследствии (1955) архимандрит Борис, выдающийся православный проповедник, богослов, пастырь.

⁵ Московский журнал. 1996. № 2.

⁶ Журнал «К свету». 1993. № 9–10. С. 40–57.

⁷ Возможно, Ирина Алексеевна неточно указала год, так как из ее слов понятно, что речь идет о визите после освобождения Никитина из заключения, ведь он рассказывает о работе в больнице при фабрике. Вероятно, приезжал он в Киржач после сентября 1933 г. В этом году Дурылин болел и даже получил разрешение ОГПУ на выезд в Москву на два месяца (с 7 мая по 7 июля) для лечения. Но мог Никитин приехать и в январе 1931-го, когда Дурылин заболел после потрясения, связанного с его арестом в первый день приезда в Киржач. Тогда его выпустили на следующий день, однако пережитое вызвало тяжелый душевный кризис.

⁸ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1963. № 7.

⁹ Е. В. Апушкина в цитируемой выше статье приводит последние слова епископа Стефана несколько иначе: «Святые Жены мироносицы служили Спасителю и своими трудами, и именем, они все отдали Христу. Так и мы...».

Екатерина Адольфовна Берг

«Вещи общегосударственного значения»

Из истории работы Музейного отдела Наркомпроса
в 1918 – 1920-х годах

*С. М. Прокудин-Горский. Дом в усадьбе «Ясная Поляна».
Фотография начала XX века*

Становление музейного дела в советской России — процесс драматический, до сих пор являющийся предметом жесткой полемики. В самом деле: с одной стороны — разорение храмов, монастырей, дворцов, усадеб, бесконечные реквизиции и конфискации. С другой — небывалый энтузиазм охранительства, проявленный в это непростое время многими ревнителями сбережения отечественной культуры. Что чувствовали они, вынужденные участвовать в изъятиях тех же церковных ценностей? Сопrotивляться, негодовать — немислимо, оставалось одно: попытаться спасти что можно, пусть хотя бы в качестве уже только «предметов искусства». Были среди «изыmateлей» и такие, кто всей душой отвергал «старый мир», считая однако, что его культурные достижения следует поставить отныне на службу «широким массам». Были и откровенные рвачи, наживавшиеся на всенародном бедствии. Были те, кто, заняв дворец или усадебный комплекс под свое учреждение, ничтоже сумняшеся выбрасывали всю «барскую» обстановку на помойку, а то и в костер...

Первый советский государственный орган, чьей функцией стало выявление, хранение, изучение, систематизация и пополнение национализированных частных коллекций, а также организация новых экспозиций и широкая просветительская деятельность, — Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения (Музейный отдел Наркомпроса) — создается в 1918 году по инициативе живописца и искусствоведа И. Э. Грабаря, собравшего вокруг себя лучших представителей русской искусствоведческой науки, музейного дела, архитектуры и реставрации. В том же году Советское правительство обнародовало декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» и ряд декретов о национализации частных картинных галерей и собраний предметов культуры. В соответствии с этими документами объявлялись всенародным достоянием и передавались в ведение Наркомпроса для использования в качестве общедоступных музеев Третьяковская галерея, картинная галерея С. И. Щукина, художественные коллекции И. С. Остроумова, А. В. Морозова и другие; спустя некоторое время — дом-усадьба Л. Н. Толстого в Москве и усадьба «Ясная Поляна», дом-музей П. И. Чайковского в Клину, места, связанные с именем А. С. Пушкина. Музейный отдел приступил к работе. Значительно позже подведут итог: в дореволюционной России было 213 музеев,

*Павел Петрович Шибанов.
Фотография 1916 года*

за первое же десятилетие Советской власти количество их увеличилось почти втрое¹.

Ниже, ввиду необъятности темы, мы остановимся лишь на некоторых лицах и событиях этой эпопеи.

Итак, новой власти для того, чтобы разобраться с доставшимся ей культурно-историческим наследием, требовались архитекторы, реставраторы, искусствоведы, библиографы, знатоки иконописи и древних манускриптов. В числе тех, кто принял предложение сотрудничать с Музейным отделом, оказался бывший владелец антикварного магазина, известный букинист и библиофил Павел Петрович Шибанов (1864—1935)². 26 октября 1918 года антикварное предприятие П. П. Шибанова в Москве на Никольской улице было муниципализировано. Хозяину дали несколько месяцев на инвентаризацию. Из документальных записей П. П. Шибанова, сделанных в начале 1919 года:

«Личная библиографическая библиотека П. П. Шибанова (здесь он пишет о себе то в первом, то в третьем лице. — *Е. Б.*), находящаяся в нескольких колонках задней комнаты, выходящей во двор, частью завязанная в пакеты. Об этой личной библиотеке <...> было своевременно доложено в комиссию по распределению и разбору книг, находящихся в антикварных магазинах, <...> и было дано заверение, что библиотека будет

КАК ЭТО БЫЛО

*П. П. Шибанов
в своем магазине*

возвращена ее владельцу как его частная собственность, хранившаяся мной в магазине потому, что большая часть жизни бывшего владельца с раннего утра до поздней ночи протекала в магазине и большая часть библиографических работ совершалась именно там. <...> Книги, принадлежащие Третьяковской галерее, согласно прилагаемому при сем их заявлению от 29 янв. 1919 г. за № 30. Бывший владелец покажет места их хранения. <...> Папка с гравюрами видов Москвы, других городов, а также с изображениями различных древностей: альбомы с видами Москвы, а также книги, отобранные коллегией по охране памятников старины. Папка и альбомы лежат внизу на столе у уличной двери, а книги надо указать лично. <...> Папки и отдельные листы с гравюрами, планами и рисунками, подлежащие передаче Историческому музею, разбросаны всюду: стоят на полу в верхнем большом зале, лежат на полках в темной комнате у стены, <...> лежат в шкафах большого зала, <...> на прилавке и на столе. <...> Огромное Евангелие, напечатанное в конце XVII в. с рисунками, приписываемыми Симону Ушакову. Лежит наверху у телефона на маленьком столике в расколотых досках. Евангелие древне-письменное ветхое. <...> Лежит на средней стеклянной витрине, завернутое в серую или белую бумагу. В иконном зале на столе пачка подсчитанных музеем с вставленными сотрудниками музея ярлычками (кажется, 10) русских иллюстрированных изданий. Ряд мелочей, разбросанных повсюду, подлежащих передаче Румянцевскому музею»³.

Далеко не все, однако, так стойчески переносили подобное. С болью писал Шибанов о своем друге Д. В. Ульянинском — крупном

собирателе книг, библиотека которого по праву могла претендовать на статус литературного музея: «Я не видел у него книги с загнутым углом, а если он такую и приобретал, она после его лаборатории представляла перед вами в совершенно неузнаваемом виде. Хранил он брошюры <...> между двумя картонами, связанными шнурками в двух местах. Этот способ не самый практичный, но у него книги действительно были безукоризненно сохранены. В первые годы революции его постигло большое горе <...> ему чуть ли не две недели были даны для освобождения квартиры, в течение которых он никоим образом не мог справиться. Он советовался со мной о способах укладки. И когда мы, решив, какие ящики нужны, купили их, библиотека оказалась гораздо больше в своем объеме. Он совершенно впал в отчаяние и решил ее ликвидировать. С этой целью он обратился ко мне с предложением ее купить. Я отказался от покупки, зная, что прибегнуть к этому его заставляет крайность. Так прошло несколько дней, после которых он говорит: «Нет, я окончательно решил продать библиотеку, приезжайте ко мне». Я приехал в назначенный час, но дома его не застал. На другой день я узнал о трагической развязке»⁴.

Павел же Петрович с конца 1918 года поступает на службу в Наркомпрос в качестве научного сотрудника отдела снабжения, а затем назначается экспертом-специалистом по прикладному и древнерусскому искусству и библиографии в Отделе по делам музеев Наркомпроса. Все это совпадало с его призванием и знаниями, и он с головой отдается работе.

1920-е годы — период активной деятельности П. П. Шибанова по выявлению и регист-

КАК ЭТО БЫЛО

рации художественно-исторических памятников и книжных собраний, находящихся как в Москве, так и в провинции. В совместных командировках с Н. Н. Померанцевым⁵ и Е. И. Силиным⁶ он обследовал Большой Кремлевский дворец, музеи и храмы Рогожского кладбища, Донской, Новоспасский, Симонов монастыри, Троице-Сергиеву лавру, музеи и монастыри Калуги, Перемышля, Симбирска, Смоленска и многие другие объекты. Ниже приводятся довольно характерные для того времени выдержки из выдававшихся сотрудникам Музейного отдела Наркомпроса мандатов:

«Настоящее удостоверение выдано ответственным работникам <...> Павлу Петровичу Шибанову и Евгению Ивановичу Силину в том, что они везут в Москву в Отдел музеев служебные документы из Петроградского Эрмитажа и книги научного значения, не подлежащие реквизициям» (от 3 февраля 1921 года); «Согласно декрету СНК об учете и регистрации памятников искусства и старины, <...> составляющих достояние Республики, Отдел <...> командирует сотрудника П. П. Шибанова в гор. Смоленск для принятия мер по охране памятников искусства и старины, нахо-

дящихся в монастырях, в срочном порядке. Вместе с тем, в задачи командированного входит разъяснение вопроса проведения в жизнь органами местной Советской власти декрета об отделении церкви от государства в области, касающейся предметов искусства и старины, хранящихся в церквях и монастырях губернии с уездом. В случае необходимости сотруднику П. П. Шибанову предоставляется право наложения правительственной печати, а также изъятие в хранилище Государственного музейного фонда вещей общегосударственного значения, которые будут призваны подлежащими изъятию. Все органы Советской власти, как и частные лица, обязаны оказывать всемерное содействие и не чинить препятствий П. П. Шибанову в выполнении поручения, возложенного на него Центральным Органом Рабоче-крестьянского Правительства» (от [нрзбр.] марта 1921 года); «Предъявитель сего <...> командируется в поселок Ильича в быв. Всехсвятский Единоверческий монастырь для выяснения вопросов по охране музейного имущества, там находящегося» (от 15 мая 1923 года); и даже так: «Предъявитель сего <...> командируется в т. н. единоверческий Всехсвятский м-рь

*Николай Николаевич Померанцев.
Фотография 1920-х годов*

*Евгений Иванович Силин (слева) с семьей.
Фотография 1927 года*

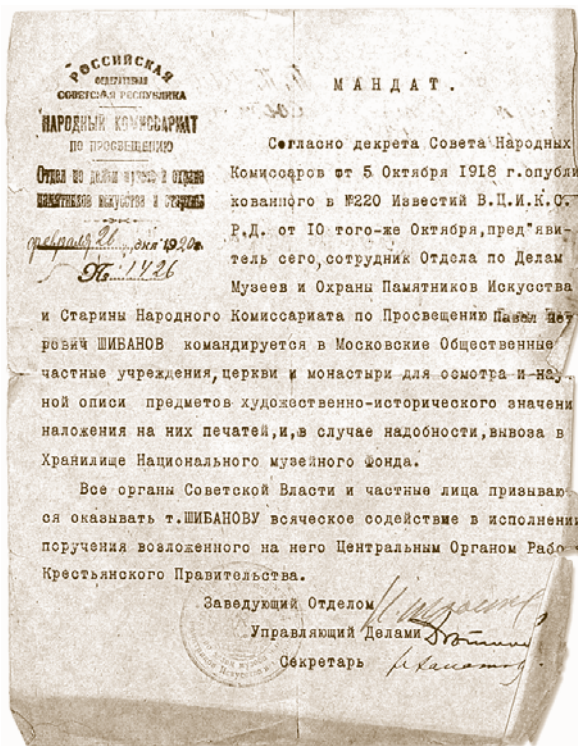
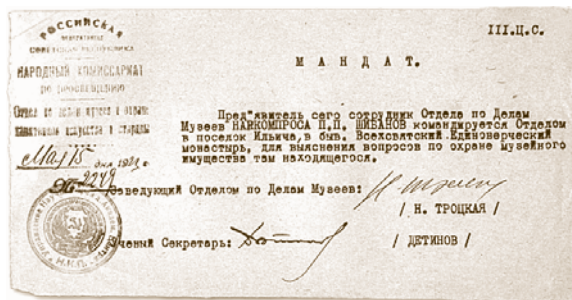
КАК ЭТО БЫЛО

для всестороннего его обследования в целях ликвидации»⁷ (от 14 мая 1924 года). Все это означало для обладателя мандата обязанность выявления среди имущества «ликвидируемых» храмов и монастырей тех самых «вещей общегосударственного значения». 7 декабря 1921 года издается декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», а следом — 2 января 1922-го — принимается постановление «О ликвидации церковного имущества». Все изъятые церковные предметы распределялись на три группы: имеющие историко-художественное значение и подлежащие ведению Музейного отдела Наркомпроса; подлежащие сдаче в Гохран; имеющие «обиходный характер». Декрет предусматривал обязательное участие в кампании представителей отдела с целью оценки, учета и распределения изымаемого по группам.

В 1921–1922 годах работала еще одна «изымающая» инстанция — Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол). Задачей Музейного отдела в связи с ее деятельностью было определить, что из конфискуемого не подлежит утилизации, представляя собой историко-художественную ценность. Эти рекомендации комиссией в большинстве случаев принимались, и указанные предметы передавались на музейное хранение.

Повторим: рядовые сотрудники Наркомпроса не только не могли помешать разорению храмов, монастырей, дворцов, усадеб — немислимо было проявить даже тень недовольства, тем более, что над многими из них висел дамоклов меч «непролетарского» происхождения. Оставалось лишь стараться максимально возможное количество ценностей уберечь от утилизации или продажи за рубеж. Распорядительных прав при этом у экспертов практически не было. В докладных записках П. П. Шибанова за 1923 год читаем: «Москва, являясь культурным центром страны, сосредоточила в своих пределах огромное количество памятников народного творчества не только местного, но и национально-русского и даже общеевропейского значения. <...> Работа по обследованию отдельных памятников, имеющих исключительное значение, требует к себе особенно внимательного отношения и производится по возможности всесторонне и исчерпывающе. <...> В тех случаях, когда подсекция находит необходимым изъятие каких-либо памятников в целях их охраны, она входит в Отдел по делам музеев с соответствующими разъяснениями по этому вопросу»⁸. На убедительность своих «разъяснений» для власти сотрудники отдела только и могли рассчитывать.

Мандаты, выдававшиеся сотруднику Музейного отдела Наркомпроса П. П. Шибанову

Всехсвятский единоверческий монастырь.
Последняя фотография
перед его закрытием в 1922 году

КАК ЭТО БЫЛО

*Работа в Гохране по сортировке изъятых ценностей.
Фотография 1920-х годов из каталога выставки
«Сохраненные святыни Соловецкого монастыря» (М., 2001)*

В то же время до мельчайших деталей разрабатывался механизм передачи ценностей в Гохран. 23 января 1922 года утверждается инструкция местным комиссиям по изъятию. Перед отправкой ценностей в Гохран независимо от того, где они хранились (музеи, склады ЧК и губфинотделов, закрытые монастыри и так далее), конфискованные предметы должны были подвергаться учету и экспертизе. Из тех мест, куда эксперты по разным причинам добраться не могли, везли в Гохран все, и уже здесь каждый предмет подвергался обследованию для определения его историко-художественной значимости.

Первый год работы в Гохране был сумбурный и неорганизованный. Привлекались к работе и случайные люди, и просто проходимцы, но в большинстве своем там трудились искренне преданные делу специалисты, для которых основной заботой являлась максимальная сохранность отечественного культурно-исторического наследия. В нетопленных помещениях, без выходных, получая сущие копейки, а то и вовсе ничего, они исполняли то, что считали своим профессиональным и человеческим долгом. В одном из отчетов, представленном в подсекцию по охране памятников искусства и стари-

ны художественного подотдела Наркомпроса⁹, П. П. Шибанов с грустью отмечал хаос во взаимодействии между отделами, а также нехватку специалистов, которые могли бы предотвратить утилизацию тех или иных историко-культурных ценностей, из-за чего многое терялось безвозвратно. Удручающая атмосфера царила, например, в залах Большого Кремлевского дворца на момент составления описи находящейся там обстановки (1924) — беспорядочно разбросанные мебель, зеркала, люстры, канделябры, картины, подставки для ваз и прочее, почти все — со следами недавних повреждений. Записная книжка Павла Петровича пестрит безрадостными заметками, сделанными по ходу осмотра залов: «Мы прошли через вестибюль и парадные сени. <...> Все ценное, видимо, было уже вывезено, на полу лежали фонари бронзовые шестигранные с матовыми стеклами (стекла разбиты), канделябры бронзовые XIX века, часы в ореховом футляре английской работы, <...> группа из белого мрамора, изображающая три грации, отдельно находился мраморный фиговый листок»¹⁰.

Известно (и до сих пор вызывает самые резкие оценки), что часть культурных ценностей

КАК ЭТО БЫЛО

новая власть лежащей в разлуке России продавала за рубеж. Об этом уже тогда Шибанов говорил следующее: «Находятся лица, которые обвиняют нас в том, что мы обесцениваем наш рынок, обескровливаем наши библиотеки. Это мнение совершенно ошибочно. На книги уникальные, на книги, редкость которых определена, — на эти книги существует запрет и вывоз их не разрешается, а что касается до обычных книг, про которые говорят, что они уходят возами, это неверно, потому что они не уходят возами, и если из тиража в 1200 экземпляров и уйдет 100–200 экземпляров, запас у нас останется. <...> Если бы эти книги не вывозились за границу, они здесь топтались бы ногами и ими топились бы печи, потому что покупать их некому. <...> Крупного частного коллекционера не стало, а если кто-нибудь еще и имеет возможность покупать, то такие лица насчитываются единицами, и ими не проживешь. <...> Абсолютно запрещены к вывозу инкунабулы, то есть книги XV, XVI и частью XVII столетия»¹¹. Конечно, судя по другим источникам, данное заявление в известной мере свидетельствует лишь о личной порядочности самого Павла Петровича, ибо были и противоположные примеры. Всякое было...

Особо можно выделить проблему, ставшую перед Музейным отделом в связи с обследованием монастырей на предмет определения «общегосударственного значения» находящихся там икон, книг, рукописей, церковной утвари и прочих вещей. Этим занимались такие мастера своего дела, как П. Д. Барановский, Д. П. Сухов, Н. Н. Померанцев, Е. И. Силин, В. В. Суслов, Е. А. Домбровская и другие. Принятие декрета ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом» и начало реквизиционной кампании застали врасплох не только Православную Церковь, которая и сама всеми силами стремилась помочь государству в преодолении тяжких последствий голода в Поволжье, но и Отдел музеев и охраны памятников старины Наркомпроса. В церквях, соборах, монастырях, кроме святынь, хранилось множество шедевров декоративно-прикладного искусства; их антикварная ценность во много раз превышала стоимость золота и серебра, из которого они были изготовлены; все это могло превратиться (и уже превращалось) просто в груды «презренного металла». И. Э. Грабарь, добившийся приема у председателя ВЦИК М. И. Калинина, услышал: «Что же вы делали раньше?». Тем не менее, работникам Музейного отдела разрешили там, где успеют, отбирать для музеев ценные

*Петр Дмитриевич Барановский.
Фотография 1970-х годов*

*Надвратная башня
Никола-Корельского монастыря,
перевезенная П. Д. Барановским
в Коломенское в 1931 году*

КАК ЭТО БЫЛО

*С. М. Прокудин-Горский. Вид на Соловецкий монастырь.
Фотография 1915 года*

*Во время командировки на Соловки (справа налево):
Н. Н. Померанцев, Е. И. Силин, П. Д. Барановский.
Фотография из каталога выставки «Сохраненные святыни
Соловецкого монастыря» (М., 2001)*

КАК ЭТО БЫЛО

в художественном отношении вещи. Грабарь в «пожарном» порядке начал рассылать своих представителей по городам и весям России¹². Вот что писал один из них — Н. Н. Померанцев: «Весьма поспешное уничтожение памятников старины и отсутствие достаточного количества специалистов на местах привели к необходимости организации при Музейном отделе НКП специальной комиссии, в задачи которой входило научное обследование и изучение важнейших памятников. В результате большой работы, проведенной в весьма трудных условиях, стало очевидным и все то исключительное значение, которое дают памятники древних монастырей, являвшихся средоточием произведений искусства большой художественной ценности, а их бытовое значение настолько велико, что теперь без существования музеев подобного рода (музеев-монастырей. — *Е. Б.*) немислимо настоящее изучение прошлого. <...>

Первое впечатление от Сергиевского музея — это впечатление музея архитектурных памятников — недаром пейзаж этой незабываемой многокрасочной архитектурной композиции послужил излюбленной темой для целого ряда русских художников. <...> Встречающие-

ся в музее произведения первоклассных памятников живописи в своем значении не уступают аналогичным собраниям центральных музейных хранилищ. <...> В раскрытом перед зрителем собрании древней книги и предметов декоративного искусства посетитель музея снова увидит произведения чарующей красоты. <...> Музей бывш. Ново-Иерусалимского монастыря, находящийся в гор. Воскресенске, раскрывает перед зрителем еще одну из красочных страниц истории социально-экономической жизни России. Здесь мы найдем богатейший материал, необходимый для выяснения одной из центральных фигур в русской истории середины XVII века — «всесильного» патриарха Никона. <...>

Волоколамский монастырь являлся для того времени своего рода духовной академией, вызвавшей необходимость организации специального кадра переписчиков книг, большая часть которых сохранилась до настоящего времени. К сожалению, приходится отметить, что многие из памятников древней письменности были изъяты в другие хранилища, чем объясняются весьма обидные пробелы этого музейного собрания. <...> В Москве были еще два монастыря — Новоспасский и Петровский,

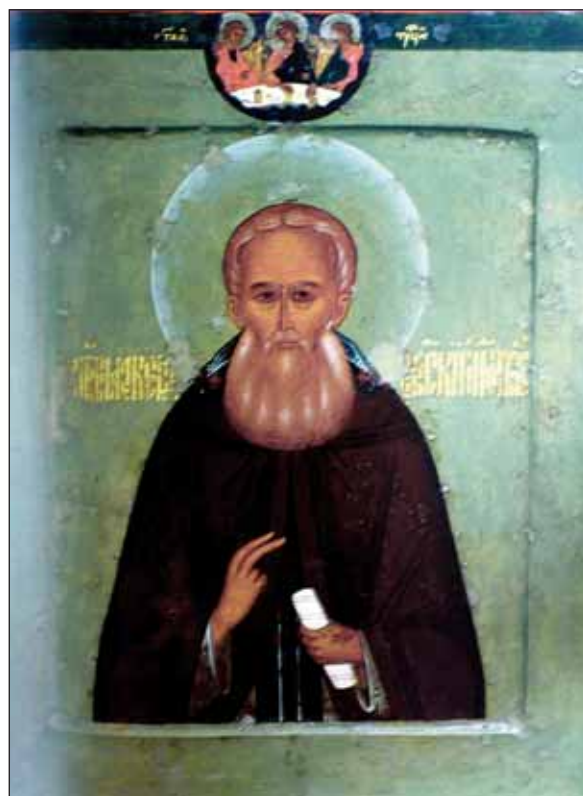
*Новоспасский монастырь в Москве.
Фотография 1882 года*

КАК ЭТО БЫЛО

*Предметы, в числе сотен других вывезенные П. Д. Барановским, Н. Н. Померанцевым
и Е. И. Силиным из Соловецкого монастыря*

*Крышка раки преподобного
Савватия Соловецкого.
1566 год*

*Икона преподобного Александра Свирского.
XVI век*

*Рукописное напрестольное Евангелие.
XVI век
(оклад — 1613 год)*

КАК ЭТО БЫЛО

весьма ценные памятники, которые давали вполне достаточные основания для организации в них музеев; однако по неудачно сложившимся обстоятельствам в них, к сожалению, так и не были организованы музеи. <...> Несмотря на то, что с начала революции прошло 11 лет, в музеях-монастырях по существу проведена лишь начальная стадия организации, можно сказать, что только теперь начинает выясняться подлинное значение всех памятников музеев-монастырей, имеющих столь исключительную культурную ценность»¹³.

Идея музеев-монастырей, реализация которой позволила тогда спасти от уничтожения множество историко-культурных ценностей и православных святынь, в наше время, как мы знаем, «аукнулась» конфликтами между музейщиками и возвращаемыми церкви объектами.

Выдающийся реставратор памятников архитектуры Петр Дмитриевич Барановский (1892–1984) еще в 1911 году по поручению Императорского Московского археологического общества начавший заниматься исследованием уникальных архитектурных объектов, с 1922-го читал лекции по археологической топографии в Московском университете, но, как писал он впоследствии в автобиографии, через год оставил педагогическую деятельность «из-за настоятельной необходимости в охране памятников, выдвигавшейся перестройкой жизни. Открывшиеся широкие возможности в деле реставрации памятников заставили отдать все силы на служение этому делу, и потому не хватало времени даже думать о чем-либо ином. <...> В 1922 г. мною был поставлен

в Наркомпросе вопрос о необходимости создать музей русской архитектуры: я предложил программу организации его в подмосковной усадьбе «Коломенское». К этому особенно побуждало тяжелое положение памятников деревянного зодчества на Севере и необходимость сохранить хотя бы лучшие произведения путем перевозки, поставив их в музейные условия хранения. Эта идея была поддержана Наркомпросом, мне была поручена организация музея в Коломенском, и с тех пор до 1933 г., состоя директором, я отдавал большую часть своих сил на создание этого музея. В течение одиннадцати лет Коломенское было организовано как музей, <...> и десять его памятников подверглись глубокому научному исследованию и реставрации. В результате этих реставрационных работ некоторые из памятников, совсем обезличенные и утратившие интерес, получили подлинный древний вид и значение для архитектуры»¹⁴.

В 1920–1923 годах П. Д. Барановский, Н. Н. Померанцев и Е. И. Силин немало сил положили на спасение предметов духовного и культурного наследия в Соловецком монастыре, где были устроены лагерь и тюрьма особого назначения. В результате колоссальной работы по разборке, описи и вывозу монастырского имущества им удалось уберечь от гибели сотни ценнейших произведений церковного и светского искусства, а также уникальных икон¹⁵.

Между тем приближались 1930-е годы — уже во многом другая эпоха, определившая новые, по-своему драматичные повороты нашей темы...

¹Музейное дело в СССР. Роль советских музеев в сохранении памятников истории и культуры. Сборник научных трудов. Вып. 15. М., 1980.

²Подробнее о нем см.: Московский журнал. 2008. № 12.

³Архив автора.

⁴Там же.

⁵Померанцев Николай Николаевич (1891–1986) — советский реставратор, искусствовед, лауреат Государственной премии СССР (1974).

⁶Силин Евгений Иванович (1877–1929) — до революции известный антиквар, знаток древнерусской живописи, после 1917 года — сотрудник Музейного отдела Наркомпроса.

⁷ОР РГБ. Ф. 342.

⁸Архив автора.

⁹ОР РГБ. Ф. 342.

¹⁰Там же.

¹¹Доклад П. П. Шибанова в акционерном обществе «Международная книга» (1928). Архив автора.

¹²Петр Барановский. Труды, воспоминания современников. М., 1996.

¹³Померанцев Н. Н. Музеи-монастыри Московской губернии. М., 1929.

¹⁴Петр Барановский. Указ. соч.

¹⁵Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки. М., 2001.

«На аппетиты инвесторы не жалуются...»

Беседа специального корреспондента «Московского журнала»

Берты Христиановны Бухариной

с президентом Союза московских архитекторов,

вице-президентом Союза архитекторов России

Виктором Николаевичем Логвиновым

От редакции

Поднятая в предыдущей статье тема сохранения отечественного историко-культурного наследия в борьбе «нового» со «старым» в 1920-х годах находит своеобразное продолжение в данном материале, посвященном проблеме разрушения исторического облика крупных российских городов в ситуации охватившего их безудержного строительного бума, главным действующим лицом которого сегодня стал «его величество инвестор»...

Берта Бухарина. Виктор Николаевич, коренные москвичи все чаще и чаще сетуют на то, что уже не узнают свой город — он стремительно меняется, становится им чужим. Вы ощущаете такие перемены?

Виктор Логвинов. Я согласен: Москва действительно изменилась. Но одиннадцатимиллионный мегаполис не может быть точно таким же, как пятимиллионный город, каким Москва была всего лишь 20–30 лет тому назад. Изменения — абсолютно закономерное явление. Возьмите в качестве примера Лондон, Париж... Милые сердцу уголки старого города ну никак не могут оставаться прежними. Еще раз подчеркну: это абсолютно закономерный процесс, с которым не поспоришь. Происходит развитие общества, развитие конкретного города, и остановить это невозможно.

Б. Б. Но если не остановить, то хотя бы направить процесс в сторону бережного отношения к старой застройке, наиболее созвучной горожанам... Это возможно?

В. Л. Давайте посмотрим, куда идет развитие нашего города. Безусловно, есть положительные моменты. Москва однозначно стала более чистой и благоустроенной. В центре приведены в порядок улицы и переулки, меньше стало полуразвалившихся домов и облупленных

фасадов. В части озеленения и архитектурной подсветки Москва, и особенно ее центр, не уступает крупнейшим столицам мира. И это, конечно, благо для горожан. Но есть и обратная сторона процесса — гигантское давление инвестиций, что, к сожалению, неизбежно сказывается на облике города. И мы видим, что везде, где можно и где нельзя, возникают высотные здания, на глазах меняется силуэт Москвы. И Правительство города, и Москомархитектура немало делают для того, чтобы как-то удержать это давление инвесторов, придать ему цивилизованный характер. Однако принимаемых мер, увы, недостаточно, чтобы уменьшить аппетиты инвесторов. Уже лет десять действует постановление Правительства Москвы, запрещающее строительство в центральной части города офисных центров площадью больше 10 тысяч квадратных метров. Запрещение вызвано тем, что центр задыхается от машин, а крупные офисы — главные потребители машиномест и источник пробок. Но все эти десять лет правдами и неправдами крупные офисные центры в центральной части города продолжают появляться. В результате, проезжая по Садовому кольцу, мы видим, что с внешней стороны понатыканы совершенно не нужные городу в его центре высотные здания.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Данный коллаж, а также фотографии, иллюстрирующие этот материал, показывают характерное соседство старой и новой застроек в столице

http://img-foiki.yandex.ru/get/54/doter-doter.0/0_132f2_a593a7e7_orig

Б. Б. *Что за последние годы благодаря жесткому давлению инвесторов нанесло непоправимый урон облику города?*

В. Л. Это те самые современные высотки вдоль Садового кольца. Мне, например, очень не нравится высотное здание, построенное Донстроем и прозванное в народе «Буратино». Не нравится, потому что это довольно неумелая и грубая подделка под сталинскую архитектуру. Некая спекуляция на желании людей почувствовать себя обитателями престижных сталинских высоток. Но ничего подобного в новых домах нет, кроме гигантских площадей квартир и огромной их стоимости. Тем не менее, эта спекуляция проходит и дает инвесторам конкретную и очень большую прибыль. Высотки строятся в ущерб облику Москвы. И делается это только ради получения денег любой ценой.

Б. Б. *Но их проектируют архитекторы. Выходит, есть в этом и их вина?*

В. Л. Тут абсолютно неправильная расстановка акцентов. Архитекторы не могут сегодня противостоять требованиям инвесторов. Они делают только то, что требуют от них заказчики, иначе их тут же заменят. Подобных случаев масса. Стоит архитектору сказать, что согласно ландшафтному анализу здесь можно возводить лишь семиэтажное здание, а не десятиэтажное, инвестор тут же разорвет с ним

все отношения. Он даже не будет с ним разговаривать, что-то обсуждать. Расстанется, не оплатив, возможно, даже те работы, которые были выполнены ранее. И тотчас же найдет другого архитектора — более покладистого и имеющего возможность согласовать повышенную этажность. Такие специалисты в нашем цехе, к сожалению, есть. Они даже не скрывают, что их главная и единственная цель — деньги. А то, что они при этом навредят городу, их мало волнует. К сожалению, такие явления не редкость, но все-таки в этих случаях архитекторы действуют не по собственной инициативе, а по воле инвесторов.

Б. Б. *Не инвесторы, а монстры... Что движет ими?*

В. Л. Если, по известному выражению Карла Маркса, за 20 процентов прибыли капиталист готов убить родную мать, то представьте, что может сделать человек за 200 процентов прибыли. Естественно, он в ажиотаже, у него дрожат руки, он предвкушает результат: вот-вот будет построен небоскреб, и он получит 100 миллионов долларов прибыли. И когда ему кто-то (будь то городские власти, архитектор, ЭКОС) говорит, что небоскреб здесь строить нельзя, он воспринимает этот запрет так, словно к нему залезли в карман, приходит в неистовство и начинает искать всевозможные пути обхода запрета.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Б. Б. Виктор Николаевич, почему в нашей стране инвесторам позволяют так вмешиваться в архитектуру, диктовать архитекторам?

В. Л. Вопрос философский. Параллельно с историей становления в мире капитализма развивалась и история сдерживания безумного эгоизма и жадности наживы со стороны инвесторов. Общество выработало целый ряд методов сдерживания. Это и гласность, и законодательство, которое неукоснительно соблюдается, и общественное мнение... Это, в конце концов, престиж собственного имени и собственной фирмы. Все перечисленное работает, чтобы держать в разумных рамках стремление к получению прибыли. Мы же вступили в капитализм с нуля. Ни в сознании, ни в законодательстве, ни в инструментах регулирования общества у нас нет никаких сдерживающих моментов. Поэтому инвесторы ведут себя как короли и боги. Любой, кто заработал в нашей стране миллион, считает себя по крайней мере полубогом, так как убежден, что сделал по прежним советским меркам что-то невероятное, выдающееся. Если миллионер на Западе — простой скромный труженик, который свой миллион заработал, то миллионер у нас — тот, кто каким-то чудом мгновенно стал богатым и считает себя пупом земли.

Б. Б. Знаете ли Вы хоть одного инвестора, который вложил бы деньги, высказал свои пожелания, обосновал свои интересы и дал воз-

можность спокойно работать профессионалам — проектировщикам, архитекторам, реставраторам?

В. Л. Я таких инвесторов не встречал. Для каждого из них главное — прибыль, и потому они не только следят за ходом проектирования, но еще и в процессе его все время думают над тем, как увеличить свою прибыль, как бы еще что-то где-то пристроить, надстроить всеми возможными и невозможными путями, как бы сэкономить на материалах, на подрядчике и так далее. В данной ситуации архитектор всей ответственности не получает.

Б. Б. Но в мировой практике это есть?

В. Л. Безусловно. Мы знаем, что в мировой практике архитектор — распорядитель кредита и доверенное лицо инвестора. Все процентовки, которые выставляет подрядчик, оплачиваются заказчиком только после подписи архитектора, подтверждающего, что работа сделана в срок и с надлежащим качеством. В конечном счете за качество архитектурного объекта отвечает как раз архитектор, если у него есть соответствующие права. Западный инвестор дает архитектору такие права и получает взамен очень качественный продукт и прибыль в разумных пределах. Если заказчик получил 20–30 процентов прибыли, он просто счастлив. И при этом у него получилось великолепное здание. Наши же инвесторы жить по таким правилам не хотят.

<http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?s=c344d6b3b736a6810e14b7eabbb50>

http://cache.photosight.ru/img/c/3e9/3182225_large.jpg

Б. Б. *Но ведь до революции и в России были инвесторы, которые думали не только о собственной прибыли, но и о качестве и красоте возводимых на их деньги сооружений?!*

В. Л. До революции в России заказчик действовал как раз через архитектора, который нанимал подрядчиков, следил за качеством их работы и сдавал готовый качественный объект. И эти сооружения украшали наши города, в том числе и Москву.

Б. Б. *Сегодня общественность громко говорит о наступлении новой архитектуры на Замоскворечье. Скоро вообще со стороны Кремля мы не увидим эту жемчужину столицы?*

В. Л. Такая опасность не просто существует — она уже в какой-то степени реализовалась, несмотря на регламенты, ограничения высотности, ландшафтно-визуальный анализ и так далее. Инвесторы все равно «пробивают» свои проекты. Замоскворечье — один из самых плачевных примеров давления с их стороны. Здесь нет высотного строительства, но зато возводятся такие огромные бизнес-центры и в таком странном стиле, доставшемся нам в наследство от постмодернизма 1980-х годов... Это было весьма скоротечное явление в истории мировой архитектуры, но у нас оно вдруг стало очень востребован-

http://fotki.yandex.ru/users/photogak/

ым прежде всего банкирами, владельцами административно-деловых центров... Фальшивые колонны, арочки, балясины — все это, к сожалению, в огромном количестве присутствует сейчас в Замоскворечье. Если в центре, где располагается Третьяковская галерея, данный стиль как-то пощадил район, то в остальных местах, особенно в северной и в южной части, где идет застройка Обводного канала, он просто процветает. Мне кажется, с точки зрения архитектурного облика эти районы Замоскворечья стали хуже.

Б. Б. *Слышала, что высотное здание собираются построить рядом с церковью Воскресения в Кадашах?*

В. Л. Я не очень верю в это, потому что вокруг церкви — охранная зона. Скорее всего, собираются строить не высотку, а 8–10-этажный дом. Но этого вполне достаточно, чтобы убить памятник архитектуры.

Б. Б. *Скажите, Виктор Николаевич, позиция инвестора в Москве и в других городах России схожа?*

В. Л. Я бы сказал, что инвесторы в других городах более адекватны, поскольку их сверхприбыли гораздо меньше, а потому «чердак» у них, как говорят в народе, не поехал. Тем не менее, если говорить о городах-миллионниках, то там мы наблюдаем точно такие же явления, как и в Москве. Инвесторы сдерживаются там даже меньше, чем в столице. Здесь все-таки сильная исполнительная, законодательная власть. А вот, скажем, в Самаре или в Саратове воочию видно, как безжалостно уничтожается застройка городских центров, где опять же возводятся никому не нужные высотки.

Б. Б. *Как все-таки найти управу на инвестора, который уродует облик города?*

В. Л. Кроме внутренних градостроительных регламентов, кроме четкого генерального плана, который говорит о том, что здесь можно строить, а что нельзя, никаких других инструментов нет. В мировой практике сдерживающими факторами являются общественное

http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?s=c344d6b3b736a6810e14b7eabbb50

мнение, пресса... Там, где это играет роль, амбиции инвесторов сдерживаются. А там, где мэры городов — временщики, подобные факторы, конечно, отсутствуют. Более того, муниципальные власти всемерно противостоят разработке четких градостроительных регламентов. Понятно — почему...

Б. Б. *В такой ситуации очень трудно архитекторам, архитектурному сообществу, общественности одержать победу. Есть примеры, когда исполнительная власть поддержала, скажем, Союз архитекторов, а не инвесторов? Или всегда безоговорочно побеждает бизнес?*

В. Л. Бизнес не всегда побеждает, если мы активны, если общественность выступает достаточно убедительно и мощно. Тогда случаются пусть немногочисленные, но победы. Разобрали же, например, незаконно построенные этажи в районе Сретенки. Исполнительная власть не поддержала планы инвесторов разместить на Пушкинской площади торговые центры, что привело бы к транспортному коллапсу. Мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков принял взвешенное решение — на Пушкинской площади торговые объекты не строить.

Б. Б. *Понятно, что архитектура не может не меняться. Но может ли, на Ваш взгляд, архитектура XXI века быть совместимой со старой Москвой?*

В. Л. Безусловно, может. Мировая практика дает огромное количество примеров, когда современная архитектура, хайтэк в частности,

блестяще вписывается в исторический контекст. И дело здесь не в архитектуре, а в градостроительном регулировании. Если новое здание тактично, если оно не превышает тех размеров, которые исторически определились для данного места, то оно способно вписаться в панораму и обогатить ее. Но если современная архитектура агрессивна, если она атакует историческую застройку своим гигантским масштабом, тогда это беда.

Б. Б. *Сегодня в Москве мы наблюдаем, как за маленькими старинными особняками поднимаются многоэтажные дома. Вроде бы и старая постройка сохраняется, но на фоне высоких зданий особняки теряются, пропадает все их очарование...*

В. Л. В этом опять-таки проявляется желание инвестора выжать из своей земли все, что можно и что нельзя. А поскольку инвестиции, вложенные в центре города, дают больше прибыли, то именно центр и страдает больше всего. Хотя уже давно в центре Москвы нужно было прекратить всякое новое строительство, делать только реконструкцию и реставрацию в прежних габаритах. Именно так поступают во многих странах. Приведу один пример. Мэрия Юрмалы, обнаружив, что идут целенаправленные поджоги маленьких старинных дач, вознамерилась принять постановление: если сгорела старая дача, на ее месте можно построить только здание той же площади и этажности. В этом случае поджоги потеряют всякий смысл... Если бы нам удалось

<http://www.photogorok.ru/photos/ae7cc00-918c48c9a1085a177c5dbb3dd.jpg>

выработать подобные законодательные механизмы, они явно пошли бы на пользу Москве, центр которой безумно перегружен, особенно офисами.

Б. Б. *Как уживаются инвесторы с амбициозными архитекторами? Ведь есть профессионалы, готовые отстаивать свое мнение до конца!*

В. Л. Вы правы, но, к сожалению, не они делают погоду. Такого архитектора мгновенно отстранят, выгонят, в лучшем случае заплатят ему за уже выполненную работу. У меня был такой случай. В доме № 6 по Гранатному переулку, где я был генпроектировщиком, заказчик потребовал нарастить еще один этаж. Я отказался, и этот проект тут же перешел другому архитектору.

Б. Б. *Значит, инвестор не будет считаться ни с какими амбициями архитектора, даже понимая, что именно от него зависит облик нового здания?*

В. Л. Конечно, не будет. Ведь у инвестора перед глазами только долларовые знаки. Архитектора с амбициями нужно просто снести, как любое другое препятствие на пути безудержного обогащения. Вот и все.

Б. Б. *Архитектура, на Ваш взгляд, — вещь «общественная или личная»? Здание принад-*

лежит обществу? Или прав инвестор, считая, что это — только его собственность?

В. Л. В мировой практике принято, что дом внутри, его «начинка», его интерьеры — приватная зона владельца или инвестора. Но фасад, извини, дорогой, — достояние всего общества, всех горожан, приезжих, туристов... Поэтому изволь придерживаться тех правил, которые определяет муниципалитет. Сказанное относится вообще к любой собственности. Если, допустим, в Германии частное лицо купило лес, это не значит, что данное лицо имеет право немедленно приобретенный лес вырубить. И если ты покупаешь болото, то не имеешь права без разрешения властей его осушить — ты можешь только эксплуатировать и получать свою разумную прибыль. А у нас владелец считает, что он может делать все, что хочет. Столь дикое представление о собственности досталось нам от пещерного капитализма 150-летней давности.

Б. Б. *Вы верите в силу гражданского общества в борьбе за сохранение города?*

В. Л. Когда такое общество у нас появится, оно, конечно, включится в эту борьбу. Вот только боюсь, что «жить в эту пору прекрасную» нам вряд ли доведется.

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://mosjour.ru>

Тел.: (495) 912-23-04; e-mail: mosmag@mosjour.ru
109004. Москва, ул. Николаямская, д. 45, стр. 1

Вячеслав Николаевич Рожков

По старой Можайской...

Об этой знаменитой дороге
и ее забытом маршруте через Звенигород

*Старая Смоленская дорога в городе Можайске.
Открытка начала XX века*

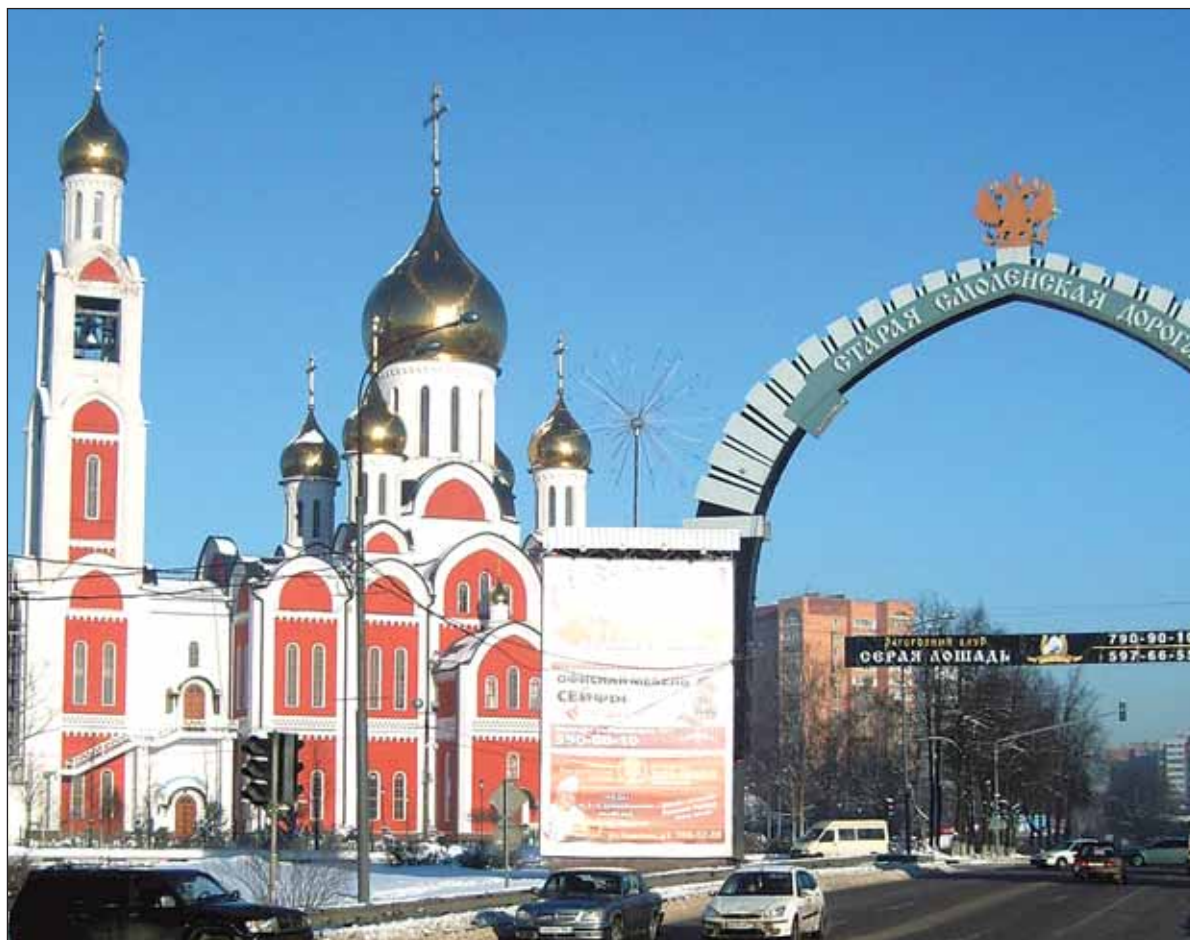
Есть такие памятники истории, о которых в нашей стране наверняка знает каждый образованный человек. Одним из них является старая Можайская дорога, получившая свое название от города Можайска, куда она вела из Москвы. О ней мы узнаем еще в детские годы из школьных учебников, художественной литературы, кинофильмов. Общеизвестно, что старая Можайская дорога, по которой проложили

в прошлом веке Можайское шоссе, — это участок старой Смоленской дороги. В городе Одинцово Московской области недавно даже установили над Можайским шоссе металлическую арку с надписью: «Старая Смоленская дорога».

Со времени возникновения Можайской дороги кто только ни путешествовал по ней. Повозки, подводы, брички, пролетки, сани, кибитки... Московские цари отправлялись

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Арка на Можайском шоссе в Одинцове с надписью: «Старая Смоленская дорога».
Фотография автора. 2010 год*

**ОБЩЕИЗВЕСТНО, ЧТО СТАРАЯ
МОЖАЙСКАЯ ДОРОГА — ЭТО УЧАСТОК
СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГИ.
В ГОРОДЕ ОДИНЦОВО МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ НЕДАВНО ДАЖЕ УСТАНОВИЛИ
НАД МОЖАЙСКИМ ШОССЕ
МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ АРКУ С НАДПИСЬЮ:
«СТАРАЯ СМОЛЕНСКАЯ ДОРОГА».**

по этому тракту на богомолье в монастыри Саввино-Сторожевский под Звенигородом и в Лужецкий Ферапонтов, что в Можайске. Курсировали бояре и стольники, мчались с указами царские гонцы, прибывали в столицу и убывали назад иноземные послы, тянулись купеческие обозы... Для большинства же из нас Можайская дорога ассоциируется почти исключительно с Отечественной войной 1812 года — по ней захватчики бесславно покидали выгоревшую Москву.

А в 1941 году по старой Смоленской дороге к Москве рвались другие захватчики — немецко-фашистские. Однако в ходе Ржевско-Вяземской операции они были отброшены. Гитлеровскую армию вслед за наполеоновской постигла аналогичная бесславная участь — бежать тем же путем, каким нагрянула...

В начале XX века Можайская дорога представляла собой обычную грунтовку. В 1920-х годах ее начали укреплять щебенкой. Приобретая твердое покрытие до Можайска, дорога стала Можайским шоссе. После завершения в 1954 году строительства новой автомагистрали Москва—Минск—Брест Можайское шоссе утратило свое прежнее значение и отныне использовалось в основном для внутриобластных сообщений. В наши дни на многих участках от Можайска до Смоленска оно напоминает рядовой проселок, а от Гагарина (Гжатска) до Вязьмы дорога заросла деревьями и кустарником, так что не прослеживается даже в виде лесных просек.

Весьма примечательно, что название «старая Можайская (или Смоленская) дорога»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Прокладка Можайского шоссе в рабочем поселке Одинцово.
Фотография 1927 года (из фонда Одинцовского краеведческого музея)*

для участка от Москвы до Можайска вошло в употребление лишь в прошлом веке. В «Книге Большому Чертежу», работа над которой началась в первой половине XVI столетия, ни Смоленская дорога, ни ее составная часть — Можайская — еще не «старые» (что и понятно). Вот два фрагмента текста: «А река Нара вытекла по Можайской дороге от озера близко от реки от Москвы»; «По Смоленской дороге от царствующего града Москвы до Можайска 90 верст, а от Можайска до Вязьмы 80 верст»¹. В межевых и переписных книгах XVII—XVIII веков Можайская дорога именуется «большой»², а в XIX веке — Можайским трактом³, что в принципе одно и то же. Л. Н. Толстой в «Войне и мире» также называл дорогу «большой Можайской». Название «старая Смоленская дорога» он использовал всего два раза в третьем и четвертом томах романа, где описаны события, происходившие во время отступления французской армии от Можайска к Смоленску. Однако старая Можайская дорога — не по названию, а фактически — существовала задолго до появления «нынешней старой». Об этом — наш рассказ.

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА МОЖАЙСКАЯ ДОРОГА ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ ОБЫЧНУЮ ГРУНТОВКУ. В 1920-Х ГОДАХ ЕЕ НАЧАЛИ УКРЕПЛЯТЬ ЩЕБЕНКОЙ. ПРИОБРЕТЯ ТВЕРДОЕ ПОКРЫТИЕ ДО МОЖАЙСКА, ДОРОГА СТАЛА МОЖАЙСКИМ ШОССЕ.

* * *

Наиболее раннее документальное свидетельство о Можайской дороге относится к XV веку. По ней 21 января 1476 года из Москвы в Смоленск выехал венецианский посол Амброджо (Амвросий) Контарини, который по поручению Венецианской республики вел переговоры в Польше и Персии о противодействии возрастающему могуществу турок. В 1487-м в Венеции он издал книгу «Путешествие в Персию», где, в частности, писал: «Государь (Иван III. — **В. Р.**) дал нам проводника

с повелением менять его от места до места. К вечеру остановились мы в небольшой плохой деревушке (по-видимому, в Вяземах. — **В. Р.**), и хотя я знал наперед, что мне придется вытерпеть в пути множество хлопот и беспокойства как по причине стужи и снегов, так равно и потому, что дорога наша шла почти непрерывно лесом, однако я презрел всеми этими неудобствами и решился без малейшего страха ехать день и ночь, столь велико было мое нетерпение выбраться поскорее из этих стран. 22 числа оставили мы означенную деревушку и, продолжая при сильной стуже безостановочно путь свой по лесам, прибыли 27 числа в небольшой город, именуемый Вязьюю. Тут переменили мы проводника и, отправившись с ним далее, достигли другого города, называемого Смоленском, где также взяли нового проводника. <...> Иногда попадались нам по дороге маленькие деревушки (видимо, и Можайск Контарини принял всего лишь за «деревушку». — **В. Р.**), в которые мы заезжали для отдыха; чаще же проводили ночь в лесу. В полдень останавливались мы для обеда и почти всегда находили на снегу остатки разведенного огня, забытого, вероятно, путниками, прежде нас тут бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другие признаки недавнего ночлега»⁴.

Любопытные сведения о Можайской дороге находим в книге «Записки о Московии» (1549) немецкого дипломата Зигмунда (Сигизмунда) фон Герберштейна, посетившего Москву в 1516—1517 и 1525—1526 годах. В сравнении с дорогами польско-венгерского пограничья, где Герберштейн подвергся нападению, дороги в Москву оказались небезопасны по другой причине — своей неустроенности. О первом путешествии он пишет: «Ручьи, не удерживаемые

С. фон Герберштейн в одеянии, пожалованном ему Великим князем Московским Василием Иоанновичем.

Иллюстрация из книги Герберштейна «Записки о московских делах». (СПб., 1908)

мые берегами, разливали ужасную массу воды, так что переправиться через них можно было только с величайшими усилиями и с опасностью. Ибо мосты, сделанные за час, за два или за три, всплывали от разлития вод»⁵.

Отмеченная выше неустроенность Можайской дороги и практическое отсутствие сел на ее протяжении от Москвы к Можайску говорят о том, что данный маршрут появился незадолго до посещения России Контарини и Герберштейном, то есть примерно в середине XV века. Однако езжалый путь из Москвы в Можайск должен был существовать намного раньше указанного времени. Можайск впервые упоминается в Никоновской летописи под 1231 годом. Трудно представить, что между ним и Москвой тогда не было надежного сообщения. В 1303 году город входит в состав Московского княжества, в 1389-м становится центром удельного княжества, важным форпостом на западных подступах к Москве. Таковыми являлись также Звенигород и Руза. Уже в XII веке на берегу реки Рузы возводят-

**НАИБОЛЕЕ РАННИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА О МОЖАЙСКОЙ ДОРОГЕ
ОТНОСЯТСЯ К XV ВЕКУ.
ЛЮБОПЫТНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НЕЙ
НАХОДИМ В КНИГЕ «ЗАПИСКИ
О МОСКОВИИ» (1549)
НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТА ЗИГМУНДА
(СИГИЗМУНДА) ФОН ГЕРБЕРШТЕЙНА,
ПОСЕТИВШЕГО МОСКВУ
В 1516—1517 И 1525—1526 ГОДАХ.**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

ся деревянные оборонительные сооружения. Укрепленные города Можайск, Руза и Звенигород не могли появиться в глухих безлюдных местах — они должны были возникнуть именно на дорогах, по которым и ожидался набег с запада на Москву. На Можайском направлении такой дорогой могла быть лишь старая (по отношению к большой — нынешней старой) Можайская, проходившая вдоль левого пологого берега Москвы-реки вблизи обжитых сел и деревень. Еще одно соображение на сей счет: в XIV веке в московском посаде возникло Загородье — местность к северу от реки Неглинной⁶; в то время через Загородье пролегалo несколько дорог, ставших впоследствии московскими улицами, среди них — Смоленская.

На существование в прошлом дороги, ведущей вдоль левого берега Москвы-реки из Можайска в Москву, находим указание в «Историческом описании Саввино-Сторожевского монастыря»: «Во время Литовских набегов на этой горе (Стороже у Звенигорода. — **В. Р.**) стояла воинская стража для наблюдения за движением неприятелей, которые проходили к Москве по старой Смоленской дороге, за Можайском уклонявшейся влево к Звенигороду»; «Дорога Смоленская разделялась от Можайска на две: одна шла по тому же направлению, как и нынешняя (то есть большая. — **В. Р.**) Можайская дорога, другая сворачивала с Вязем на Першин или Введен-

ское и составляла кривую линию по берегу Москвы-реки»⁷. Однако здесь маршрут старой Смоленской дороги от Можайска до Звенигорода и далее до Москвы не обозначен перечислением населенных пунктов, через которые она проходила. Надо полагать, ее трасса оставалась для автора «Исторического описания...» загадкой — иначе, учитывая

НА СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРОШЛОМ ДОРОГИ, ВЕДУЩЕЙ ВДОЛЬ ЛЕВОГО БЕРЕГА МОСКВЫ-РЕКИ ИЗ МОЖАЙСКА В МОСКВУ, НАХОДИМ УКАЗАНИЕ В «ИСТОРИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ»: «ВО ВРЕМЯ ЛИТОВСКИХ НАБЕГОВ НА ЭТОЙ ГОРЕ (СТОРОЖЕ У ЗВЕНИГОРОДА. — В. Р.) СТОЯЛА ВОИНСКАЯ СТРАЖА ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ДВИЖЕНИЕМ НЕПРИЯТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ПРОХОДИЛИ К МОСКВЕ ПО СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ».

Вид с правого берега Москвы-реки на Саввино-Сторожевский монастырь и большую Звенигородскую дорогу. Иллюстрация из альбома «1812 год в Подмосковье» (М., 2002)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*И. И. Левитан. Саввинская слобода под Звенигородом.
Холст, масло. 1884 год*

важность этого маршрута для истории Саввино-Сторожевского монастыря, он обязательно его указал бы.

О том, что в XVIII веке вдоль левого берега Москвы-реки пролегалa дорога от Можайска в Москву, свидетельствует российский историк немецкого происхождения академик Герард Фридрих Миллер (1705–1783). В июле 1778 года он совершил поездку по городам Московской губернии, в том числе посетил Можайск, Звенигород и Рузу. Свое путешествие Миллер начал, как он пишет, по «большой Можайской дороге». «Можайская дорога начинается при Дорогомиловском мосте. Сим мостом ездят через реку Москву, которая в вешнее время гораздо шире, нежели теперь, почему и мост не всегда одинаковую меру имеет. <...> Он составлен из бревен, между собой сплоченных, кои лежат на воде, и сие живым мостом называется. До сих мест простирается Смоленское предместье города Москвы, а по ту сторону моста находится Дорогомиловская слобода и Смоленская ямская слобода»⁸. За Смоленской слободой лежало Голенищевое, оно же Троицкое, на речке Сетуни. Далее в 10 верстах от Москвы — село Спасское, также на Сетуни. Потом шли деревня Мамоново, село Одинцово, два села по обе стороны дороги наискось одно от другого — «Яшкино» (Яскино) и Покровское. За ними деревня Ядрынки, село «Першусово» (Перхушково), а в девяти

верстах от него — село Вязема с почтовым станом. Далее следуют деревни Касарка, Подлипки, село Кубинское, деревни Иконниково, Нара, село Крымское, деревни Ляхово, Капань, Шалковка, Землино, Маденовка, село Пушкино, деревня Рылково и за ней в 99 верстах от Москвы — город Можайск на речке Можайке, впадающей недалеко оттуда в реку Москву. Описанная трасса большой Можайской дороги в основном совпадает с трассой нынешнего Можайского шоссе.

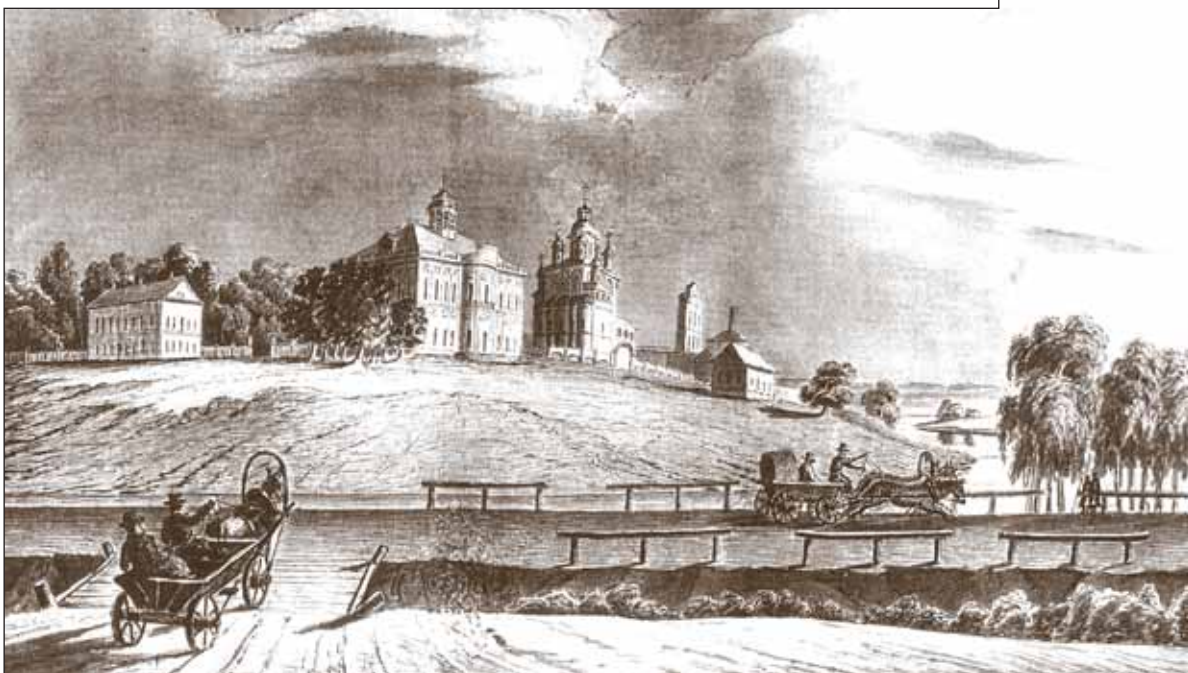
Более интересен для нас маршрут обратного пути Миллера — вдоль левого берега Москвы-реки через города Рузу и Звенигород⁹. Воспроизведем его также во всех подробностях. От Можайска до Рузы: деревни Тетерино, Ратчино, Клементьева слобода (иначе — село Введенское), Карцева слобода, деревни Вандово, Радуево, село Брыньково на берегу впадающей в Москву-реку речки Рузы. От Рузы до Звенигорода: деревня Коковино, село Никольское, деревни Орешки, Кривошеино, Опачино, Локотня, Коринска (ныне Каринское), Устье, Рыбушкино, Егулино, село Подмонастырское (ныне Саввинская слобода). От Звенигорода до Москвы (также по левому берегу Москвы-реки): село Козино, деревня Барсушка, села Аксиньино и Уборы. За Уборами ниже по течению Москвы-реки в нее впадает Истра, которая являлась естественной преградой для дальнейшего пу-

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Вид города Рузы.
Открытка
начала XX века*

*Имение князя
Д. В. Голицына
в Больших
Вяземах.
Иллюстрация
из альбома
«1812 год
в Подмоскowie».
(М., 2002)*

ти в Москву по левому берегу, поэтому дорога из Звенигорода здесь «переходила» на другой берег. По словам Миллера, вблизи Убор «есть через Москву-реку перевоз на пароме». Дальнейший путь лежал через расположенные на правом берегу Москвы-реки села Усово и Раздоры и деревню Хорошево, возле которой располагался мост через Москву-реку, а в восьми верстах от моста находилась Тверская ямская слобода.

При описании своего путешествия Миллер ни разу не употребил выражения «старая Можайская дорога». Видимо, к концу XVIII века маршрут этой дороги, шедшей от Можайска к Звенигороду и далее на Смоленскую слободу, был окончательно забыт. Тем не менее

факты говорят о том, что он существовал и его можно проследить. Вблизи Усова дорога, по которой возвращался Миллер, отклонялась от Москвы-реки и через густой лесной массив вела к речке Самынке. На ее берегах недалеко от деревни Подушкино, где сохранились курганные насыпи XI–XIII веков, как раз отсутствуют глубокие труднопреодолимые овраги, которыми изобилуют окрестные леса. От Самынки дорога устремлялась к деревне Мамоново и далее к Смоленской слободе. Документальное подтверждение такого маршрута находим в Межевой книге XVII века. В ней говорится, что по указанному отрезку старой Можайской дороги проходила межа, разделяющая вотчинные земли владельца села

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Село Перхушково на пути из Можайска в Москву

21 сентября 1812 года.

Литография по рисунку с натуры Х. В. Фабера дю Фор. 1830-е годы

НА ПРОТЯЖЕНИИ ДОЛГОГО ВРЕМЕНИ
СТАРАЯ МОЖАЙСКАЯ ДОРОГА
ЯВЛЯЛАСЬ СУЩЕСТВЕННЫМ ФАКТОРОМ
РАЗВИТИЯ ПРИЛЕГАЮЩИХ К НЕЙ
ТЕРРИТОРИЙ, О ЧЕМ ГОВОРИТ,
В ЧАСТНОСТИ, КОЛИЧЕСТВО
ПОСТРОЕННЫХ ВБЛИЗИ НЕЕ
КАМЕННЫХ ХРАМОВ.

Одинцово окольного Артемона Сергеевича Матвеева и владельца села Подушкино стольника Матвея Богдановича Милославского. Название «Старая Можайская дорога» фигурирует в тексте неоднократно. Вот лишь один пример: «А от дуба через овражек старой Можайской дорогой восемьдесят сажень на дуб же»¹⁰. Со временем участок дороги от Мамоново до Москвы-реки, утратив свое значение, зарос лесом, а от Мамоново до Москвы — сохранился по сей день и достался «по наследству» большой Можайской дороге.

На протяжении долгого времени старая Можайская дорога являлась существенным фактором развития прилегающих к ней тер-

*Спасская церковь в селе Уборы
на старой Можайской дороге.
Фотография автора. 2009 год*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Лыжная трасса
на старой Можайской дороге.
Фотография автора. 2010 год*

риторий, о чем говорит, в частности, количество построенных вблизи нее каменных храмов. При Миллере по большой Можайской дороге стояли всего три каменные церкви — в селах Перхушково, Вяземах и Пушкино. В то же время вдоль левого берега по старой Можайской дороге насчитывалось девять каменных церквей — в Клементьеве, Брынкове, Рузе, Никольском, Звенигороде, Козине, Иславском, Уборах, Усове, не говоря уже о Саввино-Сторожевском монастыре.

И еще одно попутное замечание. В опубликованной мною недавно в «Московском журнале» статье, посвященной истории Одинцовской земли¹¹, поставлен вопрос: почему в среднем течении небольшой речки Самынки возникло крупное поселение древних славян, о котором сегодня напоминают многочисленные курганы? Теперь на этот вопрос можно дать ответ: формирование поселения было определено наличием переправы через Самынку на старой Можайской дороге.

* * *

Итак, с XVI века основной магистралью, ведущей из Москвы на запад, становится большая Можайская дорога. Через четыре столетия с постройкой автомагистрали Москва—Минск—Брест она разделит судьбу своей предшественницы — старой Можайской дороги — и сама станет «старой»...

**ИТАК, С XVI ВЕКА ОСНОВНОЙ
МАГИСТРАЛЬЮ, ВЕДУЩЕЙ ИЗ МОСКВЫ
НА ЗАПАД, СТАНОВИТСЯ
БОЛЬШАЯ МОЖАЙСКАЯ ДОРОГА.
ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ СТОЛЕТИЯ
С ПОСТРОЙКОЙ АВТОМАГИСТРАЛИ
МОСКВА—МИНСК—БРЕСТ ОНА РАЗДЕЛИТ
СУДЬБУ СВОЕЙ ПРЕДШЕСТВЕННИЦЫ —
СТАРОЙ МОЖАЙСКОЙ ДОРОГИ —
И САМА СТАНЕТ «СТАРОЙ»...**

¹Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950.

²Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы. Вып. 3. Загородская десятина (Московского уезда). М., 1886.

³Списки населенных мест Российской империи. XXIV. Московская губерния; Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862.

⁴Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836—1847. Отд. 1. Т. I. Амвросий Контарини.

⁵Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1908.

⁶Впервые упоминается в летописях в связи с «великим пожаром Всесвятским» 1365 г.

Москва разделялась в то время на Кремль, Посад, Загородье и Заречье (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. М., 1989; Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М., 1982).

⁷Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1860.

⁸Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1966.

⁹Там же.

¹⁰РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 687.

¹¹Рожков В. Н. По Акишевской дороге, на речке на Самынке // Московский журнал. 2010. № 1.

Александр Николаевич Потапов

Мельница

Из детских воспоминаний

*Вот и мельница у дороги. Она словно приветствовала меня,
широко распахнув свои крылья...
Фотография А. Н. Потапова. 2009 год*

Каждый, кто проезжает по трассе Москва — Самара, непременно обращает внимание на старую ветряную мельницу, стоящую у шумной дороги в селе Польное Конобеево Шацкого района Рязанской области. Говорят, этот ветряк — единственный в своем роде не только на Рязанщине, но и в России.

Помнится, в годы студенческой юности я частенько навещался из Рязани на родину, в село Польное Конобеево, где жили мои родители. Доезжал на городском автобусе до окружной дороги и шел на автозаправку. Как правило, там было немало машин, следующих по трассе Москва—Куйбышев. Обычно спрашивал у шофера-дальнобойщика:

— Вы по куйбышевской трассе поедете?

— Да.

— До Конобеева возьмете?

— А где это?

— Там, где ветряная мельница стоит.

— А-а, знаю. Садись.

Через три—четыре часа пути взору открывалась пойма Цны, крупное село Лесное Конобеево на правом, лесистом, берегу реки, а чуть подальше — и Польное Конобеево, растянувшееся на несколько километров вдоль трассы по полевому черноземному побережью. Вот и мельница у дороги. Она словно приветствовала меня, широко распахнув свои крылья...

Ветряные мельницы получили широкое распространение в Европе с XII столетия. Позже появились они и на Руси. Ветряное колесо состояло из нескольких точно сбалансированных крыльев, на каркас которых натягивали холст или парусину. У нас мельничные крылья обычно обшивали тонким тесом или щепой. Иногда они достигали длины более 10 метров. Сработанные по принципу пропеллера, крылья, повернутые к ветру, начинали крутиться и вращать вал, на котором крепились. Посредством шестеренок вращение передавалось мельничному механизму и жерновам. Когда менялся ветер, мельник разворачивал по направлению к нему мельничный шатер с помощью специального устройства — «правила», устроенного из длинных жердей, и ветряк снова махал крыльями, словно огромными руками, снова вращались валы и шестеренки, громыхали тяжелые жернова... Причем мельницы использовались не только для перемалывания зерна — они рушили крупу, били шерсть, пилили дрова, измельчали древесину для изготовления бумаги, качали из колодцев воду. Мощность имели небольшую — от двух до десяти или чуть более лошадиных сил (в зависимости от размера и типа ветряка), но свое дело исполняли исправно, да и ветер работал задаром. У мельниц был свой «язык», понят-

В начале XX столетия в России насчитывалось 250 тысяч ветряных мельниц, перемалывавших половину всего собранного по стране зерна (В. Е. Маковский. Ветряная мельница. Бумага на картоне, акварель. 1881 год)

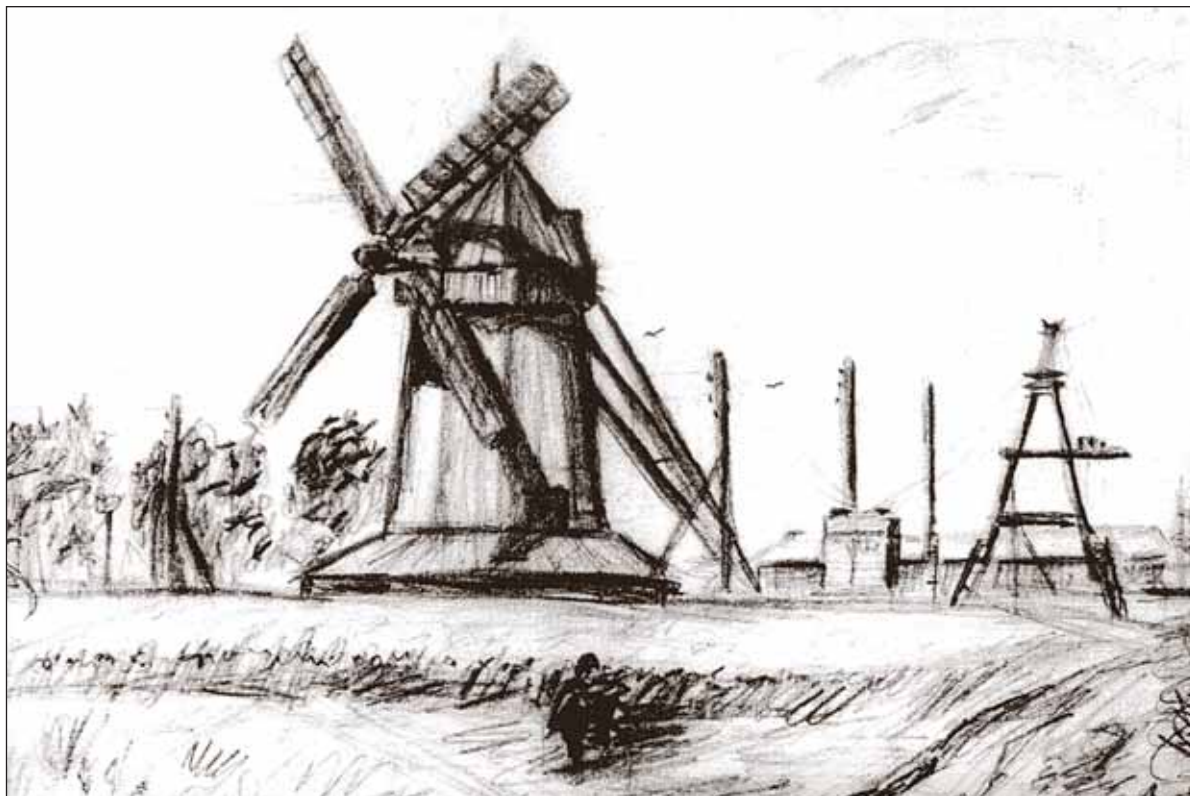

ный сельчанам. Если, к примеру, мельничные крылья устанавливались в виде знака «+», это означало, что мельник ждет заказчиков. Если к крылу привязывалась красная тряпица, крестьяне знали: ветряк неисправен или мельника нет дома, отправляться на мельницу нет смысла. Крылья застыли буквой «X» — у мельника или у кого-то из его близких праздник, и к нему надо ехать не с зерном, а с поздравлениями — ведь мельник издревле был почитаемым на селе человеком¹.

В начале XX столетия в России насчитывалось 250 тысяч ветряных мельниц, особенно широко использовавшихся в богатых зерном степных районах и перемалывавших половину всего собранного по стране зерна². В Шацком уезде, входившем до 1923 года в состав Тамбовской губернии, к 1884 году было 108 ветряных мельниц, в том числе в Польно-Конобеевской волости — семь³. Ветряк в те годы — неотъемлемая принадлежность сельского пейзажа. Во всех крупных селах наряду с церковью мельница доминировала над окрестностью, поскольку ставилась обычно на пригорке, на открытом всем ветрам (следовательно, и взорам) месте.

Когда построили Польно-Конобеевскую мельницу — доподлинно неизвестно, но старожилы села говорили, что она работала с середины XIX века. Такая же мельница имелась

Польно-Конобеевская мельница в 1969 году. Рисунок автора

и в Лесном Конобееве, по другую сторону Цны. Но однажды во время пожара она вспыхнула, и, как ни старались унять пламя, почти полностью сгорела. Долгое время неподалеку от сельского кладбища возвышался черный остов, потом его разобрали. А мельница в Польном Конобееве еще много лет служила людям. Время от времени ветряк ремонтировали: меняли тесовую обшивку, бревенчатые валы, износившиеся дубовые шестерни — и мельница снова начинала вращать крыльями, и из-под жерновов текла теплой струйкой ржаная мука...

Помнится, как мы, дети, играя поблизости, заглядывали на мельницу. Мельник дядя Костя Бердянов, весь белый от мучной пыли, казался нам то ли Дедом Морозом, то ли добрым колдуном из сказки. Крылья ветряка поскрипывали под напором ветра. Огромные каменные жернова медленно, с шумом и грохотом, вращались и, словно челюсти доисторического животного, с хрустом перемалывали зерно. Наверх, в башню, вела таинственная лестница. Зубчатые шестеренки, валы — все делалось из дерева сельскими умельцами. Вместительные совки для ссыпки муки из сусека в мешок тоже были деревянными — липовыми. Время от времени к мельнице подъезжали подводы. Колхозники грузили мешки в телеги и везли на ферму, где фуражную муку размешивали в теплой воде и поили этой сытной «болтушкой» телят.

В те годы в селе работала пекарня, размещенная в старинном кирпичном доме, до революции принадлежавшем священнику местной церкви. Иногда сельчане покупали хлеб не в магазине, а здесь — с пылу, с жару. Мне тоже нравилось покупать хлеб на пекарне. Только что вынутая из печи буханка обжигала руки. Клал ее в сетку-авоську, а по пути домой отламывал хрустящую корочку и клал в рот. Хлеб был вкусным, душистым — лучшего угощения и не придумаешь! Детство пахло теплым ржаным хлебом, испеченным из муки, смолотой на нашей мельнице...

Мальчишкой я увлекался рисованием. В летние каникулы носил с собой блокнот и карандаш. В разгар лета 1969 года мы гуляли с приятелем. Вдоль трассы зеленели посадки, рядом наливалась золотой спелостью рожь, купались в небесной сини голуби, и надо всей округой царила мельница — крылатая, как эти голуби, но крепко-накрепко связанная с землей своей работой. Я достал блокнот и карандаш и сделал публикуемый здесь рисунок.

А еще я писал стихи и «на заре туманной юности» часто публиковал их в шацкой районной газете. Разве мог я обойти своим поэтическим вдохновением нашу старую мельницу:

*На пригорке — резной силуэт,
Эта мельница, крылья раскинув,
Горделиво стоит на селе,
Словно символ мужицкой России...*

*На пригорке — резной силуэт.
Это мельница, крылья раскинув,
Горделиво стоит на селе,
Словно символ мужицкой России...*

Но однажды мельничные крылья остановились — как оказалось, навсегда: к ветряку подвели электричество, оно и стало вращать жернова. Постепенно мельница разрушалась. С началом «перестройки» колхоз зачах. Ветряк оказался никому не нужным. И хотя на его тесовой обшивке появилась табличка, свидетельствующая, что Польно-Конобеевская мельница является памятником русского деревянного зодчества (а также, добавлю я, старинной жизни и быта сельчан), никто этот памятник не охранял, а время и непогода делали свое дело. Однако в 2003 году, в преддверии празднования 450-летия Шацка, районные власти все-таки изыскали средства на реставрацию Конобеевской мельницы. Бревчатый остов остался прежний, потертые каменные жернова остались на месте (да разве их унесешь?), а вот тесовую обшивку поменяли. Что касается крыльев, очевидно, на их реставрацию денег не хватило. Так и стояла мельница обескрылевшей, напоминая одинокую крепостную башню. Наконец у властей дошли руки и до крыльев — они были восстановлены в прежних размерах, но, к сожалению, перестали вращаться и лишились тесовой обшивки. Мельница замерла, словно

в подтверждение тому, что она отныне — памятник.

...Несколько лет назад, работая над книгой о выдающихся земляках-шатчанях, я заочно познакомился с замечательным художником Филиппом Федоровичем Махониным, живущим ныне в Петербурге. Его знают как живописца и графика, иллюстратора книг. Но, пожалуй, наибольшую известность он приобрел как автор книжных знаков — экслибрисов. Работы Филиппа Федоровича в этом жанре не раз публиковались и экспонировались в Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Голландии, Дании, Италии, Индии, Португалии, США, Финляндии, Франции, Швеции и других странах. Родился художник в нашей шацкой глубинке, провел там раннее детство. Приезжал на родину и в зрелые годы, не раз бывал в Конобееве. Между нами завязалась переписка. Как-то раз я попросил его выполнить для меня экслибрис. Филипп Федорович, читавший мои сборники стихотворений и проникшийся их настроением, попросил выслать фотографию Польно-Конобеевской мельницы, которую он не раз видел в былые годы. Я отправил в Петербург фотографию и копию своего рисунка и через некоторое время получил именной книжный знак. На нем изображена раскрытая книга, береза, конь с развевающейся по ветру гривой и — да-да, она самая! — моя любимая мельница. Позволю себе приложить к очерку в качестве иллюстрации и этот экслибрис...

¹ Популярная энциклопедия для детей. М., 1995. С. 126–127.

² Панков В. Иду Мещерой. Рязань, 1984. С. 172.

³ Сборник статистических сведений Тамбовской губернии. Т. 6. Шацкий уезд. Тамбов, 1884. С. 210.

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Александр Яковлевич Булгаков

Современные записки и воспоминания мои

Отрывки из дневника

Александр Яковлевич Булгаков.

Рисунок с акварели,

опубликованной в приложении к «Русскому архиву» за 1906 год

С этого номера «Московский журнал» начинает публиковать фрагменты дневника А. Я. Булгакова (1781–1863) — сына известного дипломата екатерининского времени, писателя, переводчика Я. И. Булгакова (1743–1809). Александр Яковлевич — личность в отечественной и в московской истории не проходная. С юных лет находясь на дипломатической работе при русской миссии в Неаполе, позднее служа чиновником особых поручений при московском главнокомандующем Ф. В. Ростопчине, в Московском архиве Министерства иностранных дел, наконец, состоя в должности московского почт-директора, он всю свою жизнь не был обделен вниманием, а иногда и дружбой знаменитостей. А. Я. Булгаков фиксировал в дневнике свое представление королю обеих Сицилий¹ Фердинанду IV и мимолетное шапочное знакомство с Бетховеном, дружеский ужин с Ференцем Листом и сеанс популярного французского фокусника виконта де Кастона (Гастона) в Английском клубе в Москве, беседу с актрисой Рашель и обед в Благородном собрании в честь ученого путешественника Александра Гумбольдта... Он чрезвычайно дорожил любой возможностью приблизиться ко двору и старательно записывал все даже самые незначительные разговоры с Бенкендорфом, Великим князем Михаилом Павловичем, императрицей и, конечно, государем Николаем I, благоволившим к младшей дочери Булгакова Ольге. Наряду с этим Александр Яковлевич дружил с А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, С. А. Соболевским и другими литераторами, был если не прямым участником, то «членом-корреспондентом» известного литературного сообщества «Арзамас». В его 17-томном, изданном пока лишь частично, дневнике — настоящий калейдоскоп событий, где, как и в жизни, высокое соседствует с обыденным: коронации, дуэли, самоубийства, спектакли зарубежных театральных гастролеров, громкие преступления, необычные природные и атмосферные явления, первые полеты воздушных шаров, придворные сплетни и слухи, сеансы спиритизма, войны и революции, холерная эпидемия, установка Александрийской колонны в Петербурге, подъем из ямы Царь-колокола в Москве, смерть Пушкина, пленение Шамиля, появление телеграфа, «дело» Сухово-Кобылина, Достоевский на Семеновском плацу, герценовский «Колокол», новый танец «улань» и так далее, и так далее, и так далее... Все это делает дневник ценным историческим источником, да и просто интереснейшим чтением.

16 томов дневника хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства, 1-й том, каким-то образом «отколовшийся» от собрания, — в Санкт-Петербурге, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Текст печатается в сокращении. Стилль и орфография автора по возможности сохранены и лишь в исключительных случаях приведены к современным нормам. Примечания, кроме специально оговоренных, сделаны публикатором. Им же озаглавлены отдельные отрывки.

Междоусобица

1825 г.

Все жители Москвы ужасно поражены!

Совершилось величайшее несчастье, которое могло постичь Россию: Императора Александра Павловича не стало. Он скончался в Таганроге 19 ноября в 10 часов утра. Вот два дня, что заметно в городе ужасное волнение. Малому числу жителей было известно, что Государь нездоров, а потому столь неожиданное известие о кончине его величества поразило всех, как громом. <...> Главнокомандующему в Москве князю Дмитрию Владимировичу Голицыну² было, кажется, известно это несчастье уже 23-го числа, но он молчал, вероятно, чтобы не расстроить готовившийся у сестры его, Катерины Владимировны Апраксиной, праздник, она именинница 24-го. Ни он, ни его княгиня на празднике не были, и оба занемогли, никого не принимали. Надобно думать, что и почт-директору Рушковскому³ известна была печальная весть; я был у него 25-го поутру и нашел его в слезах, но, как ни допрашивал, ничего узнать не мог. 25-го в субботу велено вдруг запретить все театры, не дав никакой причины такому запрещению. Начала носиться молва, что скончалась Императрица Елизавета Алексеевна⁴, поехавшая лечиться в Таганрог. Весь город был в ужасном волнении, ибо, с одной стороны, закрылись театры, а с другой, не делали никакого объявления. <...> В Английском клубе не было речи о том, никто не смел говорить громко и явно, но все сказывали себе весть по доверенности тайно. Три экстра-почты из Таганрога были остановлены, и никто, следовательно, не мог иметь писем оттуда. <...>

30-го меня поутру разбудили и вручили печатное объявление следующего содержания: «Г. Московский военный генерал-губернатор и кавалер по полученному повелению по случаю кончины обожаемого нами Монарха приглашает дворянское сословие сего ноября 30 дня пополуночи в 11 часов в Успенский собор для принесения присяги Государю Императору Константину Павловичу».

Всех удивляло такое приглашение, последовавшее прежде получения манифеста о восшествии на престол, но все жительствующие в столице дворяне поехали в собор, и я также. Тут читано было громогласно старшим Сената прокурором князем Павлом Павловичем Гагариным письмо Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора графа М. А. Милорадовича к здешнему — князю Д. В. Голицыну, коим он его уведомляет о получении плачевной вести и что при первом известии о сем неожиданном несчастье августейшие члены Императорского дома, Государственный совет и министры собрались в дворце, где его высочество Великий князь Николай Павлович сначала, а за ним и все собравшиеся чиновники учинили присягу в верности Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу; граф Милорадович приглашал князя Голицына последовать тому же примеру. <...>

Случай сей совершенно нов, не бывало, чтоб Государь умирал за 2000 верст от столицы своей и чтобы наследник престола также был в отдаленности 1350 верст от места кончины Государя Императора⁵. Те, коим известна холодность, существующая между нынешним Государем⁶ (который любит нежно Михаила Павловича⁷) и братом его Николаем Павловичем, полагают, что сей последний немедленно присягою желал дать всем прочим верноподанным пример собою и тем оказать новому Государю усердие свое и преданность и <...> заслужить монаршее благоволение. Но нельзя же было и оставить обе столицы как бы в междоусобице, без

*А. П. Швабе. Конный портрет императора Николая I.
Холст, масло. 1843 год*

*Д. Доу. Портрет Александра I.
Холст, масло. До 1824 года*

главы народной. Ежели во время болезни не послан курьер из Таганрога за цесаревичем, то кончина Государя не прежде 27-го числа может ему быть известна в Варшаве, откуда, несмотря на чрезмерную поспешность, с кою Его Высочество ездит, не может он скорее 7 дней поспеть в Петербург, а может быть, и рассудит <... > прежде ехать в Таганрог. Другие еще счастьем полагают, и особенно для самой Государыни Елизаветы Алексеевны, что она не в Петербурге. Известно всеобщее к ней уважение и любовь, можно бы опасаться каких-нибудь необдуманных предприятий со стороны гвардейской молодежи. Последствия были бы пагубны для всех, и к великой скорби бесценной Императрицы присовокупились бы еще другие новые огорчения, кои нельзя было ей и предвидеть.

Теперь обратимся к происходившему в Петербурге. Беспokoйство целого города было чрезмерно велико. Брат мой тамошний почт-директор. <...> По учинении в придворной церкви присяги на верность подданства гг. генералы и командиры полков гвардии отправились из гвардейского штаба к своим командам для приведения их к такой же присяге. По принесении знамен из мест хранения оных каждый полк строился в каре и совершал священный обряд клятвы в верноподданстве Государю. Рыдания солдат слышались вместе с повторением слов присяги. Чувство потери возлюбленного Государя было для всех столь неожиданно, столь чуждо, что трудно было бы изъяснить общее отчаяние. Толпы народа покрывали дворцовую площадь, все в безмолвии смотрели на жилище доброго Государя, ожидая как бы какого-либо утешения. <...>

*Неизвестный художник.
Смотр гвардейских частей на Дворцовой площади. 1810-е годы*

Город наполнен разными странными слухами, из коих важнейший тот, что император Константин Павлович отказался от престола.

<...> Итак, Государь скончался 19-го, а 6 декабря, т. е. 17 дней после того, не было еще манифеста, и Константин Павлович, несмотря на учинение ему обеими столицами и армиями присяг, не вступал в права, престолу присвоенные. Всякий легко понимал, что тут крылась какая-нибудь тайна. Говорят о завещании, оставленном покойным Государем, коим призывался на престол Николай Павлович, по добровольному от одного отречению цесаревича, но что Николай Павлович, неизвестно по каким причинам права свои передал опять Константину Павловичу. Ежели бы сие было достоверно, то покойный Государь еще при жизни своей привел бы все сии меры в исполнение, обнародовал бы торжественно акт о наследии, потребовал бы присягу наследнику своему и приказал бы его упоминать в литургии. Тогда все подданные были бы извещены заранее, кто их Государь в случае кончины императора. Не говоря о Людовике XIII и XIV, известно по истории, как мало исполняются завещания Государей после их смерти. <...>

Судьба наша решилась, кажется, и самым неожиданным образом. Мы поехали с женою поутру (17-го декабря) к тестю моему, заседающему в 6-м департаменте Правительствующего Сената. Его не было дома, он поехал в собрание на дворянские выборы. Княгиня нас просила дожидаться его возвращения; в два часа он приехал с лицом весьма встревоженным. «Нет ли чего, князь?» — «Есть!» — «Что такое?» — «Манифест получен, князь Дмитрий Владимирович оный еще скрывает, но завтра будем мы присягать...» — «Опять присягать?» — спросил я. «Да, опять, но императору Николаю Павловичу». — «А Константин Павлович?» — «Не знаю, но говорит, что он отрекается от престола». Тесть очень был встревожен, прибавил, что в собрании на князе Дмитрие Владимировиче и всех присут-

ствовавших были длинные лица. Меня очень это поразило. «Воля ваша, — сказал я князю, — я незначущ в государстве, но я присяги новой не принесу, присягою играть нельзя, как мячиком, я иначе не присягну, как видя точное отречение Константина Павловича, который в таком случае сам должен будет присягнуть первый новому Государю». Долго мы говорили о сем, как вдруг вошел в комнату свояк мой, полицмейстер Обресков, он то же подтвердил, что и князь Василий Алексеевич, и прибавил еще, что в Петербурге великие беспокойства, что дворец превратился в шинок, куда всякий входит; что он наполнен любопытными, что всякий кричит свое, иные даже намекают о конституции; что гвардия отвергает нового императора, что граф Милорадович, хотевший ее уговаривать, был поруган, а что когда приехал в лейб-гвардии Московский полк, коего шеф (поставленный тут по выбору Николая Павловича) Фридерикс, всеми ненавидимый, то все начали ропотом, а потом от ругательств дошли до побоев, и графа Милорадовича повергли на землю мертвого⁸. Граф А. А. Аракчеев, столь всеми ненавидимый, потому что ему приписывают введение военных поселений⁹, после убийства любовницы его¹⁰ столь был огорчен, что отказался от всех дел, теперь же по приказанию нового Государя опять вступил в отправление разных своих должностей и играет главное лицо¹¹. Все уверены, что он будет иметь судьбу несчастного Милорадовича, который оной не заслуживал, да и смерть сия столь же жестока, сколь она бесполезна, ибо он гвардию не командует и просто блюститель порядка в столице. Трудно всему тому верить; увидим, что завтра будет. <... > Михаил Павлович

К. Я. Каневский. Великий князь Николай Павлович. Бумага, акварель. 1837 год

Д. Доу. Портрет Великого князя Константина Павловича. Холст, масло. 1834 год

*К. Я. Каневский. Великий князь
Михаил Павлович. Бумага, акварель.
1837 год*

не прежде 10-го мог быть в Варшаве, и решительный ответ или отказ Константина Павловича мог быть известен в Петербурге 16-го, а сегодня 17-е число. Как нам в Москве так скоро узнать все это? Одно из двух: или Константин Павлович начал действовать прежде приезда брата своего в Варшаву, или же Николай Павлович, не дождавшись решения цесаревича, захотел принять престол, отчего и последовали все беспокойства. Увидим!

<...> Князь (Д. В. Голицын. — С. III), дабы найти непременно Государя, послал во все три места курьерами адъютантов своих: в Петербург П. П. Новосильцова, в Варшаву П. Н. Демидова, а в Таганрог Талызина. <...> Новосильцов хотя и не мог исполнить цели своего путешествия, но зато попал в Петербург в эпоху крайне достопамятную и любопытную, ибо был свидетелем важных происшествий. <...> Весь достопамятный день 14-го декабря, в коем в течение, может, двух часов висела как бы

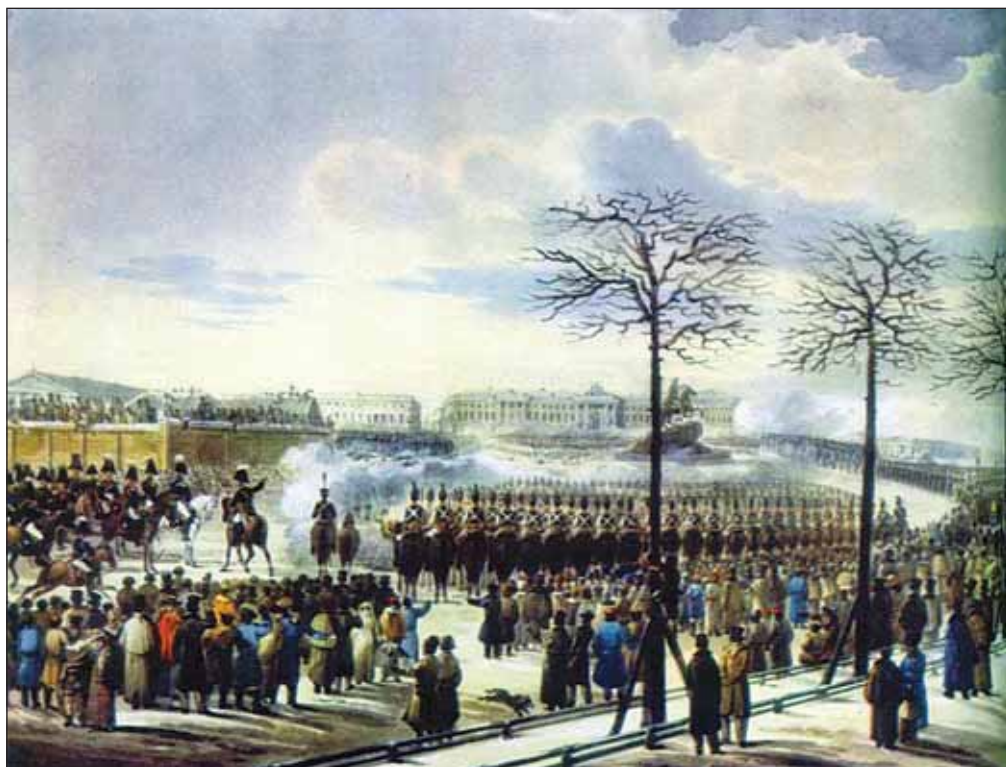
на ниточке судьба царской фамилии и благоденствие России, Новосильцов был в присутствии Государя или с особами, игравшими значущие роли в государстве. <...> Вот вкратце, что происходило в Петербурге: 12-го вечером было получено вторичное и решительное отречение цесаревича. <...> Государь, получив письмо сие, в тот же вечер собрал Государственный совет, прочел в оном грамоту цесаревича и привел членов к присяге. Военному ведомству дано было приказание явиться на другой день в пять часов утра во дворец. Собравшемуся генералитету император читал сам письмо брата своего. Было еще темно, и достопримечательно то, что в комнате той было только две свечи, из коих одну Государь держал в руке близко к письму, дабы видеть, что читает. Сие обстоятельство, по себе ничтожное, доказывает или суматоху, или как в дворце была неисправна служба по сей части.

Манифест печатался. Из трех проектов оного, представленных Государю, писанный историографом Н. М. Карамзиным был одобрен, он же сам был призван к совещаниям, бывшим во все это время во дворце. В проекте, писанном М. М. Сперанским, об отречении Константина Павловича и о манифесте покойного Государя, оное утверждающем, было совершенно умолчано.

<...> Генералам было приказано привести войско к присяге, и они все разошлись для исполнения сего. В Преображенском, Семеновском, лейб-егерском, Конном, Кавалергардском и других [полках] все обошлось с усердием, Измайловский несколько колебался, но все беспорядки, подавшие повод к пролитию крови, начались в Московском лейб-гвардейском полку. Оный был собран в казармах своих перед церковью: священник стал читать клятвенное обещание, многие офицеры и солдаты не повторяли слов вовсе или вполголоса, не поднимали рук вверх, а иные стояли даже спиною к кресту и Евангелию. Полковник и командир полка барон Фридерикс, видя такой беспорядок, велел священнику

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

остановиться и начал громко выговаривать с угрозами тем, кои не присягали как следует. Тогда штабс-капитан того же полка Щепин-Ростовский подошел к Фридериксу и, обнажив шпагу, рассек ему лицо, говоря товарищам своим: «Колите его!» — после чего Фридерикс упал и был изувечен бунтовщиками, но после вылечился от ран и пожалован в генерал-адъютанты к Его Величеству. Услыша сей шум, бригадный генерал В. Н. Шеншин, человек израненный в сражениях и слабый здоровьем, обнажа шпагу свою, закричал: «За мною, ребята, берите бунтовщиков!» Но вместо повиновения молодой князь Оболенский, адъютант генерала Бистрома, сорвал с Шеншина эполеты и ударил его шпагою. Несчастный Шеншин был повергнут на землю, топтан ногами и изранен. Думают, однако же, что останется жив. После сего закричали некоторые офицеры: «Что нам здесь делать? Мы не станем присягать, пойдемте, ребята, к дворцу!» С сими словами тронулся весь полк и пошел по Садовой улице к Адмиралтейству. Они забирали с собой весь народ, попадавшийся им навстречу, и кричали: «Ура, да здравствует император Константин Павлович». Квартальный офицер, осмелившийся спросить у одного офицера причину такого беспорядка, был у дома графа Чернышева тотчас убит. Войско сие с примкнувшими к оному толпами, коих вербовал и вел портной Зеленков, пришло к монументу Петра Великого и стало в боевом порядке, имея налево Неву, направо Исаакиевскую церковь, перед собою Адмиралтейство, а за спинами Сенат и другие дома. Народ, бывший в середине войска, вооружился кольями, камнями — всякий брал между

*К. И. Кольман. Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года.
Акварель. 1830-е годы*

материалами, приуроченными для строения церкви сей, все, что могло служить к защите своей. Можно себе представить, какое странное зрелище представляло таковое вооружение. Известие о беспорядке сём дошло до дворца. Граф Милорадович вызвался привести бунтовщиков в повиновение и отправился на ту площадь. По пылкому своему нраву, вместо того, <... > чтобы начать увещаниями, Милорадович сказал солдатам, подъехав к ним верхом: «Подлецы, бездельники, какие вы гвардейцы? Вы — разбойники, покоритесь вашему Государю, или и вы, и имя ваше истребятся!» В самую эту минуту выстрелил по нём из пистолета человек, стоявший возле него во фраке. Неизвестно еще, кто это именно, подозрение падает на многих¹². Милорадович почувствовал себя раненым, послал адъютанта к Государю сказать о сём, прибавляя, что, перевязав свою рану, он опять

*Д. Доу. Портрет генерала М. А. Милорадовича.
Холст, масло. 1819–1829 годы*

возвратится к войску. Он с трудом мог доехать до Конногвардейского манежа, у коего повалился с лошади, его понесли на руках в Конногвардейские казармы, где он в три часа ночи скончался в полном разуме и с величайшею твердостью. Он много говорил; завещал Алексею Федоровичу Орлову саблю, подаренную ему графинею А. А. Орловою, принадлежавшую покойному графу Алексею Григорьевичу Орлову и пожалованную ему за Чесменское сражение императрицею Екатериною Алексеевною. Незадолго до кончины сказал он: «По крайней мере, не умираю я от руки русского солдата; я один на свете, горестнее было бы умирать отцом семейства». Покуда его несли, он много разговаривал; узнав в одном из окружавших его солдат старого молдавского сослуживца, он завещал ему свои часы золотые; но когда принесли графа в казармы, то оказалось, что часы были у него из кармана украдены.

Милорадович славился своею чрезмерною храбростью, его называли русским Мюратом, но он не был способен к командованию армиею. Суворов его любил, и он сделался известным с Итальянского похода, в коем много раз отличался. Милорадовичу обыкновенно препоручался авангард. В 1812 году, командуя арьергардом, он своею твердостью и решительностью спас отступавшую из столицы российскую армию, объявляя г. Себастиани¹³, что ежели будет сделан хотя один выстрел по русской армии, то Москва обратится в пепел.

Милорадович был очень хвастлив, как скоро речь была о войне, но хвастовство его оправдывалось великою храбростью и неустранимостью. Он был

словоохотлив и предпочтительно объяснялся на французском языке, который знал очень дурно, чем часто веселил общества, в коих бывал. Он проживал все, что ему жаловал Государь, и был вечно без денег и вечно влюблен. Генерал-адъютанту Голенищеву-Кутузову препоручено было запечатать тотчас бумаги и казну покойного графа, но к удивлению нашли у него только 20 копеек серебром, а в ларьках потаенных, где полагали, что сберегаются важные секретные бумаги, нашли письма актрис и любовниц его.

Покуда все сие происходило, 14-го числа в исходе первого часа Государь узнал от командующего гвардией генерала Воинова и от начальника штаба Гвардейского корпуса генерала Нейдгарда, что они арестовали многих офицеров гвардейской конной артиллерии, не хотевших принести присяги, что в Измайловском полку замечено некоторое недоброжелательство, равно как и в Лейб-гренадерском полку, но что Московский [полк] и Гвардейский морской экипаж явно бунтуют. В трудных сих обстоятельствах Государь сохранил все свое хладнокровие. Его величество, взяв <...> на руки 6-летнего сына своего Александра Николаевича, сошел вниз и, показывая его бывшему на карауле у дворца Финляндскому и Егерскому полку и собравшемуся в великом множестве народу, сказал: «Я пойду сейчас сам укрощать мятежников, я обязан царствовать в смутное, как и в спокойное время. Вам вверяю я сына моего и наследника престола: вы мне и России отвечать будете за сохранение сына и матушки моей». Все были тронуты, кричали «ура», целовали полу, сапоги Государя и просили его повести их против возмутителей. Итак, покуда Исаакиевская площадь была сборищем бунтовщиков, дворцовая наполнена была преданными Государю подданными: Великого князя отнесли к Императрице Марии Федоровне, а Государь, сев на лошадь, поехал на Исаакиевскую площадь, по дороге видел он всюду изъявления преданности к нему. Он подъехал к построившимся в батальон-каре перед Сенатом возмущившимся войскам в сопровождении генерал и флигель-адъютантов покойного императора, и тут Государь говорил весьма отважно и благоразумно. «Чего вы хотите?» — «Цесаревича, мы ему присягали», — отвечали бунтовщики. «Я царствовать не желал, — продолжал Государь. — Имея все на сие право по воле покойного Государя и по добровольному отречению цесаревича, я все однако же хотел отклонить от себя бремя царствования, посылал брата Михаила Павловича в Варшаву убеждать цесаревича принять престол, но он вторично и троекратно отказался от престола. Что мне было делать? Российский престол не может оставаться праздным, я должен взойти на оный!»

Все сие не убеждало мятежников, и они продолжали те же крики. Все старания преосвященного митрополита Серафима¹⁴, увещевавшего войска и народ, держа крест в руках, были также тщетны. Государь обратился к генерал-адъютанту Бенкендорфу, говорил, что надобно бы мятежников окружить, но сей ему заметил, что Государь имел при себе только батальон Преображенского полка, а бунтовщиков было уже более 2000 человек. Чернью, дурно вооруженною кольями, предводительствовал некто Граббе-Горский, статский советник, бывший на Кавказе вице-губернатором, и племянник портного Зеленкова. Первый был тут в толпе в мундире статском с шляпою с плюмажем на голове. Толпа сия должна была усилиться разными другими войсками, кои однако же или медленно или вовсе не явились, от страха нерешимости или невозможности. Однако же, кроме Московского [полка], были тут часть лейб-гренадер и Гвардейский морской экипаж. Возвратившийся в самую сию минуту в Петербург Великий князь Михаил Павлович был весьма полезен брату своему.

Между тем Государь дал приказание бывший в карауле у дворца полк, Финляндский егерский, усилить саперным батальоном, а полкам Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому, Гренадерскому и лейб-гвардии артиллерийской первой бригаде явиться к нему на подкрепление.

Долго Государь колебался, желая избежать пролития крови; обращаясь к генералам, принцу Евгению Виртембергскому и Васильчикову, он громко говорил им следующие слова, всеми слышанные: «Дайте мне совет, что мне делать? Я знаю, что несколькими выстрелами могу привести бунтовщиков в повиновение, но я хочу щадить кровь моих подданных. Что мне делать? На что бы решился покойный Государь, ежели бы имел несчастье быть в моем положении?»

Вдруг из рядов мятежников приближается к Государю известный Якубович¹⁵ и начинает с довольною дерзостью говорить с его величеством, уверяя, что он верный подданный, что он почти насильно был вовлечен, говорил о ранах своих, о службе столь красноречиво, что увлек всех окружавших его величество, но Государь отвечал ему: «Я не могу верить, чтобы офицер русский мог быть изменником, но слова одни ничего не доказывают, ты имеешь случай оправдать себя перед моими глазами на этом же месте. Ступай к бунтовщикам, усювети их и обрати их к верности ко мне». Якубович отвечал, что его одного не послушают и без пользы только убьют, ибо и собственные слова и увещания Государя были бесполезны. Тогда флигель-адъютант его величества Дурново вызвался быть проводником Якубовича. Взяв белые платки в руки, они отправились к бунтующей толпе, но все было бесполезно.

Государь, обратясь к генерал-адъютанту Бенкендорфу, сказал ему по-французски: «Надо бы послать войска и окружить их»¹⁶. Но Бенкендорф отвечал: «Это невозможно, их больше, чем нас».

Все окружавшие Государя убеждали его не щадить крови бунтовщиков, а А. Ф. Орлов заметил ему, что несчастный Людовик XVI от таковой пощады потерял престол, а Франция все-таки повергнута была в ужасное кровопролитие. Все Государя убеждали, он один колебался, боясь, что тут погибнет и много невинных с мятежниками. Наконец Ларион Васильевич Васильчиков и принц Евгений Виртембергский представили Государю, что становится темно и что ежели упущено будет благоприятное время, то нельзя предвидеть, какому ужасу подвергнутся царская фамилия и все жители петербургские во время ночи. Государь убедился сими представлениями и приказал поставить шесть орудий против Сената, около

*Н. А. Бестужев. А. И. Якубович.
Акварель. 1831 год*

когого собраны были в полукружие бунтовщики, кричавшие: «Ура! Константин наш Государь и конституция». Понятие сей опоенной и обольщенной толпы, в коей было особенно много девок и развращенных женщин, коим дано было по 10 рублей, были таковые, что когда спросили у одного мещанина, что ты тут кричишь о конституции, то он отвечал: «Как же, ведь все присягали уже Константину Павловичу, стало быть, и Конституции». — «Да что же такое конституция?» — «Это жена Константина Павловича». Первые выстрелы были сделаны через головы толпы в надежде ее рассеять одними выстрелами и шумом, но она стояла неподвижно. Тогда наставили пушки как следует и начали опять стрелять; много перебито народу, полагают, что до 200 человек. Солдаты и мятежники пустились бежать к Неве и в Галерную улицу. Большая часть первых ушли в свои казармы, как будто ни в чем не бывало. Когда все усмирилось, то мертвые тела были все брошены в прорубленные на Неве проруби. Между тем Алексею Федоровичу Орлову велено было с конною гвардией ударить на мятежников, кои стояли спинами к Неве; их били палашами одними, а они оборонялись камнями и, жалея солдат, кидали более лошадям в ноги. На сём месте предводителем толпы был статский советник Граббе-Горский¹⁷.

Здесь (в Москве. — *С. III.*) по случаю прибытия сюда тела покойного Государя распускают разные нелепые слухи, коим глупые и трусливые верят и которые всякий день более и более умножаются. Тут явно действуют под рукою злоумышленники; полиция наша не бдительна и, кроме того, составлена из особ, к коим не оказывается никакого уважения, ни доверенности¹⁸. Сами они слишком равнодушно принимают все рассказы, не стараясь доходить до источников. Например, распускают по городу для возрождения страха и ужаса, что народ не верит, что во гробе точно лежит тело усопшего Государя, что раскроет силою гроб, что Москва зажжется с пяти концов, что это будет сигналом грабежа; что солдаты, кои будут в печальной церемонии с заряженными на всякий случай ружьями, условились стрелять по сенаторам и чиновникам, кои будут в свите; что злоумышленники подпилят столбы, на коих поставлен мост Москворецкий, дабы вся процессия вдруг [об]рушилась в Москву-реку; что в кабаках будут поить народ безденежно и другие тому подобные нелепости. Разговоры эти делаются столь гласными, что правительство принуждено принимать меры, кои не совсем благоразумны. Хотят запретить все кабаки. Зачем? Это было бы показывать страх, а человеку свойственно желать то, что запрещено; тогда-то захотят разбивать кабаки. Хотят всех имеющих фабрики обязать подписками не выпускать в тот день работников и фабричных со двора. Каким правом? Как запрещать идти воздать последнее верноподданническое поклонение праху своего Государя? Имеет ли всякий фабрикант достаточный караул для удержания дома своих работников? Говорят, что будут поставлены на разных расстояниях пушки заряженные. Нехорошо показывать народу, что его подозревают или боятся. Нет сомнения, что все это выдумки, ибо не слыхано, чтобы злоумышленники разглашали заранее свои намерения, чем дают правительству средства принимать меры против оных. Очень быть может, что мошенники, воспользуясь отсутствием великого множества людей, станут шалить в опустевших домах, то нужно только удвоить всюду караулы и заставить дозорам частые делать объезды. Большое число жителей, особливо скупые богачи, отдают все свое имущество в Воспитательный дом на это время. Что же вышло? Те же злоумышленники, узнавши о сём, распустили слухи, что составились большие воровские шайки, кои намерены 4-го числа ограбить Воспитательный дом, почтаamt и банк.

*Москва времен «междуцарствия»
(О. Кадоль. Вид Тверской улицы. Литография. 1820-е годы)*

По моему мнению, всего лучше было бы сделать объявление насчет всего этого. Я написал проект такого объявления, и многие мои приятели убеждали меня поехать к князю (Д. В. Голицыну. — С. III.) и ему оный показать, одобря содержание его. Я подумал, что хотя это и не мое дело, но что в таких случаях долг всякого благомыслящего есть способствовать всеми силами правительству, а потому и решился я поехать к адъютанту князя Дмитрия Владимировича П. П. Новосильцову. <...> Я ему сказал, что в смутную эпоху 1812 года граф Ростопчин, при коем я служил, принимал с благодарностью советы всякого, что не мешало ему делать, что сам признавал полезнейшим; что я князя прошу принять мой подвиг единственно яко опыт моего усердия к благу общему. Новосильцов взялся за это очень охотно, одобрил мои мысли и оставил у себя бумагу для показания оной князю, а завтра (29-го января) хотел дать мне ответ. Приехав домой, я нашел у себя на столе объявление, сделанное жителям обер-полицмейстером по приказанию князя по тому же точно предмету, но писанное слабо.

*Предисловие и публикация
Сергея Викторовича Шумихина*

¹Королевство обеих Сицилий — государство в 1504–1860 (с перерывами) гг., включавшее Сицилию и южную часть Апеннинского полуострова.

²Князь Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — московский военный генерал-губернатор в 1820–1841 гг.

³Рушковский Иван Александрович (1763–1832) — действительный тайный советник, московский почт-директор.

⁴Супруга Александра I.

⁵Великий князь Константин Павлович, официальный наследник престола, в то время (с 1814 г.) был наместником Царства Польского.

⁶Имеется в виду Константин Павлович.

⁷Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) — четвертый сын Павла I, младший брат императоров Александра I и Николая I.

⁸Первые, еще сильно искаженные слухи о произошедшем в Петербурге 14 декабря дошли до Москвы, как видим, спустя три дня.

⁹Военные поселения были учреждены по мысли самого Александра I, а Аракчеев лишь командовал ими.

¹⁰Анастасия Минкина. Убита крепостными Аракчеева в его имении Грузино в сентябре 1825 г.

¹¹Эти предположения были неосновательными — Аракчеев при новом императоре оказался в опале и не выходил из нее до конца своих дней.

¹²М. А. Милорадович был смертельно ранен декабристом П. Г. Каховским.

¹³Себастьяни дела Порта Франсуа Орас Бастьен (1772–1851) — маршал Франции (1840), один из генералов «Великой армии» Наполеона.

¹⁴Серафим (Глаголевский. 1757–1843) — в то время (с 1821 г.) митрополит Санкт-Петербургский, Новгородский, Эстляндский и Финляндский. Известен как духовный писатель, непримиримый борец с мистицизмом и масонством.

¹⁵Якубович Александр Иванович (1792–1845) — участник декабрьского заговора. В день восстания вел себя крайне импульсивно, непоследовательно, в значительной мере спутав планы заговорщиков.

¹⁶Эта фраза и ответ Бенкендорфа Николаю в оригинале приводятся в переводе на русский язык..

¹⁷Булгаков путает Павла Христофоровича Граббе, участника Отечественной войны 1812 г., декабриста, члена Союза благоденствия (впрочем, прощенного царем, сделавшего впоследствии военную карьеру и выйдя в отставку генерал-лейтенантом) и Горского (Грабя-Горского) Осипа-Юлиана Васильевича (1766–1848), в 1825 г. — отставного статского советника, который не являлся членом тайных обществ и оказался в день восстания на Сенатской площади случайно. В ночь на 15 декабря 1825 г. Грабя-Горский был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, 20 февраля 1826 г. отправлен в Военно-сухопутный госпиталь, высочайшим указом от 5 марта 1827 г. сослан в Березов, затем переведен в Тару и Омск, где «случайный декабрист» и умер. Упомянутый ранее «портной Зеленков» — известный в Петербурге закройщик, обшивавший аристократию, кавалергардов, государственных чиновников; упомянут в части XII «Записок» Ф. Ф. Вигеля (1786–1856): «Швальная же знаменитость Занфтлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мне очень памяты: молодые франты моего времени ими только и клялись».

¹⁸Московский обер-полицмейстер генерал-майор Дмитрий Иванович Шульгин — человек совсем новый в сей должности, кроме неопытности, не знает он ни Москвы, ни жителей ее, не жил никогда здесь, да и ума не большого, а честный человек. Полицмейстеры: Козлов заседает только в управе, Александр Павлович Ровинский не пользуется уважением публики и слывет взяточником, Василий Александрович Обресков, свояк мой, человек препростой, больной, ленивый и неспособный к трудной сей должности, а все они вместе не внушают ни почтения, ни страха, ни доверенности (*прим. А. Я. Булгакова*).

Продолжение следует

Николай Владимирович Вехов

Архитектор, ученый, педагог

**О видном исследователе древнерусского зодчества,
архитекторе-реставраторе
Владимире Васильевиче Суслове (1857—1921)**

Владимир Васильевич Суслов родился в семье крепостного крестьянина-живописца в знаменитом селе Палех Владимирской губернии. Когда отцу после реформы 1861 года удалось открыть в Москве у Красных ворот собственную мастерскую, семья перебралась сюда. Интерес к архитектуре проявился у Владимира с детства. Он раздобыл «некоторые рисунки орнаментов русских церквей и стал их копировать дома, что исполнял с большой любовью». Тринадцати лет его определили в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которое он окончил с серебряной медалью, и в 1878 году поступил на архитектурное отделение Петербургской академии художеств¹.

В период обучения в академии Владимир Суслов работал у ведущих архитекторов того времени — А. И. Резанова и С. И. Шестакова. Тогда же начались его путешествия

*В. В. Суслов во время одной из своих экспедиций.
Фотография конца 1890-х годов*

по России, посвященные изучению древнерусской архитектуры не в пыли академических кабинетов, а на просторе русских губерний. Его путевые заметки о поездках на Кавказ и в южные города России часто появлялись на страницах «Нивы».

Уже самые ранние архитектурные проектировочные замыслы студента Владимира Суслова ждала счастливая судьба. Так, его первое творение — совместный с Н. И. Поздеевым конкурсный проект Александровского пассажа в Казани (1880)² получил первую премию, а впоследствии, что случается очень редко, был реализован. Высокую оценку получил и его второй проект — учебно-конкурсный на тему «Здание Окружного суда в столице» (1881), удостоенный второй (малой) золотой медали. За выпускной проект «Театр на 2000 зрителей в столичном городе» в 1882 году Владимир Суслов получил звание «классного художника 1-й степени».

С этого времени В. В. Суслов решает посвятить себя изучению русского народного зодчества и в апреле 1883 года обращается в Совет академии с прошением: «Имея достаточные сведения о древнерус-

ской архитектуре, я крайне желал бы продолжить свое образование в этом направлении и, изучив до сих пор мало исследованные по преимуществу деревянные памятники русского зодчества Вологодской и Архангельской губерний (Двины и Поморья), которые с каждым годом исчезают, я тем мог бы внести хотя незначительную лепту в исследования по этому предмету. <...> Я осмеливаюсь обратиться в Совет <...> с моею покорнейшей просьбой доставить мне хотя бы незначительную помощь деньгами и свободным доступом к изучению памятников на месте. Смею надеяться, что Совет найдет возможным исполнить мое заветное желание принести посильный труд в сокровищницу родного искусства, к познанию которого пробудилось теперь желание русского общества»³.

Первую экспедицию В. В. Сулова по Вологодской и Архангельской губерниям без всякого преувеличения можно назвать настоящим подвигом. Один, с ничтожными финансовыми средствами, он проникал в самые глухие селения отдаленного края, отыскивая, обмеряя, зарисовывая и фотографируя памятники, перелопачивая горы архивных документов. «По дороге приходилось все время расспрашивать, где и какие сохранились старинные церкви. Сведения эти часто бывали сбивчивы, и поэтому нередко приходилось делать безрезультатные объезды от основного пути. <...> Вследствие того, что редко попадались населенные пункты, и из экономии времени приходилось ехать глухими вечерами и даже ночью. По болотистым местам, тянувшимся по несколько верст, приходилось тонуть или ехать по фашиннику, в лесах

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы
на Шамевском погосте Олонецкой губернии*

очищать дорогу от упавших во время вихря деревьев. <...> Работал я во время путешествий страшно много. Имея с собой фотографический аппарат, я полностью исправлял обязанности фотографа и в обмерах принимал самое непосредственное участие, лазая по крышам и другим <...> неприступным местам, зарисовывая, записывая»⁴.

1884 год отмечен для Сулова поездками в Романов-Борисоглебск, Кострому и Ярославль. В следующем году он отправляется на Дон и Волгу, в Переславль-Залесский и Новгород, летом 1887 года проводит изыскания в Кириллове, Угличе, Ярославле и Пскове. Как видим, предметом особого интереса Владимира Васильевича являлись центральные и северные районы России, где сохранялось более всего памятников русского деревянного зодчества.

В. В. Сулов одним из первых отечественных архитекторов-реставраторов начал широко использовать фотографирование памятников как способ фиксации их облика. Данное новшество не так просто было «узаконить», исследователю пришлось немало сил положить на доказательство преимуществ фотографической

техники. В поле его зрения попадало бесконечное множество объектов — от огромных соборов до часовен в глухих деревнях и от крепостей до крестьянских изб, мостов, оград. В путевых блокнотах и на акварелях Сулова нашли отражение предметы декоративно-прикладного искусства, местных промыслов, обычаев. Он искал связь между историей и природой тех краев, где путешествовал, с архитектурой, полагая эту связь бесспорной и органичной»⁵.

После очередной летней экспедиции начиналась рутинная обработка собранных материалов, за которой Сулов проводил все время от осени до весны. Путевые зарисовки и промеры приводились в порядок, вычерчивались перспективные изображения памятников. Чертежи Владимира Васильевича отличались особой тщательностью и графическим мастерством. Для Сулова-архитектора характерна точность линий, тонкая проработка деталей, виртуозное владение пером и акварельной техникой, умение передать специфику атмосферы, окружающей объект. Из-под его пера вышло огромное количество чертежей высочайшего

качества, что всегда удивляло и восхищало коллег.

Нередко архитектор занимался «графической реставрацией» утраченного облика древних сооружений. Часть его реконструкций неоднозначно оценивалась специалистами, а другие, как, например, предложения по реставрации Воскресенского монастыря и церкви Иоанна Предтечи в Угличе позже легли в основу проектов воссоздания некогда утраченных реликвий. Весной оформленные материалы Суслов представлял на выставку в Академию художеств, после чего начинал готовиться к очередному полевому сезону.

Владимир Васильевич совершил и ряд поездок за границу, где не только знакомился с опытом зарубежных коллег, но и принимал участие в проектировании. Так, в 1885 году он побывал в Германии, Франции и Италии, а в 1890-м отправляется в Турцию для проектирования памятника погибшим русским воинам в Сан-Стефано. В 1895 году, проехав по Германии, Австрии, Швейцарии и Польше, зодчий познакомился с новейшими приемами фресковой росписи, разработанной немецким химиком А. Кеймом. В 1901–1902 годах его захватила идея сбора материалов для орнаментального класса Академии — с этой целью Сулов снова отправился в Европу и даже в Северную Африку.

В 1886 году за выполненный по заданию Академии художеств проект «Здание бань в южном городе России в помпейском стиле» В. В. Сулов удостоивается звания академика. За 37 лет творческой работы Владимир Васильевич создал несколько десятков конкурсных и самостоятельных проектов, часть из которых была отмечена

Изда в селе Воробьевском

Церкви и звонница Воскресенского монастыря в Угличе

Воскресенский собор в Романове-Борисоглебске

*Церковь Вознесения Христова, построенная в 1668 году
в селе Кушерецком Архангельской губернии*

премиями и иными поощрениями, а большинство — осуществлено.

В 1880-х годах Суслов начинает выступать с научными сообщениями. Опираясь на свой уникальный опыт, накопленный в многолетних экспедициях, он доказывает самобытность, историческую и художественную ценность творчества русского народа. В 1887 году Владимир Васильевич становится членом Русского археологического общества. Имя его как знатка древнерусского зодчества получает известность в научных кругах. Как раз тогда поднимается вопрос о реставрации трех памятников — Феодоровской часовни близ Переславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и собо-

ра Спасо-Преображенского Мирожского монастыря в Пскове. Археологическая комиссия, на которую был возложен контроль за всеми реставрационными работами в Российской империи, поручила это дело Сулову. Начался новый — реставрационный — период творческой деятельности архитектора и ученого.

В конце 1880-х годов ярко проявился и другой талант В. В. Суслова — педагогический. Безукоризненное знание предмета позволило ему в 1888 году составить первую за время существования Академии художеств программу курса истории древнерусского искусства, который он мечтал начать читать на предполагавшейся им тогда самостоятельной кафедре. Идею удалось ре-

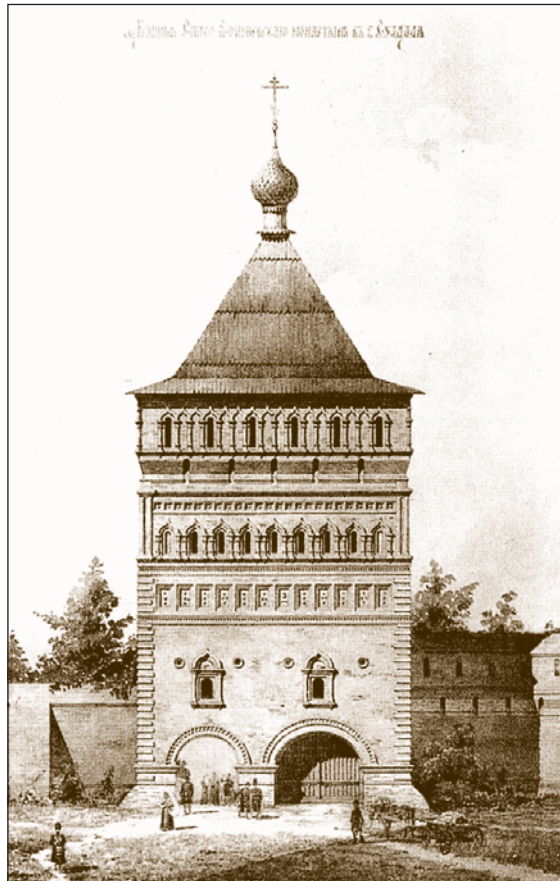
ализовать лишь в 1902 году после того, как Владимира Васильевича избрали на должность профессора искусств архитектурного отделения реорганизованной к тому времени академии. Большое учебно-методическое значение приобрел изданный в 1895–1901 годах коллективный труд «Памятники древнерусского зодчества». Здесь были представлены работы девяти авторов, но больше половины объема принадлежало В. В. Сулову. В иллюстративную часть вошли и акварели Владимира Васильевича; пояснительный текст к ней тоже был суловский.

В. В. Сулов избирается почетным членом Совета академии художеств. Он продолжает успешно участвовать со своими проектами в различных конкурсах — так, в 1898 году предлагает свой вариант Морского собора в Кронштадте и удостоивается третьей премии.

1902–1907 годы — время сравнительно спокойной, оседлой жизни, связанной с академией. У В. В. Суслова появилась семья: в 1902-м он женился на бестужевке Л. Н. Кострицыной. Годом раньше Владимир Васильевич приобрел имение в Мельничном Ручье под Петербургом, где по собственному проекту сначала построил дачу, а затем в 1904 году, когда семья разрослась, — настоящий деревянный дворец. В петербургской квартире по средам у него собирался весь цвет столичной интеллигенции — живописцы А. И. Куинджи, А. И. Корзухин, Г. Г. Мясоедов, В. Е. Маковский, поэт К. К. Случевский, юрист А. Ф. Кони, композитор А. К. Лядов. Устраивались музыкальные и литературные вечера — Владимир Васильевич был большим любителем музыки,

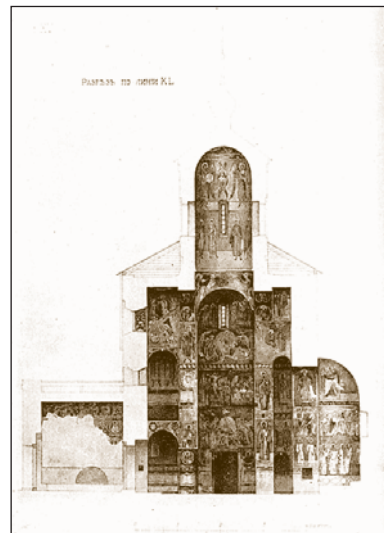
*Церковь
святого
Николая
чудотворца,
построенная
в 1700 году
в селе
Малошуйском
Архангельской
губернии*

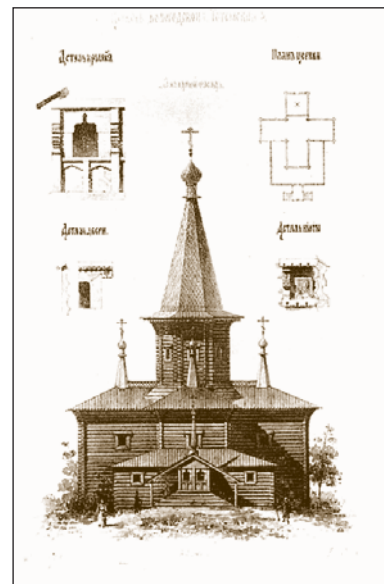
*Надвратная
башня
Спасо-
Евфимиевского
монастыря
в Суздале*

*Проект реставрации
Софийского собора в Новгороде*

*Успенская церковь в Волокове.
Разрез*

*Богородицкая церковь
в селе Верховье*

обладал превосходным голосом, нередко выступал в любительских концертах.

В 1907 году В. В. Суслов предпринял археологические исследования античных памятников Крыма и приступил к написанию монографии на эту тему. Одновременно он завершает «Обзор древнего деревянного дела на Руси» и начинает готовить к изданию материалы по новгородскому Софийскому собору. Тогда же следует приглашение от И. Э. Грабаря участвовать в подготовке «Истории русского искусства», для которой Суслов предоставил свои материалы, но писать «за старостью» отказался⁶, дав лишь небольшой очерк «Деревянное зодчество Сибири». Владимира Васильевича по-прежнему «зовут» во всевозможные комиссии по архитектуре и искусству. Он продолжает оставаться членом Совета академии, куда был избран в 1897 году, и технического художественного совета по Исаакиевскому собору (с 1900), в 1909–1910 годах входит в комиссию по реставрации Успенского Собора Кремля. Среди последних его научных и общественных «нагрузок» — членство в комиссии по постройке «Федоровского городка» в Царском Селе (1913–1916). В 1912–1916 годах, несмотря на ухудшившееся здоровье, он продолжает работать над проектами восстановления церкви преподобного Серафима Саровского

близ деревни Федино Бронницкого уезда Московской губернии и Успения Пресвятой Богородицы в Луганске Екатеринославской губернии, двух храмов в селах Ново-Алексеевское и Сухая Терешка Саратовской губернии, еще одной церкви в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. В 1913 году В. В. Суслов участвует в конкурсе проектов собора Апостолов Петра и Павла у Троицкого моста в Петербурге. Последний его проект — дом для семьи художника М. В. Нестерова в Ялте.

Одной из сфер разносторонней деятельности Владимира Васильевича являлась пропаганда древнерусского искусства. Начиналось все с выпуска открыток по истории архитектуры и искусства, к чему Суслов был причастен самым тесным образом, возглавив в 1913 году комиссию Общества охраны памятников и став одним из основных авторов программы общедоступного издания по истории русского искусства. Задачам популяризации древней архитектуры послужил изданный им в 1911 году альбом «Русское зодчество по преданиям народной старины». Это своеобразное собрание архитектурных фантазий сопровождалось фрагментами из былин, народных песен и стихов русских поэтов.

Нелегко сложились последние годы жизни архитектора, ученого, педагога. После преобразования Академии художеств в Петро-

Дача В. В. Суслова в Мельничном Ручье (не сохранилась). Фотография начала XX века

градские государственные свободные художественно-учебные мастерские (1918) его не включили в профессорско-преподавательский состав нового заведения. Но, будучи уже тяжело больным, В. В. Суслов продолжал работу, заведя секцией по охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР. В июне 1920 года Владимир Васильевич даже рискнул вернуться к полевым научным исследованиям, отправившись в Поволжье. Смерть настигла его в Хвалынске.

Иллюстрации взяты из книги В. В. Суслова «Путевые заметки о севере России и Норвегии» (СПб., 1888) и из книги Сусловой А. В., Славиной Т. А. «Владимир Суслов» (Л., 1978).

¹Сулова А. В., Славина Т. А. Владимир Суслов. Л., 1978. С. 10; Академик архитектуры Владимир Васильевич Суслов. 1857–1921. Чертежи, акварели, проекты реставрации, архитектурные фантазии. Каталог выставки. Л., 1971. С. 7.

²Здесь и далее названия и датировка проектов В. В. Суслова приводятся по вышеуказанному изданию.

³РГИА. Ф. 789, оп. 10, д. 142, л. 20.

⁴Сулова А. В., Славина Т. А. Указ. соч. С. 12.

⁵Сулов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888.

⁶Каждан Т. П. Предисловие к книге «И. Грабарь о русской архитектуре». М., 1969.

Сергей Викторович Шумихин

Советский Жарр, или симфония гудков Революционного Арсения Аврамова

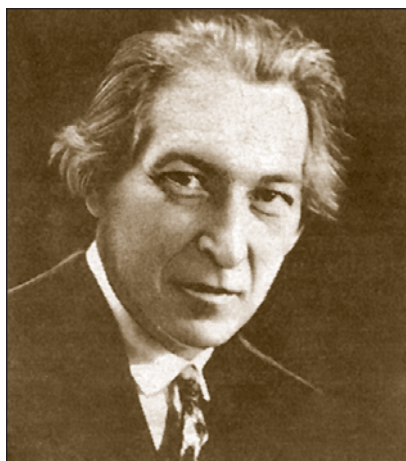
Об одном из творческих экспериментов 1920-х годов

*Довольно грошовых истин, —
Из сердца старое вытри:
Улицы — наши кисти,
Площади — наши палитры!*

Владимир Маяковский

В воспоминаниях Анатолия Мариенгофа читаем: «Ко дню первой годовщины Великой социальной революции композитор Реварсавр (то есть Революционный Арсений Аврамов) предложил советскому правительству свои услуги. Он сказал, что был бы рад продирижировать «Героической симфонией», разумеется, собственного сочинения. А, де, исполнят ее гудки всех московских заводов, фабрик и паровозов. Необходимую перестройку и настройку этих музыкальных инструментов взялся сделать сам композитор при соответствующем мандате Совнаркома.

У Реварсавра было лицо фавна, увенчанное золотистой гривой, даже более вдохновенной, чем у Бетховена. <...> Впоследствии, года через полтора, я с друзьями-имажинистами — с Есениным, Шершеневичем, с Рюриком Ивневым и художником Жоржем Якуловым — восторженно слушал в «Стойле Пегаса»

*Арсений Михайлович Аврамов.
Фотография 1920— начала
1930-х годов*

ревопусы Реварсавра, написанные специально для перенастроенного им рояля. Обычные человеческие пальцы были, конечно, непригодны для исполнения ревмузыки. Поэтому наш имажинистский композитор воспользовался небольшими садовыми граблями. Это не шутка и не преувеличение. Это история и эпоха»¹.

В «Музыкальной энциклопедии» Арсений Михайлович Аврамов (1886—1944) значится только как автор оркестровых и хоро-вых сочинений на кабардинские народные темы. О его футуристическом прошлом не говорится. Надо сказать, что «симфония гудков», несмотря на странность затеи, все же осуществилась, и даже несколько раз. При тогдашнем уровне техники, при бедности, разрухе и продолжающейся гражданской войне это, конечно, был не «Охуген» Жана-Мишеля Жарра. Прямо скажем, совсем не Жарр. И все же — лиха беда начало...

Первое предложение Реварсарва организовать симфонию в Петрограде в 1918 году не вызвало отклика. Вторую попытку он предпринял в Нижнем Новгороде год спустя, во время наступления Колчака на Волгу, но это не удалось технически: никакого единства гудков флотилий и орудийной и пулеметной стрельбы красные командиры в ходе боевых действий добиваться не собирались, да и тратить снаряды попусту отказывались. Наконец, в пятую годовщину Октября в Баку «впервые прозвучала над целым городом музыка, созвучная моменту».

В газете «Бакинский рабочий» 6 ноября 1922 года появился специальный «Наказ по «Гудковой симфонии» за подписями секретаря КП Азербайджана П. И. Чагина и Арсения Аврамова. Вот выдержки из этого уникального в своем роде документа:

«В утро 5-й годовщины 7 ноября к 7 часам все суда Гокаспа (Государственное Каспийское пароходство. — С. III.), Военфлота и Убекокаспия (Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Каспийском море. — С. III.), до мелких паровых катеров включительно, стягиваются к железнодорожной пристани. Каждое судно получает инструкцию и музыкантов на борт и занимает указанное место в районе таможенных пристаней. Миноносец «Достойный» с паровой органной магистралью и мелкие суда размещаются впереди, против сигнальной вышки.

В 9 часов весь флот должен быть на месте.

К тому же часу прибывают на пристань все свободные (маневровые, местного сообщения, бронепоезда и вышедшие из ремонта) паровозы.

Курсанты Армавирских курсов, слушатели Высшей партшколы, ученики Азгосконсерватории и музыканты-профессионалы должны быть на пристани не позже 8.30 утра.

В 10 часов занимают позиции пехота, артиллерия, броневики и автотранспорт, согласно приказа по гарнизону. Аэро и гидропланы стоят наготове. <...>

По первому салютному залпу с рейда вступают с тревожными гудками Зых, Белый Город, Биби-Эйбат и Баилов.

По 5-й пушке — 1 и 2 район Черного Города.

По 10-й — гудки Товароуправления Азнефти и доков.

По 15-й — горрайон. Взлетают гидропланы. Колокола.

По 18-й — гудок жел. дор. депо и оставшихся на станции паровозов (в то же время 1-я рота 4-х арм. комкурсов, предводительствуемая соединенным духовым оркестром и «Варшавянкой», уходит с площади к пристани).

Плакат, выполненный в Баку к 5-летней годовщине Октября, озаглавленной также исполнением «Гудковой симфонии» Реварсарва

КОМПОЗИТОР РЕВАРСАВР БЫЛ ДОВОЛЕН БАКИНСКОЙ СИМФОНИЕЙ. В ЕЕ ИСПОЛНЕНИИ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ ВЕСЬ КАСПИЙСКИЙ ФЛОТ, ДВЕ АРТБАТАРЕИ, РОТЫ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ, ПУЛЕМЕТНАЯ КОМАНДА, ГИДРОПЛАНЫ. ФИНАЛЬНЫЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛ» ИСПОЛНИЛИ ХОР ГУДКОВ АВТОБАТА, СОЕДИНЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ОРКЕСТР В 200 ЧЕЛОВЕК И ВСЯ ПЛОЩАДЬ ПРАЗДНОВАНИЯ.

Тревога достигает максимума и обрывается с 25-й пушкой.

Пауза 1.

Тройной аккорд сирен. «Ура» с пристани.

«Отбой» с магистрали.

«Интернационал» (4 раза). <...>

«Интернационал» повторяется еще дважды во время заключительного шествия по сигналам батареи.

Топка паровых котлов обязательна всюду, где имеются сигнальные гудки.

Все изложенное — к руководству и неукоснительному исполнению под ответственность руководящих учреждений: военных властей, Азнефти, Гокаспа и соответствующих учебных заведений.

Каждый исполнитель обязан иметь при себе этот наказ в момент исполнения».

Композитор Реварсарв был доволен бакинской симфонией. В ее исполнении принимал участие весь Каспийский флот, две артиллерийские батареи, роты красноармейцев, пулеметная

команда, гидропланы. Финальный «Интернационал» исполнили хор гудков автобата, соединенный военный оркестр в 200 человек и вся площадь празднования. Несколько иначе мероприятие воспринималось недоумевавшими зрителями. Обратимся к воспоминаниям Лидии Ивановой, дочери философа и поэта Вячеслава Иванова, жившего тогда в Баку перед своей эмиграцией в Италию и преподававшего в местном университете:

«Появился в Баку музыкант Авраамов. Это был долговязый рыжий энтузиаст, на вид — голодающий. Все его жалели, подкармливали, слушали его теории. Наступал один из крупных гражданских праздников, и Авраамов задумал его отметить еще невиданной грандиозной всенародной симфонией. Трубы всех нефтяных промыслов, окружавших Баку, должны были составить один колоссальный орган, на котором должна была быть сыграна мелодия Интернационала. Каждой сирене поручалась одна нота из мелодии. Маленькие сирены лодок, стоящих в порту, должны были соединяться группами, чтобы составить аккорды для аккомпанемента. Дирижировать всей этой симфонией должен был Авраамов, стоя на батарее и указывая артиллеристам момент, когда они должны были стрелять из портовой пушки. <...> Подготовка длилась очень долго и была действительно сложна.

ДИРИЖИРОВАТЬ ВСЕЙ ЭТОЙ СИМФОНИЕЙ ДОЛЖЕН БЫЛ АВРААМОВ, СТОЯ НА БАТАРЕЕ И УКАЗЫВАЯ Артиллеристам момент, когда они должны были стрелять из портовой пушки.

В торжественный час большая группа людей собралась слушать, но симфония потеряла крах. Послышалась пушка, гудок, пушка, второй гудок — и вдруг пушка замолкла. Замолкли и сирены, потом каждая начала издавать свой звук как попало, сначала поодиночке, потом все вместе заревели что есть мочи. Оказалось, что на горизонте показалось судно, и начальство запретило пушке стрелять. Авраамов заявил, что, несмотря на неудачу, он никогда не чувствовал себя более великим. <...>

Авраамов прожил еще немного в Баку на полученные за свою симфонию деньги и, взяв у знакомых взаймы, сколько удалось,

исчез из города, покинув жену, которую уже успел за это время завести. Злые языки говорили, что он систематически объезжал разные города и покидал их, оставив за собой долги и местную жену»².

В сентябре 1924-го Авраамов предложил организовать «симфонию» Донполитпросвету в Ростове, но, встретив серьезные затруднения, перенес замысел в Москву. И «симфония» (на деле превратившаяся в какофонию) была-таки исполнена! Сам Авраамов, нисколько не обескураженный тем, что терзало уши москвичей 7 ноября 1924 года, так подводил итоги своего революционного опыта:

«Мне хотелось бы лишь отпарировать «рикошеты недоразумений»: основная ошибка, которой я поддался благодаря «столичному» масштабу, была слишком **сложная гармонизация** «Интернационала» и «Варшавянки», из-за которой, при техническом несовершенстве самого инструмента, мелодии стали неузнаваемы для массы; вторая — помещение гудковой магистрали **во дворе** МОГЭСа (а не на крыше, как предполагалось вначале): звука **не хватило** на «аудиторию» Москвы. Все остальное — праздные измышления досужей «критики».

Опыт сделан, сделан на скромные 20 червонцев, отпущенные МК (Московским комитетом ВКП(б). — *С. III.*) на все расходы. Это доказывает отсутствие в замысле утопического элемента. Затратив несколько большую сумму, приспособив к гудкам клавиатуру для «сольного» исполнения, мы сможем иметь грандиозный паровой орган, готовый к услугам Москвы в любой торжественный момент революционного быта. А может быть, внедримся и в бытовые будни, приветствуя «Интернационалом» начало и конец каждого рабочего дня, оповещающая столицу о точном времени <...> и вообще вытесняя и заглушая «колокольный звон» старой культуры рабочим ревом гудков и сирен, самим тембром своим много говорящим пролетарскому сердцу»³.

В № 9 журнала Пролеткульта «Горн» за 1923 год Арсений Авраамов давал техническое обоснование своего проекта:

«Сирены флота и заводов выступают самостоятельно, в особых эпизодах, поодиночке или аккордами на органном пункте басового гудка, под ружейные и пулеметные залпы, главным образом как средство звукописи и сигнализации. При хороших исполнителях можно, конечно, попытаться дать им и гармонические и даже мелодические задания, но это уже виртуозный элемент, не легко вводимый в конструкцию общей тоновой музы-

ки. «Дифференциальная» музыка сиренных звучаний целиком в плане будущего. <...>

Автотранспорт, расположенный в непосредственной близости к месту празднования (в одной из прилегающих улиц), ценен, главным образом, своими шумовыми эффектами, но при достаточном количестве тоновых сигналов может составить и особую тембромгармониевую группу. Шумы самих моторов (особенно грузовиков), равно как и низко летящих аэро и гидропланов, создают изумительные эффекты потрясающего эмоционального действия.

Колокольный звон, набатный, похоронный и ликующе-радостный, применяется в соответствующих эпизодах без учета гармонической концепции, либо весь строй симфонии заранее избирается применительно к имеющимся в распоряжении колоколам (ритмический перезвон флотских «склянок» в Баку сопровождал все исполнение «Интернационала»). <...>

При большой площади разбросанных гудков необходимо иметь для сигнализации хотя бы одно тяжелое орудие и возможность бить из него боевым снарядом (шрапнель не годится, ибо, разрываясь в воздухе, наиболее опасна и дает второй звук взрыва, могущий сбить с толку исполнителей). Опытные пулеметчики (опять-таки при условии стрельбы боевой лентой) не только имитируют барабанную дробь, но и выбивают сложные ритмические фигуры». И так далее, и так далее, и так далее...

Футуристическая заумь, изложенная четкими формулировками красноармейского устава, производит впечатление какого-то «овеществленного бреда». Но Авраамов был вполне серьезен. Он изобрел и «текстоноты», позволявшие не только исполнять, но и репетировать симфонию в закрытом помещении,

illuzii11.livejournal.com

НА ЭТОЙ ГАЗЕТНОЙ
ФОТОГРАФИИ 1920-Х ГОДОВ
АРСЕНИЙ АВРААМОВ
ЗАПЕЧАТЛЕН ДИРИЖИРУЮЩИМ
СВОЕЙ «ГУДКОВОЙ

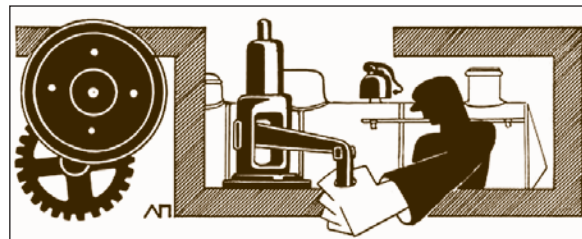
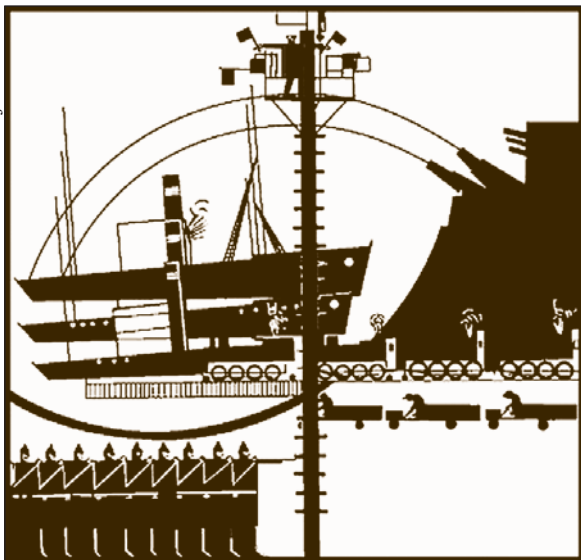
СИМФОНИЕЙ», ПО ЕГО МНЕНИЮ,
ПРИЗВАННОЙ «ВООБЩЕ ВЫТЕСНИТЬ
И ЗАГЛУШИТЬ «КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН»
СТАРОЙ КУЛЬТУРЫ».

«стоит лишь раздать исполнителям соответствующих высот маленькие звучащие приборы, издающие лишь один тон (напр., медные голоса от фисгармонии, глиняные и жестяные детские свистульки и т.д.)».

В первые годы революции Авраамов был близок к кругу эсеров, в 1917-м печатался вместе с Есениным и Мариенгофом в газете «Дело народа». В 1917–1918 годах Авраамов — один из организаторов Пролеткульта, глава музыкального и художественно-этнографического отделов этой организации. Он даже получил должность правительственного комиссара искусств Наркомпроса РСФСР. Чиновник из него, разумеется, вышел никакой.

Арсений Авраамов дружил с имажинистами, был завсегдатаем знаменитого «Стояла Пегаса», даже выпустил в их издательстве книгу «Воплощение. Есенин — Мариенгоф» (М., 1921). На первом листе в качестве эпитафии стояло: «В вас веру мою исповедую». Композитор разбирал стихи

illuzii11.livejournal.com

*Иллюстрации к статье А. Авраамова
«Гудковая симфония»
в журнале «Горн»
(1923. Кн. 9. С. 109—116).
На верхнем рисунке
изображен момент исполнения
«Гудковой симфонии»
в Баку в 1922 году*

РОССИЯ В XX СТОЛЕТИИ

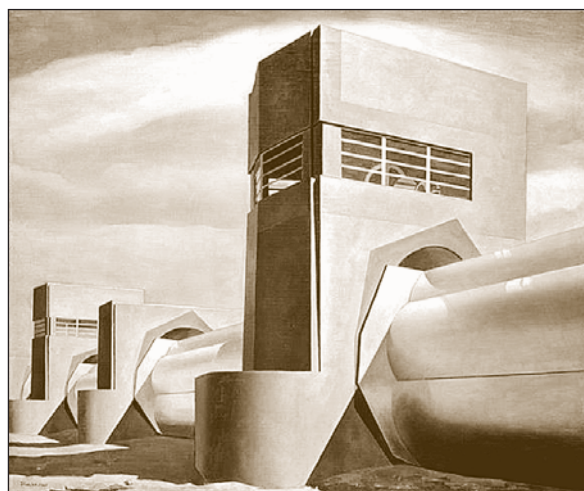
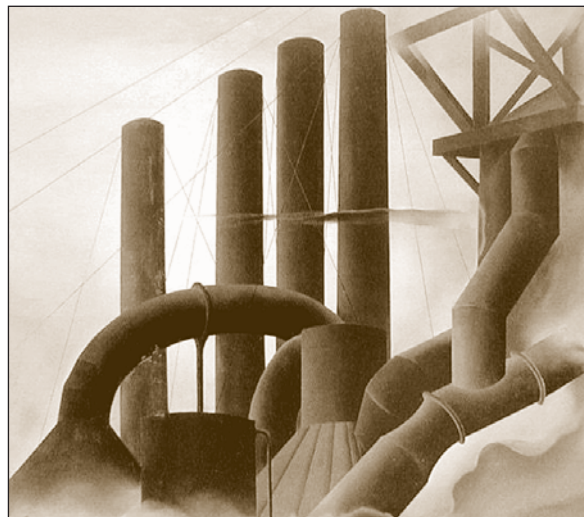
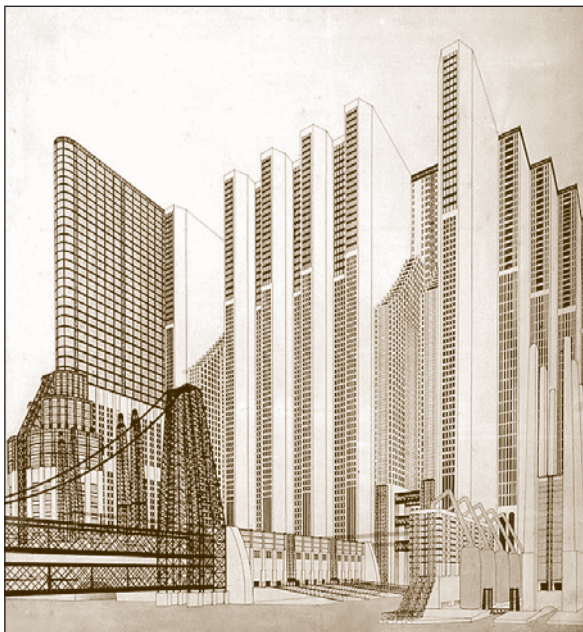
*От футуризма начала XX века —
к неофутуризму*

http://www.de-viz.ru/articles_view.php?articles_id=622

*Башня III Интернационала.
Проект В. Е. Татлина.
1919—1920-е годы*

РОССИЯ В XX СТОЛЕТИИ

<http://ecoculture.info/fotoz/album30>

Сегодняшние проекты городов будущего

«двух величайших поэтов Революции» — Мариенгофа и Есенина как «текстоноты», применяя собственную оригинальную систему записи мелодии (в виде чертежа, вроде кардиограммы, а не нотными знаками), пытался найти музыкальные эквиваленты как имажинистским словесным изыскам, так и традиционным ямбам и хореем. Вдохновенный Реварсавр своими высшими достижениями считал «ревопусы» футуристического периода. Решительное предпочтение отдавалось музыке электронной (тогда она именовалась «радио-музыкой») — таким приборам, как «Терменвокс», изобретенный Л. Терменом, или «Сонар», созданный Н. А. Ананьевым. Эти инструменты открывали новые горизонты, они были призваны произвести полную революцию в музыке, начиная с преодоления температуры и кончая реформой нотописания. В статьях энтузиастов цитировалось крылатое выражение Арсения Авраамова: «Приходит к концу эпоха музыки, исполняемой трением конского волоса (смычок) о баранью жилу (струна)».

В статье «Москва — Петербург», впервые появившейся в 1933 году на немецком языке в немецком журнале «*Slavische Rundschau*», выходящем в Париже, Евгений Замятин вспомнил об опытах Революционного Арсения: «Только в Москве могла быть и была сделана попытка перепрыгнуть в еще более отдаленное и утопическое будущее: несколько лет назад во время одного из революционных праздников новая столица услышала симфонию, исполненную на заводских гудках; дирижировать этими «голосами города» оказалось невозможно, получился нестройный хаос».

Критик, публицист и историк литературы Р. В. Иванов-Разумник 25 января 1941 года писал об Авраамове теоретика искусства и поэту Константину Эрбергу (К. А. Сюннербергу): «Талантливый неудачник, обещавший гораздо больше, чем дал. Автор ряда интересных статей о музыке, <...>, поклонник Ребикова⁴, враг темперированной гаммы, пропагандист натуральной гаммы и «четвертитония». Задуманные грандиозные работы по теории музы-

ки так и остались неосуществленными, но отдельные небольшие напечатанные статьи все очень интересны. За последние годы забросил все теоретические вопросы, уехал в Кабардо-Балкарию и занялся там записыванием и обработкой народных мотивов»⁵.

Жизнь фантазера закончилась печально. 19 мая 1944 года Арсений Михайлович поехал в Музфонд на Миусскую площадь за гонораром. На обратном пути деньги в трамвае вытащил карманник. Кондуктор высадил безбилетного пассажира. И старый музыкант с больным сердцем побрел под палящим солнцем на Малую Якиманку. Домой приплелся чуть живой. Попросил жену набить трубку, сделал затяжку и потерял сознание. Так, не приходя в сознание, и умер. Вдова Реварсавра осталась одна с шестью детьми.

Его похоронили на Даниловском кладбище. Семья по бедности не сумела поставить памятник, и безымянная могила постепенно затерялась.

Сейчас в Москве царят звуки блатного «песняка», что рвутся из динамиков множества кафе и бистро. В центре изредка и достаточно робко — восстановленный в правах колокольный звон. По ночам повсеместно — завывания случайно (или не случайно) сработавшей автосигнализации. Опередившие свое время идеи Арсения Авраамова, включая полеты звена аэропланов (реактивных МИГов), отработал на праздновании 850-летия Москвы у стен МГУ заезжий гастролер. У француза, правда, дальше Лужников звук не разносился...

С декабря 2008 по 4 января 2009 года на выставке в парижском музее современного искусства «*Palace de Tokyo*» была представлена советская экспериментальная и электронная музыка 1920-х годов. Как писали в отзывах о ней обозреватели, «имена людей, совершивших культурный прорыв в революционные 1920-е годы, совершенно неизвестны стране». Среди забытых — и РЕВолюционный АРСений АВРААМОВ.

А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?..

¹Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 91–92.

²Иванова Л. В. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 113–114.

³Художник и зритель. 1924. № 1. С. 50–51.

⁴Ребиков Владимир Иванович (1866–1920) — композитор, близкий к символистам, один из пионеров целотонной музыки в России, чей стиль значительно отличался от установившихся норм композиции, почему его эксперименты в области музыкального языка встречали непонимание со стороны современников.

⁵Цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 135.

24 октября 2009 года

*Московский государственный историко-этнографический театр
(Москва, улица Рудневой, 3)*

Постановка драматической хроники А. Н. Островского «Тушино»

В середине 1860-х годов Александр Николаевич Островский обращается к истории Смутного времени: в 1866 году пишет две драматические хроники — «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Тушино», а затем в сотрудничестве с известным историком и театральным деятелем С. А. Гедеоновым — историческую драму из времен Ивана Грозного «Василиса Мелентьева». Критик либеральной газеты «Голос» отмечал: «В обществе и в печати довольно распространено мнение, что «Тушино» — слабейшая из драматических хроник г. Островского. Мы не разделяем этого мнения, <...> эпоха тушинского вора начерчена автором мастерски. <...> Что касается Василия Шуйского и тушинского вора, то характеры их изображены совершенно верно истории». Главное достоинство хроники критик видел в «эпическом изображении эпохи» и с похвалой отзывался о колоритности и «определенности» характеров Николая и Максима Редриковых. «Рядом с братьями Редриковыми на ту же ступень главного действующего лица поставлена дочь ростовского воеводы Сеитова Людмила — новая попытка со стороны г. Островского нарисовать идеальную русскую женщину. Людмила — натура блестящая в полном смысле этого слова: своевольная, капризная, но умная, способная, страстная, великодушная».

На сцене хроника была одновременно поставлена в Москве и в Петербурге. 23 ноября 1867 года в Малом театре (в бенефис В. И. Живокини) роли исполняли П. М. Садовский (Сеитов), Г. Н. Федотова (Людмила), И. В. Самарин (Дементий Редриков), П. Г. Степанов (Шуйский), В. И. Живокини

(Скуратов). В Александринском театре (в бенефис Л. Л. Леонидова) в спектакле выступили П. В. Васильев (Шуйский), П. И. Зубров (Скуратов), Н. Ф. Сазонов, который, по оценке самого драматурга, «в роли молодого Редрикова <...> обнаружил много нежности, много искреннего чувства». Пьеса «Тушино» ставилась редко, в период с 1875 по 1917 год — всего пять раз, а потом и вовсе была забыта. Не лучшим образом судьба обошлась и с хроникой «Дмитрий Самозванец

и Василий Шуйский». Больше повезло «Василисе Меленьгевой», время от времени появляющейся на театральных подмостках. В позапрошлом сезоне Малый театр вернул на отечественную сцену «Дмитрия Самозванца». В нынешнем сезоне историческую справедливость по отношению к классику восстановил Московский государственный историко-этнографический театр, поставив «Тушино». Это — пьеса о временах великой смуты на Руси, когда в Москве правил царь Василий Шуйский, а в Тушино — Лжедмитрий II.

Напомним исторические реалии. Вскоре после убийства Лжедмитрия I пошли слухи о его чудесном спасении. Тело Самозванца, изувеченное до неузнаваемости, сожгли, пеплом выстрелили в сторону Польши, откуда он и явился. Через неделю в Москве появились «подметные грамоты», писанные якобы спасшимся «царем». В воцарении нового самозванца были заинтересованы многие общественные силы, недовольные властью Василия Шуйского. Сведения о происхождении Лжедмитрия II весьма противоречивы, прошлое его темно. Народ назвал этого ложного царя «вором», а когда в начале июня 1608 года его войско расположилось лагерем в Тушине, — «Тушинским вором». Взять Москву ему не удалось, и Тушино стало временной столицей «царя Дмитрия». В сентябре к нему прибыла вдова первого Лжедмитрия Марина Мнишек, «признавшая» в нем своего супруга. Для них был создан дворцовый штат по образцу московского. Из противников Шуйского в Тушине сложилась своя боярская дума, имелся даже свой патриарх. В стране фактически возникло двоевластие. Но вскоре ссоры и распри в окружении ложного царя привели к низвержению и этого самозваного российского правителя. В декабре 1610 года Лжедмитрия II убил на охоте татарин Урусов, мстивший за казнь Касимовского царя.

Однако в центре «хроники смутного времени» А. Н. Островского не главные участники событий — Дмитрий Самозванец, Василий и Дмитрий Шуйские (хотя эти персонажи тоже присутствуют), а судьба маленького человека в кровавую братоубийственную эпоху. «Тушино» — трагическая история двух братьев, оказавшихся в двух враждебных лагерях (один у Василия Шуйского, другой у Дмитрия Самозванца). Пьеса написана в стихах, наподобие пушкинского «Бориса Годунова», красивым поэтическим языком, а в исполнении актеров Московского историко-этнографического театра, имеющих опыт

работы с поэтическими и музыкальными текстами, как оказалось, — языком еще и очень легким, «летающим». Наиболее яркие постановки этого коллектива — «Русский календарь», «Ярмарка начала века», «Казачье действо», «Шиш московский» Б. В. Шергина, «Час воли Божией» Н. С. Лескова, «Песнь судьбы» А. А. Блока, серия спектаклей по русским народным сказкам («Морская царь и Василиса Премудрая», «Сказка об Иване-царевиче и сером волке», «Финист — Ясный Сокол»). Среди крупных постановочных проектов, осуществленных театром, — «Свеча земли русской» в Высокопетровском монастыре, «Измайловский остров» в родовой усадьбе Романовых, «Буди ко мне, братия, во Москву» — историческое действо к 850-летию Москвы, а также «Посадник» А. К. Толстого в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря, ночной спектакль под открытым небом на Бежином лугу «Туда, туда в раздольные поля» по «Запискам охотника» И. С. Тургенева, историческое действо «Семен Дежнев» в Анадыре. Своеобразной «генеральной репетицией» перед работой над хроникой А. Н. Островского стал спектакль «Комедь 17 века» — «историко-этнографическое полотно» «О скоморохе Филипке, о гусаке, о спеси, а кстати, и о бороде боярской» — подлинная энциклопедия жизни Москвы в допетровскую эпоху. В населенной множеством разнохарактерных персонажей пьесе главный герой — живой язык москвичей XVII века, «меткое московское слово».

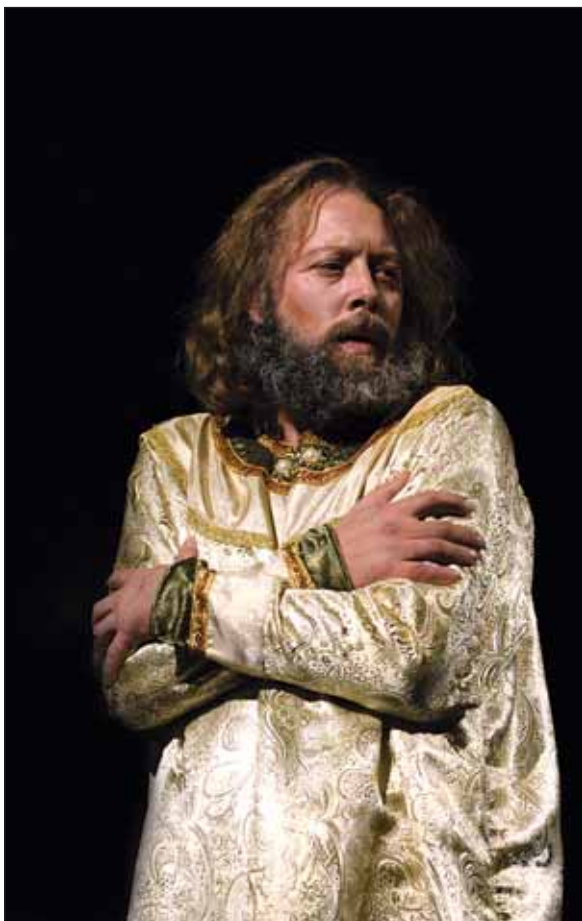
Идею постановки хроники «Тушино» режиссер Михаил Мизюков вынашивал несколько лет. Московский государственный историко-этнографический театр был создан в 1988 году выпускниками Театрального училища имени М. С. Щепкина при Малом театре. Исторические реалии и этнографические подробности интересовали режиссера не меньше, чем психологическая достовер-

Максим Редриков (Игорь Стал)

Ян Сапега (Антон Парамонов)

Василий Шуйский (Антон Чудецкий)

ность характеров. В спектакле немало актерских удач. В первую очередь это касается исполнителей двух главных ролей — выпускника училища 2005 года Романа Булатова (Николай Редриков) и более опытного Игоря Стама (Максим Редриков), тоже щепкинца, за плечами которого роли в «Ленкоме» и в Российском академическом молодежном театре. Максим Редриков — гордый, своевольный, задиристый московский дворянин, живущий по принципу «береги честь смолоду». Ростовский воевода Сеитов повелел выгнать дворянское семейство с постоянного двора, чтобы самому разместиться здесь с комфортом. Вот начало поселившейся в сердце Максима обиды, которая начинает управлять всеми его делами и поступками и в конце концов приводит в стан Тушинского вора. Николай — младший, «моленный» сынок — мягкий, романтически влюбленный в дочь Сеитова Людмилу. Братья искренне привязаны друг к другу — тем трагичнее их обреченность воевать друг против друга.

*Людмила (Светлана Американцева)
с отцом (Павел Суетин)*

Действие пьесы происходит в сентябре-октябре 1608 года на Владимирской дороге, в стане Шуйского на Пресне, у Никольских ворот в Москве, в Тушино, у стен Троицкого монастыря, в Ростове. В ней множество персонажей — дворяне, бояре, князья, воеводы, атаманы, разбойники, священники, скоморохи... В спектакле участвует вся труппа театра, поэтому зрелище получилось масштабным, многонаселенным, многокрасочным. Сценическое оформление достаточно условно. Деревянная изба становится царскими покоем, площадью, помостом, по которому в конце спектакля герои уходят на смерть (сценография Сергея Топоркова). Костюмы, точно соответствующие эпохе, выдержаны в багрово-красных тонах, что придает атмосфере спектакля беспокойную, тревожную ноту (художник по костюмам

Финальная сцена: братья Редриковы прощают друг друга (Николай Редриков — Роман Булатов)

Наталья Михайлова). Звучат монастырские распевы XVI века в исполнении хоров Московской Патриархии «Древнерусский распев», Свято-Данилова монастыря, женского Тихвинского монастыря и фрагменты произ-

ведений Кшиштофа Пендерецкого — польского классика XX века.

В заключение скажем, что 19 января 2010 года художественный руководитель Московского государственного историко-этнографического театра Михаил Мизюков за спектакль «Тушино» удостоился премии «Имперская культура». Эта премия, учрежденная Союзом писателей России, фондом святителя Иоанна Златоуста, журналом «Новая книга России» и ИИПК «Ихтиос» вручается уже в течение десяти лет тем представителям современной отечественной культуры, «кто посвятил себя духовному служению своему народу, русской культуре и ее традициям», «кто занят просветительской деятельностью и деятельностью во благо своего Отечества».

Галина Аркадьевна Степанова

11–12 февраля 2010 года

*Серебряно-Прудский муниципальный район
(Московская область)*

Мероприятия, посвященные 110-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова

11 февраля в Серебряно-Прудской средней школе имени В. И. Чуйкова состоялась научно-практическая конференция «Роль музея в сохранении исторического наследия и воспитании у подрастающего поколения качеств патриота и гражданина». Открыл и вел ее первый заместитель главы администрации Серебряно-Прудского муниципального района В. В. Мельников. В конференции, кроме представителей Москвы и Подмосковья, принимали участие делегации из Волгограда, Тулы, Украины, Германии. Среди почетных гостей — писатели, ученые, краеведы, учителя, работники музеев, кинематографисты, ветераны Великой Отечественной войны.

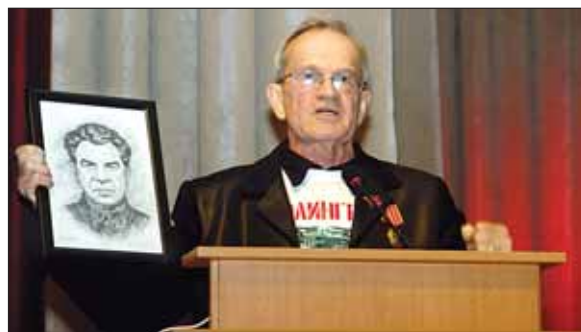

*На открытии конференции.
А. И. Величкин (слева) и В. В. Мельников*

Выступившие директор Государственного историко-мемориального заповедника «Сталинградская битва» А. И. Величкин (Волгоград), генерал-майор, старший научный сотрудник Музея истории советско-российских войск в Германии А. В. Фурс, заведующий народным музеем Волгоградского мужского педагогического лицея Ф. Л. Дубов, научный сотрудник музея МЧС России Г. В. Обысов, заведующая музеем школы № 69 города Запорожье Л. В. Трыкова, директор Мемориального дома-музея В. И. Чуйкова А. В. Садофьев (Серебряные Пруды) и другие рассказали о своей деятельности по сохранению памяти прославленного маршала, об исследовательской работе и находках. Выступали также участник Сталинградской битвы генерал-полковник А. Г. Мережко, первый вице-президент Германо-российского общества А. А. Урбан, заместитель директора по воспитательной работе Серебряно-Прудской средней школы имени В. И. Чуйкова Р. Л. Фролочкина. В своем сообщении заместитель главы Серебряно-Прудского муниципального района А. И. Волков озвучил ряд доселе неизвестных фактов, в частности, представил собравшимся метрическую книгу серебрянопрудской Никольской церкви, в которой указана истинная дата рождения В. И. Чуйкова. Сын и внук полководца — Александр Васильевич и Николай Владимирович Чуйковы — поблагодарили организаторов за их инициативу.

По итогам работы конференции была принята резолюция, создан Общественный совет музеев. Участники отметили, что на серебрянопрудской земле воплотилась в жизнь идея о совместной работе всех музеев, хранящих память о маршале Чуйкове. В настоящее время назрела необходимость в переиздании трудов полководца, выпуске подробной биографической книги и альбома о нем.

В полдень 12 февраля на центральной площади райцентра, носящей имя В. И. Чуйкова, состоялась торжественная церемония возложения венков и цветов к бюсту прославленного земляка. Затем в районном Доме культуры прошло торжественное собрание, посвященное юбилею. Оно началось с показа документального фильма о В. И. Чуйкове режиссера Петра Соколова. Под военный марш знаменной группой на сцену были внесены овеянные ратной славой боевые знамена 62-й (8-й) гвардейской армии и 13-й стрелковой дивизии, факел Сталинградской победы, одержанной под командованием Чуйкова. Собрание открыл глава Серебряно-Прудского муниципального района А. К. Таскин, рассказавший о жизненном и боевом пути Василия Ивановича. Сын полководца

Выступает А. В. Чуйков — сын маршала В. И. Чуйкова

Реплику с места подает И. С. Баграмян — внук маршала И. Х. Баграмяна

Выступление А. А. Урбана

У бюста маршала В. И. Чуйкова (слева направо): председатель Совета ветеранов 62-й (8-й) гвардейской армии Е. П. Куропатков, генерал-полковник А. Г. Мережко, председатель Совета ветеранов военной службы Серебряно-Прудского района Ю. С. Лыткин, настоятель Никольского храма иерей Алексей (Носков)

ЛЕТОПИСЕЦ

*Глава
Серебряно-
Прудского
муниципального
района
А. К. Таскин*

Александр Васильевич Чуйков в своем выступлении отметил, что он как серебрянопрудцев, так и жителей города-героя на Волге считает своими земляками. Продолжительными аплодисментами была встречена речь участника Сталинградской битвы генерал-полковника А. Г. Мережко, в которой прозвучали такие слова: «От имени всех живых и погибших сталинградцев хочу поблагодарить серебрянопрудцев за то, что вы бережно храните память о своем выдающемся земляке. Это особенно радует, так как в наших СМИ, к сожалению, недостаточно представлены материалы о полководцах Великой Отечественной. На вашей земле я нахожусь в первый раз и потому особенно взволнован и рад тому, что увидел в Серебряных Прудах. Я участвовал в Сталинградской битве с ее первого и до последнего дня. Не раз был на докладе у генерала Чуйкова. Он не только проявил себя отличным стратегом и тактиком, но и демонстрировал примеры личного мужества. Чуйков командовал войсками, находясь в непосредственной близости от передовой. Командарм был в окопах рядом со своими бойцами, подвергаясь смертельной опасности. Принципи-

альный военачальник, он пользовался непрерываемым авторитетом среди солдат и офицеров. Василий Иванович, невзирая на ранги, отстаивал свое мнение в вопросах ведения боев, и оно, как правило, оказывалось верным. Я горжусь тем, что вхожу в число тех, кто называет себя сталинградцами-чуйковцами. Низкий вам поклон за память о маршале Чуйкове!».

Первый заместитель председателя центрального совета ветеранов МЧС России генерал-майор в отставке А. А. Бабаянц говорил об огромной роли Сталинградской победы в ходе всей Второй мировой войны. Плененный немецкий генерал-фельдмаршал Паулюс не случайно попросил показать ему генерала, воевавшего против него. Чуйков не был «паркетным генералом», подчеркнул А. А. Бабаянц, а всегда находился на самых сложных участках линии фронта. «Он умел мыслить на перспективу. Многие из того, что было задумано Василием Ивановичем, в настоящее время реализуется в деятельности Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации. Мы гордимся тем, что являемся продолжателями дела, которому посвятил свою жизнь В. И. Чуйков».

В заключение глава муниципального района А. К. Таскин и генерал-полковник А. Г. Мережко вручили участникам Сталинградской битвы юбилейные медали «65 лет Победы в Великой Отечественной войне». Гости посетили дом-музей В. И. Чуйкова, могилу родителей маршала, ознакомились с достопримечательностями Серебряных Прудов, встретились с молодежью на «Уроках мужества», побывали на турнире по борьбе дзюдо, посвященном памяти В. И. Чуйкова.

Алексей Иванович Волков

ИНФОРМНАУКА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

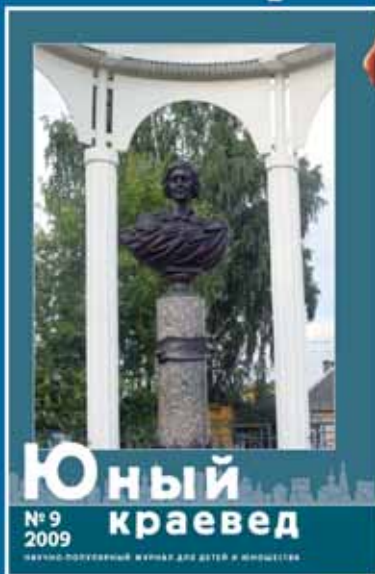
ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

- ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
- ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
- ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

Юный краевед

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Журнал удостоен
знака отличия
«Золотой фонд прессы»

Известные историки, археологи, музейные работники помогают ребятам стать настоящими патриотами России, изучать родной край, открывать секреты краеведческой профессии. Журнал — настоящая лаборатория юного краеведа.

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ.

- «Работы твоих сверстников»;
- «Нам пишут»;
- «Школьный музей»;
- «Геральдика»;
- «Точка на карте — моя родина»;
- «Отечественная война 1812 года»;
- «Самый оригинальный памятник».

Выходит ежемесячно

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
По каталогу «Роспечать»

20249

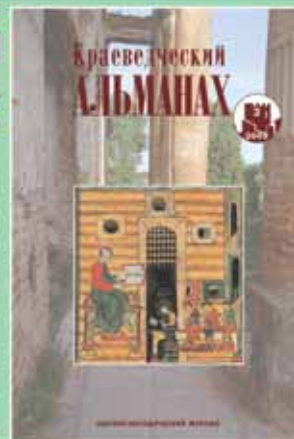
По каталогу «Пресса России»

10460

Издаются Русской школьной библиотечной ассоциацией совместно с Союзом краеведов России.

Краеведческий альманах

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
(приложение к журналу
«Юный краевед»)

Цель нового научно-методического журнала — обеспечить взаимообогащение краеведческих направлений исследовательской работы с детьми и взрослыми, помочь обмениваться опытом краеведческой работы, рассказать о краеведческих программах школьной и внешней работы с детьми.

Краеведческий альманах — попытка достижения единства не только географического, но и духовного пространства в мироощущении юного россиянина.

Основные рубрики альманаха:

- Естественно-научное краеведение;
- Образование и краеведение;
- Творческая лаборатория;
- Интерактивное краеведение;
- Кладовая педагогического опыта;
- Традиции народной культуры;
- Музейная педагогика.

Выходит 4 раза в год

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:
по каталогу «Роспечать» — 47413
по каталогу «Пресса России» — 88277

КООРДИНАТЫ РЕДАЦИИ:

Почтовый адрес: 109012, г. Москва, М. Черкасский пер, д. 1/3, офис 437
Тел./факс: 7 (495) 628-34-80; Тел: 7 (495) 624-80-28; e-mail: s-bibl@mail.ru; www.rusla.ru

АССОЦИАЦИЯ
"НАРОДНЫЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОМЫСЛЫ РОССИИ"

специализированный
СВК выставочный
комплекс
ВВЦ

V ФЕСТИВАЛЬ
НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ И ХУДОЖНИКОВ РОССИИ

ЖАР-ПТИЦА

ВВЦ, павильон №69

15-19 апреля 2010г.

В рамках Фестиваля:
выставка "Бокровица Севера"

Ассоциация коренных
малочисленных народов
Севера, Сибири и
Дальнего Востока России

Время работы выставки:

15 апреля: с 12.00 до 19.00

16-18 апреля: с 11.00 до 19.00

19 апреля: с 11.00 до 15.00

Тел: (499)124-08-09, 124-25-44; (495) 544-34-16

Факс: (499)124-63-79, 760-33-78

www.nkhp.ru, www.svkvvc.ru

e-mail: nkhp@mail.ru, ast@svkvvc.ru

Иван Иванович Магер

«Среди туч — к солнцу!»

О художнике
Владимире Михайловиче Татаринове

«Среди туч — к солнцу!» — название одной из представленных здесь картин В. М. Татаринова. Оно удивительно созвучно его творческой судьбе — непростой, порой драматичной, но в итоге безусловно состоявшейся. «Московский журнал» уже писал о нем — в № 1 за 2008 год. Сегодня вниманию читателей предлагается новая подборка работ художника, у которого в этом году — юбилей! Но сначала напомним вкратце уже сказанное.

В. М. Татаринев родился в 1935 году в Новоусманском районе Воронежской области. В 1946 году его отца назначили директором музея «Горки Ленинские», и семья переехала туда. Володя рисовал с детства. Рисовал столь изрядно, что вскоре его заметили специалисты. Он поступает сразу в 4-й класс Московской средней художественной школы (ныне — Московский академический художественный лицей). Затем был Суриковский институт, занятия в мастерской народного художника России Павла Петровича Соколова-Скаля. Однако в начале 1960-х годов за увлечение модным в то время импрессионизмом Владимир — по общему признанию, один из самых талантливых студентов — был исключен из института. Ответ-

ная реакция оказалась весьма неординарной: молодой художник бросил кисти и краски и, поступив на завод автотракторной электроаппаратуры, прошел путь от ученика до токаря-универсала высочайшего класса.

Почти сорок лет без живописи... Возвращение состоялось в 1998 году, когда Владимир Михайлович вновь взялся за кисти и краски, прервав наконец столь долго длившееся творческое молчание. Достал из «запасников» и свои старые — детские и студенческие — работы. Одна за другой последовали персональные выставки (Москва, Михайловское, Поленово, Горки), произведения художника достаточно широко начали публиковаться. Каждую выставку художника, по его словам, можно назвать обобщенно: «Солнце, небеса, поля, леса, реки и лики наши». Владимир Михайлович — автор многих психологических портретов, замечательных своей связью с темой природы, которая рядом, везде, где живет человек.

«Московский журнал» писал два года назад: «Ныне творчество В. М. Татаринова открывается заново — искусствоведам, коллекционерам и просто любителям живописи». Время в полной мере подтвердило эти слова.

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Бабушка.
Бумага, карандаш. 1952 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Портрет
Петра Яковлевича
Безбородова
(двоюродного деда автора).
Бумага, карандаш.
1952 год*

*«Вот мчится
тройка почтовая...».
Бумага, карандаш.
1953 год*

*Сосны ловят последние лучи солнца.
Картон, масло. 1953 год*

Средь туч — к солнцу! Картон, масло. 1998 год

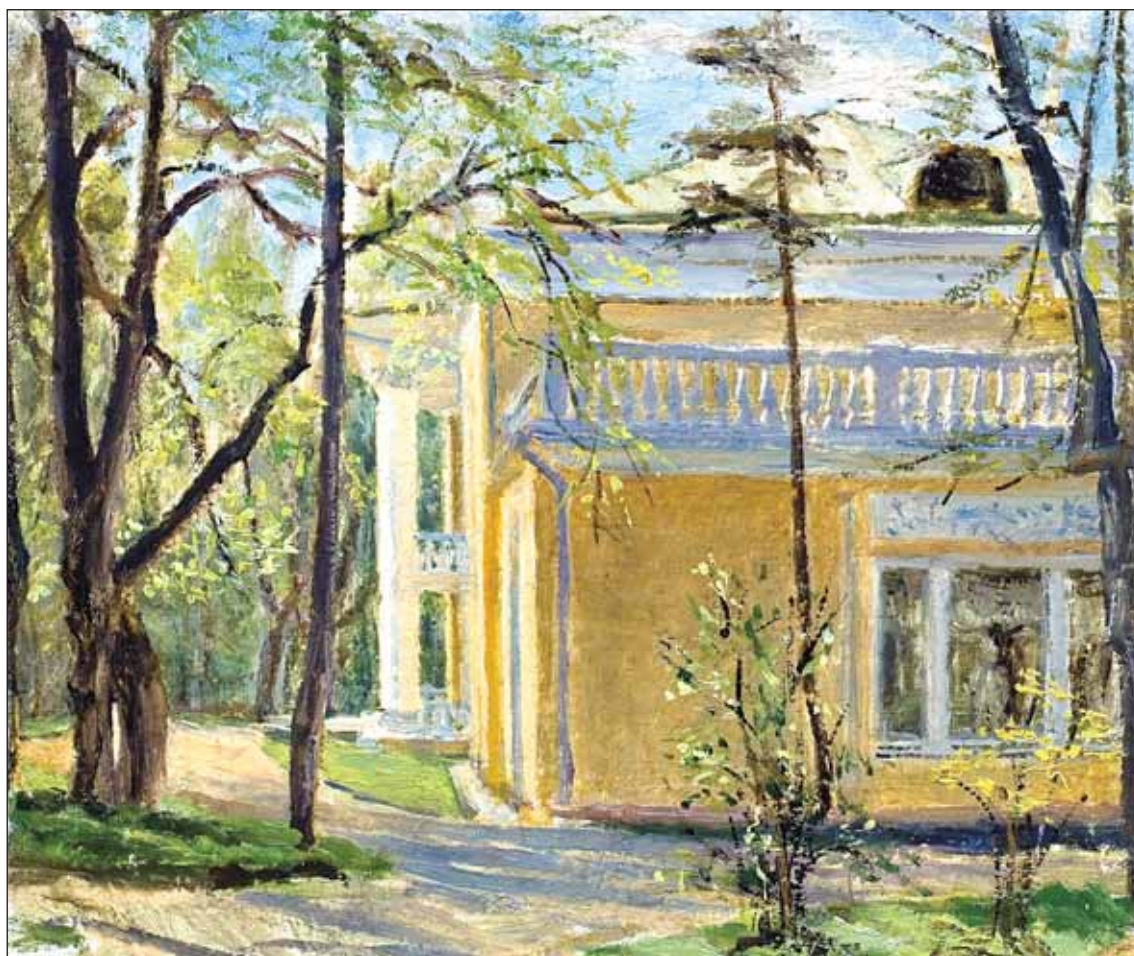
КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Портрет сестры в интерьере.
Картон, масло. 1952 год*

*Портрет отца.
Холст, масло. 1951 год*

Усадьба «Горки». Большой дом утром. Картон, масло. 1948 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Весна. Бульвар.
Холст, масло. 1952 год*

*Весна. Просека. Первая зелень.
Картон, масло. 1953 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Портрет девушки (фрагмент).
Холст, масло. 1953 год*

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Материалы,
посвященные
65-летию победы
нашего народа
в Великой
Отечественной
войне**

**Жар-птица:
от лубка
до кинематографа.
О воплощениях
этого сказочного образа
в русской культуре**

